

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ПАГУБА

Пепел богов

Сергей Малицкий

Пагуба

« Автор»

2011

Малицкий С.

Пагуба / С. Малицкий — « Автор», 2011 — (Пепел богов)

ISBN 978-5-9922-0960-0

Он родился в мире, укрытом небосводом цвета сухой глины. Он лишился матери в шесть лет, никогда не знал отца. Его нынешний удел – жизнь бродячего циркача и редкое, но изощренное воровство. Его названные родные такие же изгои, как и он сам. В его душе планы мести, потому что в его мире справедливость подобна изделиям ремесленников, она создается собственными руками. Но когда ему исполнится шестнадцать, на его уничтожение будут брошены силы целого государства. И не только они...

ISBN 978-5-9922-0960-0

© Малицкий С., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Малицкий

Пагуба

Пролог

Ветер дул с перевала, сек дождем со снегом разрисованный яркими красками тент, добирался и до скорчившихся на козлах возниц. Слепой Курант прислушивался к хлюпанью воды под колесами повозки с опаской. Хотя и успели пройти самое опасное место, но начало зимы в горах есть начало зимы: заледенеет дорога – и не спасут ни угольные подковы, ни крепкая еще упряжь, ни подбитые железом колеса. Последние так еще и ухудшат дело. Да и что полагаться на упряжь и подковы, если лошади немолоды? Еще сезон – и придется расставаться со старичками, с гнедым так уж точно. Самана еще месяц назад говорила, что жеребец смотрит на нее так, словно она должна ему десяток монет.

– Харас, – позвал Курант. – Харас, тлен в глаза!

Худой конопатый подросток, сидевший рядом, сдернул с рыжей макушки мокрый капюшон и посмотрел на старика, выстукивая зубами от холода.

– Я здесь.

– Я слышу, что ты здесь, – проворчал Курант. – Если замерз, поменяй рубаху, одеялом обернись под плащом. Дробь выбиваешь так, что в ушах звенит. Как лошади?

– Идут, – смахнул с лица брызги мальчишка.

– Это я тоже слышу, – поморщился Курант, задвигал бровями, стряхивая дождевые капли со лба. – Как они? Попоны хорошо затянул? Упряжь проверил?

– И попоны затянул, и упряжь проверил, и капоры поправил, все сделал, – терпеливо перечислил подросток. – Но через пару часов надо будет найти конюшню. Или шатер придется раскидывать над лошадами. Погода – дрянь.

– Слышу, – продолжил ворчать старик, протянул руку, потрогал поводья, зажатые в кулаке мальчишки, но перехватывать их не стал. – Через десяток лиг будет стоянка в распадке. Возле оплота. Должен помнить. Внутри лошадей заведем. Как дорога?

– Уже лучше, – поежился Харас и махнул рукой в сторону пропасти, за которой сквозь мутную непогоду начали проступать силуэты вершин. – Светает.

– Ушли от зимы, – закричал Курант. – Не скажу, что легко, но ушли. На равнине еще и солнышка попробуем.

– Куда мы теперь? – спросил мальчишка, вглядываясь в сумрак. – В столицу? Или пойдем по деревням?

– Тихо, – приподнялся, становясь похожим на облезлую птицу, старик. – Придержи лошадей.

Харас натянул поводья, и повозка, заскрипев, замерла. Остановилась в трех шагах от грязной скалы, в трех шагах от обрыва. Только всадник и проберется мимо. Чуть сдать правее – с трудом разъедешь с такой же повозкой, если ползет она к перевалу. Вот только лошадей под уздцы нужно брать, чтобы не рванули в сторону от черноты пропасти. Но не бывает в это время встречных повозок. И всадников не бывает. Никто не идет в эту пору в горы: ни пеший, ни конный. В горных деревушках запирают ворота, закрывают ставни, овец загоняют под крышу. Вот когда упадет снег, утихнет ветер, да на санях или снегоступах, может быть, и то...

– Всадники, – прошептал, вертя головой, подставляя ухо к ветру, старик. – Пятеро. Лошади или больные, или загнанные. Идут тяжело. Навстречу. С оружием.

– Ты слышишь? – не поверил Харас, вовсе сбрасывая на плечи капюшон. – Я ничего не слышу. Только ветер и дождь...

– Слушай и услышишь, – поджал губы старик, перехватывая поводья и понукая лошадей уйти левее, со скрипом вывертывая обода из наезженной за столетия колеи, пока борт повозки и оси колес не заскрежетали о скалу. – А ну быстро внутрь. Саману разбуди. И сиди там какмышь, носа не высовывай, тлен в глаза. И Негу предупреди, чтобы не лопотала без толку.

Отзвуки, которые Курант умудрился уловить за лигу, выбравшаяся на козлы женщина с широким лицом расслышала минут через пять. Едва различимое цоканье копыт отражалось о скалы с противоположной стороны пропасти и мешалось с непогодой. Туман сполз в бездну, да и дождь со снегом ослаб, стал просто дождем, но наступающий день не предвещал ничего хорошего. Ни тепла, ни солнца низкое небо не сулило. Впрочем, Самана знала точно: настоящая зима еще не близко, через пару десятков лиг в сторону равнины тот же дождь окажется просто дождем, а не небесной карой.

Пятеро конных появились расплывающимися тенями из-за поворота дороги один за другим. Не так давно их лошади были сильными и красивыми животными, но теперь они преодолевали последние лиги в жизни. Всадники выглядели немногим лучше. Самана, кутаясь в платок, ясно разглядела и изодранные плащи, и поврежденные доспехи, и изможденные лица. Курант услышал тяжелое дыхание, звон оружия, почувствовал запах крови.

– Никак слепой балаганщик? – Сквозь утомленный кашель вожака отряда послышалось удивление. – Курант? Ты давал представление у нас в Харкисе два года назад. Помнишь, еще выбил из моих рук меч? До сих пор не пойму, как тебе это удалось? Я же всегда считал себя лучшим мечником Текана!

– Я узнал твой голос, – сказал старик бородатому воину, щека которого была рассечена и прихвачена неумелым отекившим швом, да одна рука перевита окровавленными тряпками. – Ты старшина стражи клана Сакува. И действительно хороший мечник. Просто даже лучших воинов не учат сражаться со слепыми, мне же приходится испытывать умение зрячих. А не то ты бы, без сомнения, победил меня. Какие напасти гонят тебя к перевалу? Или Харкису уже не нужны воины?

– Харкиса больше нет, Курант, – мрачно заметил, сползая с лошади, воин. – Думаю, что слуги иши как раз теперь рушат его белые стены. Да что стены... Пять человек осталось от всего клана Сакува. Пять человек и... У тебя есть вода?

– И вода, и даже вино, – подтолкнул Саману, сдвинул брови над безглазыми впадинами старик. – Отчего иша ополчился на твой город?

– Кто его знает, – оперся о борт повозки воин, собрал с тента ладонью воду, мазнул ею по лицу. – Ты же помнишь, что Сакува всегда сами разбирались в своих делах?

– Как и предыдущие сто лет, – кивнул Курант. – Со времен последней Пагубы¹. Но гордость воинов Сакува ни одному ише не вставала поперек горла. Разве не служили в его гвардии лучшие из них?

– Всеми когда-то приходит конец, – скрипнул зубами воин, принимая из рук Саманы кувшин вина. – И не только нашим малым вольностям, но и нам всем. Думаю, что гвардейцы иши, которые вышли из нашего клана, тоже мертвы. Как мертв и весь Харкис.

– Но как это случилось? – не понял Курант. – Мне всегда казалось, что славные ворота Харкиса устояли бы и перед слугами Пустоты. Можно было бы дать им отпор, а уж после уйти в горы, за горы, за Хапу, куда угодно!

– Воины иши пришли вместе со смотрителем, – опустил голову воин. – Ты знаешь закон, Курант. Если не открыть ворота смотрителю, может наступить новая Пагуба. Для всего Текана. Лучше открыть смотрителю, чем увидеть под стенами города проклятое воинство. Хотя теперь-

¹ **Пагуба** – губительство, гибель; пропажа, убыток, утрата; мор, чума, падеж; беда, бедствие, злосчастье и др. См.: В. Даль. Словарь живого великорусского языка. – *Здесь и далее примеч. авт.*

то уж... Но и ворота Харкиса считались крепкими только потому, что никто не испытывал их прочность. И слуги Пустоты в том числе, да хранит их она за своими багровыми стенами.

Воин передал кувшин ближайшему всаднику и отер губы рукавом.

– Три дня назад старший смотритель Текана вошел в город с отрядом стражи, – начал он короткий рассказ. – Наш урай вышел навстречу ему с обнаженной головой, как требует закон. Но смотритель не стал говорить с ним. Он поднял руку, и стражники расстреляли урая вместе с его свитой. Те, кто выжил после первого залпа, обнажили мечи, но в ворота уже входили новые отряды стражи. Они убивали всех. Да, мы сражались! Но на каждого нашего воина приходилось трое стражников властителя. И половина из них была с ружьями! Мы положили на улицах Харкиса не менее тысячи гвардейцев иши, но нас было слишком мало. И теперь не осталось никого. Ни мужчин, ни женщин, ни детей... Почти никого.

– Как в Араи, – пробормотал Курант.

– Не понял, – обернулся двинувшийся уже к коню воин.

– Его теперь называют проклятым городом, – сказал старик, теребя мочки ушей. – Много лет назад смотритель пришел туда якобы для того, чтобы покарать нечестивцев, которые придумали себе богов и начали им молиться. Но горожане убили смотрителя. И тогда началась последняя Пагуба. Для всего Текана. Она была длинной. Полгода слуги Пустоты увлажняли землю Салпы человеческой кровью. Кстати, ворота Араи не устояли против них. Но воины клана Крови сражались даже с посланниками Пустоты. Безуспешно, впрочем...

– Мы не придумывали себе богов, – горько заметил воин. – Мы не нарушали законов иши и не оскорбляли ни Пустоту, ни властителя. И были готовы выполнить любое требование смотрителя. Или почти любое. Ладно, что теперь... нам нужно спешить.

– Что же вы хотите найти там? – спросил Курант, махнув рукой за спину. – Перевал трудно пройти. Я едва успел перебраться на эту сторону. Сейчас наверху лед.

– Мы пройдем, – напряг скулы воин. – Наши кони устали, но на два десятка лиг их еще хватит. Мы ищем защиты у мудрецов Парнса. Говорят, даже иша склоняет голову перед их мудростью.

– Разве воин ищет защиты? – спросил Курант.

– Не для себя, – отрезал старшина.

– Вот как? – вытянул шею старик и снова замер, выставив ухо навстречу стихающему ветру. – Вы не успеете. Ведь вы спешите не просто так? Ваши преследователи уже близко. В полутора лигах. Я слышу их коней. Они стерегутся, идут медленно, но уверенно. И их кони свежи. Они будут здесь через четверть часа.

– Проклятье! – Воин оглянулся на спутников. – Ловчие иши. Я надеялся, что мы обогнали их на половину дня. Ты можешь их задержать, старик? Два года назад урай клана Сакува щедро вознаграждал тебя за представление.

– Теперь я должен заплатить за его щедрость собственной жизнью? – помрачнел Курант. – И жизнью жены и двух пригретых мною сирот? Ты предлагаешь перегородить дорогу цирковым балаганом? Нет ли какой-то более посильной платы?

– Есть, – оживился воин и негромко свистнул. – Будь я болен до конца своих дней, есть.

К повозке подъехал один из всадников. Перед ним на лошади замерла маленькая фигура.

– Вот. – Воин подхватил здоровой рукой крохотного седока и поставил его перед повозкой. – Я хорошо помню твой балаган, Курант. Ты не только отлично фехтовал, не имея глаз. Ты еще показывал разные фокусы, к примеру, прятал человека в сундуке, да так, что сундук потом оказывался пустым. Спрячь этого малыша, он не заслуживает смерти.

– А вы пятеро заслуживаете? – сдвинул брови Курант.

– Открою тебе тайну. – Старшина понизил голос. – Это внук урая Сакува. Последний из гордого клана. Последний из клана Зрячих. Ему всего шесть лет. Его мать перед смертью приказала нам спасти мальчишку. Только поэтому я здесь, иначе бы я умер в своем городе!

– Но... – Старик нахмурился.

– Курант... – Самана стиснула мужа за локоть. – Он крохотный. Меньше Неги.

– Я слышал, что когда-то ты был воином, Курант? – с надеждой спросил старшина. – Бывших воинов не бывает. Да, воины не ищут защиты, но только воины могут защитить. Спасешь парня?

– Подожди, – раздраженно поднял руку Курант. – У нас еще есть несколько минут. Разве дочь вашего урая вышла замуж? Я ничего не слышал об этом.

– Этот ребенок рожден вне брака, – процедил сквозь зубы старшина, – но в нем все равно течет кровь рода Харти.

– Кто его отец? – недовольно обронил Курант, ощупывая сухими пальцами платок, которым было закутано лицо малыша.

– Тайна умерла вместе с матерью, – расправил плечи воин. – Запомни имя, балаганщик. Мальчика зовут Кир Харти. Он еще мал, но его духу могли бы позавидовать некоторые воины. Он был ранен, но не дал воли слезам. Ни одной жалобы мы не услышали от него за последние дни.

– Ладно. – Старик переплел пальцы, хрустнул суставами. – Самана, раздевай парня. Живо. Снимай с него все, и белье тоже. Старшина, ты не дойдешь до Парнса, но, если для тебя важно, чтобы мальчишка остался жив, бери его одежду и поторопись к дорожному алтарю. Он в трех лигах отсюда. Я чувствовал запах тления, мой приемыш бегал посмотреть, сказал, что на погребальном костре лежат двое путников – один из них ребенок лет семи. Пламя под несчастными было залито дождем. На дне пропасти ревет между острых камней речка, которую кличут Бешеной. Ты понимаешь, что нужно сделать, да простят меня мои предки?

– Поспешим! – крикнул воин, садясь в седло.

Через минуту последний воин из клана Сакува исчез за следующим поворотом дороги. Еще через десять минут двадцать пять ловчих иши, остановив повозку старого циркача, перетряхнули все сундуки и мешки, грубо облапали жену старика и малолетнюю девчонку, а затем продолжили преследование беглецов. Через час солнце все-таки выглянуло ненадолго, чтобы осветить холодные камни, и Харас завел повозку на крохотную площадку с мокрым кострищем, где высился древний, покрытый мхом и выбоинами оплот – невысокая, закругляющаяся куполом башня с ржавой, но все еще прочной железной дверью. Подросток начал распрягать лошадей, и почти сразу же далеко в горах прогремел ружейный залп. Харас нахмурился, Самана выпрямилась, оставив костер, Курант прижал к глазницам ладони, словно не хотел видеть то, чего не мог увидеть и так, потом вытащил из поясной сумки бронзовые часы, поднял крышку, коснулся пальцами стрелок. Но выстрелы отгремели, и снова наступила тишь. Лошади были согреты, напоены и накормлены, и в котелке на костре забулькала вода. Еще через час десять потрепанных ловчих, десять лучших воинов иши, уцелевших из отправленных в погоню за беглецами двадцати пяти, снова остановились у повозки, чтобы еще раз перетряхнуть мешки и сундуки старика Куранта, а затем отправились вниз на равнину, предварительно прихватив найденные монеты, опрокинув котелок и порубив клинками яркие костюмы и маски, разбив кувшины и проткнув меха. Только после того, как затих стук копыт их лошадей, старик поднял крышку не самого большого сундука, вытащил какое-то тряпье и сдвинул в сторону фальшивое дно. Мальчишка лежал в той же позе, в какой его и положили в укрытие. Он и в самом деле не проронил ни звука.

– Иди ко мне, сынок, – взяла его на руки Самана.

– Я смогу с ним поиграть? – пискнула крохотная узкоглазая девчушка.

– Подожди, Нега, – осаждала малышку Самана. – Ему еще надо и облегчиться, и поесть, и попить, и помыться. К тому же у него рассечена голова, плечо и грудь напротив сердца. Хвала Пустоте, заражения вроде бы нет. Но полечить парня придется. Осталось только отыскать воду.

Да и одежду надо подобрать, что-то из того, что стало мало Харасу и все еще велико тебе. Да зачинить... – Она вздохнула. – Или ты хочешь, чтобы он так и ходил завернутым в твоё одеяло? Ты бы не глазела на мальчишку, а вытряхнула ковры и одеяла. Чтоб этим мерзавцам стало пустее пустого. Столько пришлось рассыпать вонючей травы, чтобы перебить им нюх да уменьшить похоть.

– А ведь воины Сакува дорого отдали свои жизни, – засопел Харас. – Слухи, что они – лучшие воины Текана, оказались верны.

– Зато слухи, что ловчие иши – воины чести, оказались лживы, – медленно проговорил Курант.

– Успокойся, – коснулась руки старика Самана. – Они нашли не все деньги. Только те, что мы специально оставили на виду.

– Он говорит не о деньгах, – буркнул Харас, бросив быстрый взгляд на Саману и на девочку, скользнув взглядом по разодранным платьям. – Ничего. Я запомнил в лицо всех выживших. Никто...

Харас скрипнул зубами.

– Пострадала только одежда, – усмехнулась Самана. – Наверное, не глянулись мы с Негой гвардейцам правителя.

– Я их услышал, – прошептал Курант. – И тоже запомнил каждого, тлен в глаза. Ты знаешь, сын, что мы должны будем сделать?

Харас кивнул.

– Как мы будем его звать? – прервала томительную паузу ежащаяся от холода девочка, рассматривая бледного и напряженного зеленоглазого мальчишку.

– Луккай, – словно встряхнулся Курант. – Лук. Там, откуда я родом, так говорят, когда сквозь багровые тучи прорывается солнечный луч.

– Солнечный луч? – удивилась девочка. – Да у него волосы чернее моих. Я даже не знала, что бывают такие черные волосы. Чернее ночи. Странно, что глаза у него зеленые. Как трава. Даже ярче травы. Никогда не видела таких глаз.

– Самана, – Курант ощупал голову мальчишки, – займись и его головой тоже. С сегодняшнего дня он должен стать светловолосым. Осмотри его тело: если увидишь родимые пятна, постарайся осветлить и их. И постарайся избавить его от шрамов, хотя, как мне кажется, на лбу отметина останется. Он и в самом деле терпелив. У тебя ведь найдутся подходящие травы?

– Не сомневайся, – улыбнулась женщина. – Меня другое беспокоит, а есть ли у него язык? Что-то наш Лук чересчур молчалив для своего возраста. Сынок, у тебя язык есть?

– Да, – кивнул мальчик и показал язык.

– Все ясно, – захихикала Нега. – Он будет показывать зрителям язык. А что? Ведь он больше ничего не умеет? Лук, а что ты умеешь? Я, к примеру, плаваю как рыба!

– Я умею сражаться мечом, – гордо отчеканил мальчишка, стараясь сдержать слезы в заблестевших глазах.

– Ну это все умеют, – скорчила гримасу Нега. – И Курант, и Харас, и Самана. И я тоже научусь. А чем ты хочешь заниматься, когда немного подрастешь?

– Я хочу убить их всех, – выпалил мальчишка.

– Для этого тебе придется стать слугой Пустоты, другого способа я не вижу, – скривил губы Курант, повернулся к Самане и вытянул пальцы. – Сядь поближе. Я давно не видел твоего лица. Хочу коснуться его. Соскучился.

Глава 1

Водяная ярмарка

В первую неделю лета всякий житель Текана, что раскинулся от гранитных зубцов Западных Ребер до полноводной Хапы на востоке и от снежных пиков Южной Челюсти на севере до светлых волн моря Ватар на юге, мечтал оказаться у стен стольного Хилана. Каждому было известно, что только летняя водяная ярмарка может утолить любопытство, разогнать скуку и с пользой облегчить кошель всякого обитателя не только Текана, но и всей Салпы, будь он хоть подданный великого иши, поселенец из Вольных земель или вовсе отчаянный смельчак-дикарь с дальних гор или из Дикого леса. И то сказать, где еще дозволялось свободно торговать и прогуливаться между рядами чужеземцам? Где еще могли взглянуть друг другу в глаза почтенные арува и презренные луззи? Где еще звенели бубны и гудели трубы далеко за полночь? Где, без опаски послужить причиной пожара, выстреливали в небо красочные фейерверки? Где, почти не таясь мерзких храмовников, гадалки брались предсказывать судьбу? Наконец, где веселили народ лучшие бродячие артисты, которые не поддавались усталости и состязались друг с другом в усердии всю неделю, зная, что нигде не одаривает судьба их старание так полновесно, как на водяной ярмарке? Нигде.

Жаль только, проносилась ярмарка быстро. Казалось, только что стражи Хилана расчищали берег Хапы от бродяг и попрошайек. Только что тянули веревки, чтобы разметить шатровый поселок, балаганную площадь и торговые ряды. Торопили выделенных цехами мастеровых с подновлением речной пристани под высоким известковым берегом, широкой лестницы наверх и с устройством отхожих мест, и вот в день-два набежала пропасть народу, подтянулись караваны, грянула музыка, открылось торжище, и вслед за тем ярмарка перевалила за середину и стремительно полетела к своему последнему дню.

«Скорее бы уже она заканчивалась», – бурчал широкоплечий старшина северной башни Хилана Эпп. Нет, конечно, и стражам Хилана ярмарка была в радость – карманы наполнились медяками, которые легко обращались в серебро, но как раз в этом году старшине не повезло – воевода определил Эппу под надзор балаганную площадь. Нет бы назначил присматривать за торговыми рядами, так вот тебе, старый вояка, бди на потешном круге. Лучше бы воевода поставил ветерана, когда-то одного из лучших ловчих самого иши, простым стражником у северных ворот. Народ пер на балаганную площадь так, словно там разливали бесплатное вино, а приработка особого не было. Да и что возьмешь с зевак, у которых в кошелях звенят черепки от разбитых горшков? А если у одного из них кошель оттягивает серебро, к нему просто так не подступишься: или какой из кланов немедленно встанет за своего выкормыша, или кто из знати. А с циркачей много не стянешь, девять из десяти – нищета подзаборная, была бы воля Эппа – каждому бы отсыпал по полусотне плетей и гнал куда подальше от столицы Текана, а то и вовсе подвел к берегу Хапы и утопил всех. Кто бы выплыл, тот бы и выплыл, а если бы и выплыл, что за забота? За рекой, на этой стороне изгиба которой поднял высокие стены и раскинул слободки Хилан, – ничего хорошего не только циркачей, но и никакого другого пловца не ждало.

Далеко, как раз напротив уходящих в мутную воду стен столицы, чуть ли не в двух лигах бугрился оплывшими от времени горами Дикий лес, чуть севернее виднелся широкий прогал Блестянки, впадающей в Хапу, а выше по течению сизая дымка окутывала земли вольных поселенцев. Не раз прикидывал Эпп, выйдя на полупустое в обычное время торжище между слободками и стенами Хилана, о чем думает иша, глядя из окон дворца на земли непокоренных смельчаков? Каково это – править всесильным Теканом, поглядывая на близкие его границы? Неужели не хочется правителю посадить на корабли сотню-другую ловчих, чтобы проредили

деревни наглецов – вольных поселенцев – до самых гор? Понятно, что прореживали, и не раз, но можно было бы это делать и почаще. Тем более что там всегда есть чем поживиться, всегда. Вольные – едва ли не самые богатые на нынешней ярмарке, и товар у них на загляденье, и монета в кошельках не звякает, а кожу тянет. Боятся, то и дело оглядываются, а продают и покупают, продают и покупают. Разжирили без должного пригляда. И то сказать, не за их ли землями да за горами лежат Холодные пески, где золото, по слухам, чуть ли не под ногами валяется? Так или иначе, но хорошо вольные бросают циркачам, хорошо. Не пропали бы те в Вольных землях, пригласи их местные в гости. Но сами циркачи, сгони их Эпп в волны Хапы, до тех земель не добрались бы. Далековато плыть, да и доплыли бы – что с того? Снесло бы всю эту бестолочь течением к Дикому лесу, а в нем, как ни корячься, все одно – смерть. Это самому диким нужно быть, чтобы выжить в том лесу, даже ловчих не загонишь за реку просто так, да и что там делать? Там вотчина Хозяина леса, а он, этот Хозяин, по слухам, такая мерзость, что... Да и кто бы доплыл до противоположного берега, если Хапа раскинулась у Хилана так широко?

«Порядка стало мало, – ворчал Эпп, оглядываясь на сопровождающих его двух безусых еще стражников – медлительного увальня-здоровяка и суетливого малого. – И это разве воины? Юнцы зеленые, даром что отцы у них шрамами и почестями украшены. Эти никогда не дорастут до старшин, что уж там говорить о ловчих. Идут, разинув рты, словно мать их за сладостями на ярмарку послала. И никакого соображения в головах, никакой дрожи и благодарности в адрес судьбы, что дала им возможность родиться в славном Хилане, да еще не какими-нибудь там ремесленниками или крестьянами, а определила судьбу воинов клана Паркуи – клана Чистых, главной опоры не только урая Хилана, но и самого иши. На войну бы вас, да где ж теперь возьмешь войну?»

Эпп раздраженно сплюнул и дернул плечами. Порядок вынуждал ходить в кольчуге, хотя бы в кольчужнице-безрукавке, и, хотя лето только начиналось, солнце уже палило вовсю, и нательница была мокрой от пота. Вдобавок новые сапоги натерли ноги, да и колени отвыкли от ходьбы. Нет, уже не тот был возраст у старшины, чтобы вымеривать окрестности Хилана легким шагом, а до выслуги оставалось еще пять лет. Нет бы оседлать крепкого конька, да как раньше... Ничего, пройдет срок, и будет он снимать сапоги в первый жаркий день лета и надевать их только для выхода в город. И то сказать, зачем ему сапоги в крохотном, но ухоженном садике? Река рядом, значит, вода в колодце не иссякнет, поливай мягкую траву и радуйся. Только вот дожить бы еще до выслуги. Если судьба и на следующий год определит его к балаганщикам...

Потешная площадь вновь была многолюдна. Все-таки воевода не просто так назначил старшину дозорным при бродячих артистах: Эпп мгновенно выхватывал взглядом из толпы фигуру за фигурой и готов был без запинки рассказать хоть что-то о каждом. Сутулый селянин в овчинной шапке явно прибыл с севера, запах овечьего сыра от него бил в ноздри даже в толпе. Судя по цвету овчины, выходец с предгорий, что начинались сразу за Гиеной – вотчиной клана Асва – клана Лошади. Группка из трех селян с топорами за поясом, один из которых, украшенный шрамом на половину лица, был чуть повыше и постарше прочих, – вольные. Их сразу видно. И не ходят поодиночке, и одеты по-своему. Сапоги из хорошей кожи, одежда простая, но удобная, руки натруженные, но по осанке, по развороту плеч, по наглым, пусть и опасливым, взглядам – натруженные на себя: ни плетей не пробоvalи, ни корячиться до обморока не приходилось. Мальчишки, девчонки по десятку лет на нос – местные, слободские. Здоровяки в кожаных жилетах с наклепанными на груди кругами с юга – из Хурная, вздымающего розовые башни у впадения Хапы в просторы Ватара. Тоже нагловатые – так оно и понятно: до трети года проводит иша в южном поместье, родина там у него. Сам когда-то был ураем Кессара – клана Руки. Недолго, но был. Неплохие воины кессарцы, только ходят враскорячку, как бывалые моряки, их, наверное, крутобортый корабль стоит у южного края пристани. Вот на таких зевак балаганщики рассчитывают больше всего, понравятся – позовут к себе. Оно, конечно,

вольная жизнь хороша, но всяко лучше не наудачу коней править, а по приглашению. Так, а на площади-то опять не все ладно?

Эпп оглянулся, цыкнул на приставленных к нему ротозеев и ускорил шаг. Толпу у балаганов вновь перекосило. Повозки стояли кругом, отгораживая от шумного торжища лошадей и нехитрое хозяйство циркачей. Между повозками колыхались в полуденном зное цветастые пологи шатров, раскрытых к толпе: не будет дождя – топчись народ в давке, да по усердию артистов бросай в плошку монету, прохудится красноватый небосвод – добро пожаловать внутрь, тут уж сколько войдет народу, столько и войдет – человек двадцать – тридцать, не больше, зато интерес другой, вот он, умелец, в пяти шагах фокусы перед тобой вертит. Дождя пока не собиралось, народ толпился под открытым небом, но стоял только у северного края площади. Ну точно, как раз у шатра слепого старика. И чего, спрашивается, там толпиться? Курант, конечно, мастак мечом махать, так ведь совсем уж одряхлел, только и может, что фокусы показывать с платками да с сундуками. Надо бы хоть раз глянуть, что на этот год старый привез на ярмарку? Толпятся, сучье семя. И ведь не прикажешь ротозеям разбежаться по другим балаганам. Смотрят то, что нравится. С другой стороны, одновременно только два балагана зрителей тешат. Всего повозок двенадцать, представление идет час или чуть меньше, по-всякому выходит, что еще один балаган должен давать представление. Так и есть, под серым шатром перекидывал с плеча на плечо тяжелые шары крепыш с запада. Трое зевак смотрели на него безо всякого интереса, поплеывая под ноги тыквенной шелухой.

– Нет зрителей? – скривил губы Эпп, остановившись напротив здоровяка, и наклонился над деревянной плошкой, в которой сиротливо поблескивала мелкая медная монета. – Что, вся ярмарка в убыток?

– Ничего, – проворчал крепыш, – приноровились уже. Наши все отдыхают, а я для порядка чушки бросаю. С Курантом никто не сравнится, так что мы к нему в пару по очереди идем. Да и старик не из сволочей, два представления делает – утром и в полдень, а к вечеру да ночью, когда самый барыш, отказывает в общую пользу.

– Да на что там смотреть-то? – не понял Эпп. – Он сам же вроде как перестал с мечом упражняться?

– Там и без него есть кому народ дивить, – пробурчал здоровяк. – И женушка его не подарок, все еще в силе, да и приемыши у него как на подбор. Вот ведь каждого, считай, что на помойке подобрал, а теперь, поди ты, сравнись с ними!

Эпп нахмурился, похлопал кулаком по зудящему плечу, вминая кольца кольчуги в раздраженную кожу, и двинулся к балагану слепого. Не мог взять в голову старшина, чем удивлял зевак Курант. Да, несмотря на слепоту, старик был славен как фехтовальщик по всем ярмарочным площадям Текана, в былое время мог выбить меч из руки любого воина. Хотя еще как сказать – настоящие умельцы не бродили по ярмаркам, по крайней мере, Эпп, который и сам был не из последних мастеров, не слышал, чтобы с Курантом скрестил меч хотя бы кто-то из ловчих, что уж тут говорить о тех, кто рангом повыше? Впрочем, слухи ходили разные. Сколько там у него было помощников? Эпп наморщил лоб, начиная раздвигать зевак рукоятью меча, вспомнил: жена, два парня, один из которых еще и усов на лице не имеет, да девчонка, хрупкая, словно тростинка...

Площадку у своего балагана Курант устроил просторную, огородив ее тонкой цепью, продев ее через кольца на забитых в утопанную землю кольях. Первый ряд зрителей сидел на земле, второй – чуть повыше первых, подсунув под задницы собственные ноги, третьи мостились на деревянных чурбаках или опускались на колени, а уж дальше кто-то стоял, кто-то подпрыгивал, а детвора так и вовсе седлала крепкие плечи замороженных чудным зрелищем отцов. Внимание толпы удерживала узкоглазая девчонка, которая стояла на натянутом между двух опор канате.

– А ну-ка, – вывел из столбняка стражников Эпп, – ходить вдоль задних рядов да присматривать за карманниками. Учил – должны знать. И чтобы не зевать!

Стражники разочарованно забурчали что-то, но Эпп уже и не смотрел в их сторону. Да, старик Курант не терял зря времени, замену подготовил достойную. Неизвестно, какого номера ждали собравшиеся у его балагана, но от выступления девчонки никто не мог оторвать глаз. Даже привычной ругани не слышалось из толпы, которая словно дышала в одно горло, хотя чего было беспокоиться, ну стояла девчонка на канате в пяти локтях над землей, ну жонглировала при этом ножами, мало ли жонглеров на ярмарке тупые железки подбрасывают, даже в торговых рядах...

Эпп присмотрелся и понял. Девчонка стояла на одной ноге, точнее, даже на пальцах одной ноги, удерживая равновесие второй ногой, которая то плавно уходила в сторону, то вытягивалась вперед. И жонглировала она не тремя ножами, а пятью, каждый из которых был на самом деле не ножом, а довольно массивным изогнутым крисом², привычным оружием клана Сурна – клана Рога. Да и сама девчонка была черна и узкоглаза, как истинная дочь самого далекого приморского города Текана – Туварсы. Расцвела негодница за последнюю пару лет, чуть округлилась, заплела волосы в три тугих черных косы, раскрасила лицо черным и белым, дух захватывает. Такая бы просто прошлась между торговыми рядами в этих же самых легких хурнайских шароварах да харкисской рубаше – все торговцы о барыше бы забыли.

– Тыфу, – раздраженно сплюнул на чью-то макушку Эпп.

«Вот ведь чуть не споткнулся на ровном месте, харкисские рубахи вспомнил. Так и накличешь беду на собственную голову. За одно упоминание Харкиса любой урай сто плетей выпишет, а уж за длинные разговоры можно и головы лишиться. Нет уже как десять лет Харкиса и не будет никогда больше. Еще прошлый иша велел сровнять здания мятежного города с землей и засыпать пустырь солью. Все, забыть и не вспоминать, забыть и не вспоминать».

Эпп вытер со лба пот и тут только понял заворуженное молчание толпы. Земля под канатом была усыпана спиралями гиенской колючки. Вот уж никому не пожелал бы Эпп упасть на ее шипы. Конечно, сейчас она не ядовита, тем более, наверное, давно срезана, но упасть на тонкие, почти стальные иглы длиной в палец каждая... А вот вышла и Самана. И не изменилась почти, ей-то, впрочем, ни к чему было меняться, хотя время и жену Куранта не пощадило. Эпп даже засопел, вспоминая, как лет двадцать пять назад он еще почти юнцом сам приходил полюбоваться на стройную жену слепого балаганщика, который в стариках тогда еще не числился. Что теперь осталось от той красоты? Густые светлые кудри да голубые глаза? Погрузнела Самана, раздалась в кости... неужели так и не изменила слепому мужу? Повезло же тогда Куранту, верно, дурочку к рукам прибрал или что-то не так с ней было? Ведь ни одного родного ребенка нет у слепого...

Самана поклонилась публике и подошла едва ли не вплотную к первым рядам. Эпп без труда разглядел, какой петлей связан ее жакет. А жена слепца повернулась к зевакам спиной и чуть присела, согнула ноги в коленях, расставила в стороны руки, что скорее было уместно в мужицкой драке пара кулаков на пару, но Эпп не успел возмутиться. Узкоглазая девчонка размахнулась и метнула в толпу первый крис. Старшина похолодел. Кривой кинжал явно летел в направлении к нему, но Самана резко выбросила руку в сторону и поймала его за рукоять!

– Вот ведь собачья мать, – выдохнул вместе с толпой Эпп и не успел удивиться, что девчонка бросает оружие, которое никак не было предназначено для метания, скорее для тычка, как уже следующий крис летел в толпу. И снова дружный выдох засвидетельствовал, что Самана с возрастом не утратила резвости и ловкости. Третий, четвертый, пятый... Разве не метала Самана раньше ножи сама? Да нет, именно что метала, а не ловила, вызывала кого-

² Крис – кинжал с асимметричным клинком и характерно расширяющейся пятой у рукояти.

нибудь из толпы, давала ему в руки деревянный чурбачок и втыкала в него десяток ножей с трех десятков шагов. А девчонка-то что ее творит?!

Узкоглазая сделала по канату несколько шагов в одну сторону, потом в другую, затем скользнула вниз, заставив старшину с хрустом сжать кулаки, но не долетела, замерла, повиснув на согнутых ногах в ладони от страшных шипов. Раскачалась, взлетела в воздух, перевернулась и встала на ноги. Тут только толпа восторженно загудела, а из-за полога вышел широкоплечий высокий парень с рыжей бородкой, деловито и ловко снял с распорок канат и начал подгребать колючки. Эпп уже хотел было расхохотаться вместе с публикой насчет неказистого орудия – рукоять у грабель была толщиной в руку крепкого мужика, да еще и торчала щепой во все стороны, но смех застрял у него в глотке. Самана теперь уже сама метнула крис! Рыжебородый уборщик даже не поднял головы, когда кинжал задрожал, воткнувшись в ту самую рукоять. Второй крис, третий, четвертый, пятый! Затем женщина рванула с плеч жакет, и Эпп увидел на ее неожиданно тонкой талии пояс, увешанный метательными ножами.

И снова засверкали стальные лезвия в воздухе. Вал колючек медленно отодвигался к дальней стене шатра, но и деревяшка в руках парня обращалась в стального ежа. Вот уже он вовсе отбросил грабли в сторону и рукой поймал брошенный в него последний нож! Тонкий метательный нож, с тяжелым лезвием с острыми зазубренными гранями. Поймал и тут же отправил его обратно. И Самана ухватила его в каком-то немыслимом прыжке и тоже отправила обратно. Туда – обратно. Туда – обратно. Пока все та же узкоглазая не метнулась молнией поперек площадки и, к восторгу толпы, не перехватила летящий нож, успев к тому же вновь перевернуться в воздухе кверху ногами!

Эпп вытер взмокший лоб и подобрал отвисшую челюсть. Что и говорить, приходилось старшине видеть, как забавляются ловчие иши во дворе крепости, сам не так уж давно учил юных воинов, но и рядом никто из них не стоял с этой немолодой женщиной и ее приемышами. Как же их зовут-то? Ну точно, этого рыжего – Харас. Девчонку – Нега. Там же еще белоголовый мальчонка был с тонким шрамом до середины лба, Лук, кажется? Или Луккай? По канату лазил, жонглировал тоже. А этот Харас года два назад бороться выходил с любым из толпы. И тогда никто не мог его взять, вертким был на ужас, а уж теперь-то...

Нега подняла над головой деревянную плоску, показала ее толпе, затем вдруг подкинула посудинку вверх, ловко встала на руки и поймала плоску ногами. И пошла на руках вдоль ряда зрителей, подметая черными косами балаганную площадь и задорно улыбаясь восхищенным зевакам – платите, мол, за доставленное удовольствие. Те, правда, глаз не спускали скорее с ее бедер, которые вдруг оказались прямо перед глазами, а не с плоски, но бечеву на кошельках распускали охотно. Монеты так и зазвенели в посудинке.

– Эх, – довольно хмыкнул тот самый селянин в овчине. – Хоть ходи вслед за повозкой старого Куранта и в каждом городе бросай ему денежку. Ну где еще такое увидишь? Жаль, что сам он уже не тот.

– Постарел? – спросил Эпп.

– А кого время молодит? – обернулся селянин, узрел старшину и испуганно сгорбился. – Говорят, что не тот стал. Мечом уже больше не машет. Рука у него, что ли, отказала, пусть и левая. Выходит в самом начале, в сундук кого-нибудь прячет, платок из кармана тянет, и все.

– Есть у него сменщик, есть, старшина, – обернулся толстяк, в котором Эпп узнал булочника из северной слободы. – Подожди, сейчас самое интересное начнется.

От самого интересного Эпп отказываться не собирался, хотя скорее не отказался бы от кувшина холодной воды, вылитой за шиворот, сапоги вот только не хотелось портить, но притягивал к себе балаган Куранта, притягивал. Ведь знал какой-то секрет старый слепец. Когда девчушка на руках мимо старшины проходила, рука у того словно сама собой за монеткой к кошельку потянулась.

Рыжебородый ловко накрыл холстиной горку колючки, и из-за полога показался тот самый Лук. За два года, что Эпп его не видел, мальчишка превратился в крепкого паренька. Нет, он не мог сравниться шириной плеч с Харасом, ростом так и вовсе вряд ли мог рассчитывать догнать названного долговязого брата, но в остальном был не чета тем ротозеям, что и теперь вместо присмотра за карманниками сопели за спиной старшины. Эпп сразу приметил в ладном парне тот самый избыток силы, когда вроде и ноги тебя несут сами, и руки способны творить чудеса, и во всем теле свежесть не только от молодости, но и от труда и неустанных упражнений.

– Белый, белый, белый! – понеслось в толпе.

Парень и в самом деле был бел, но не сед, а именно бел, как бывает иногда белой городской ворона, одна на тысячу черных соплеменниц. Не дают ей жизни товарки – и недели не поотсвечивает белым пятном в черной стае, заклюют, а вот этого паренька пока не заклевали. Да и не ворона он, а циркач-бродяга, и не в стае, а в гнездышке на колесах под крылом слепца. Что старик приготовил публике на этот раз? А вот и он.

Вслед за Луком на площадке показался сам Курант. Старик явно сдал. Затянутые тонкой кожей пустые глазницы провалились и сделали его лицо похожим на лицо мертвеца. Он прихрамывал, и одна рука его висела плетью. Вторая держала средний хиланский меч с приглушенным концом и изрядно зазубренным лезвием. Точно такой же меч был в руках у Лука, который встал посередине площадки.

Старик остановился в пяти шагах от крайнего ряда, усмехнулся и повел головой так, словно видел каждого. Потом воткнул меч в землю и вытащил из-за пазухи деревянную плешку, в которую положил блеснувшую серебром монету. Его голос был глух, но тверд.

– Никакой крови. Если только легкое растяжение кисти. Это я вам обещаю, мой мальчик беречься не будет, вас будет сберегать. Его серебряный против любой монеты, будь это даже медная гиенская чешуя. Нужно выбить меч из руки моего парня и не дать ему выбить меч из своей руки. Правила старые, вот только воин новый. Я слышал тут знакомые голоса, надеюсь, никого не разочарует старое представление на новый лад и никто не будет злиться, что я не выколол своему приемышу глаза.

Публика ответила сдержанным хохотом.

– Сражаться только меч в меч. Напоминаю, – старик поклонился башням Хилана, – схватки с членовредительством запрещены повелением блистательного иши.

– Так давай же! – заорал кто-то из толпы. – Не тяни!

Эпп метнул взгляд влево и приметил молодца из клана Кессар. Да, пожалуй, что состязание с мальчишкой должно было получаться еще удачнее, чем с балаганщиком. Все-таки не каждый считал достойным биться против слепого старика. Да и сорвать серебряный в обмен на медную чешуйку было соблазнительно.

– Я хочу! – заорал селянин в овчине. – Тем более что монетка у меня самая что ни на есть гиенская чешуйка.

– Давай, только монетку клади в черепушку сразу, – кивнул Курант. И прежде чем побрести обратно к пологу, добавил: – Выиграешь – забереешь обе монетки. Кто-то выиграет после тебя – заберет уже три.

– А если пастух выбьет меч из руки твоего белоголового? – снова подал голос кессарец. – Представление закончится? Что за забава смотреть, как гиенский увалень сражается с юнцом?

– Не волнуйся, – отозвался Курант. – Для хурнайского смельчака, которого я по выговору узнаю даже спяну, у меня всегда найдется еще одна серебряная монетка. Конечно, если он сам не испугается юнца.

Толпа заглушила ответ кессарца хохотом, а гиенец уже выбирался на площадку. Курант кивнул Луку, тот выдернул из-за пояса черный колпак и натянул его до подбородка. Эпп сузил взгляд. Предстоящее действо ему не нравилось. Одно дело сам Курант, который, по разгово-

рам, по шагам мог узнать человека, с коим не виделся десять лет, который когда-то на слух был способен разрубить брошенную ему сливу, но мальчишка, которому вряд ли исполнилось больше шестнадцати лет? Настоящего умения никто еще не достигал раньше, чем через десять лет упорных занятий. Да еще с завязанными глазами? Молод, слишком молод был парнишка для взрослых забав.

Лук встал точно так же, как несколькими минутами раньше стояла его приемная мать, только не пошел к зрителям, а замер в центре круга. Гиенец, который первым делом звякнул медной монетой, с хмыканьем выдернул из земли меч, перебросил его из руки в руку и медленно пошел на Лука. Да уж, прикинул Эпп, расчет селянина был прост. Если как следует ударить по мечу противника, который не ждет удара, то не всякий воин удержит оружие в руках, а уж мальчишка тем более.

Подбадривая себя чем-то средним между рычанием и уханьем, гиенец шаг за шагом приближался к противнику, который оставался посередине площадки, разве только разворачивался к нападавшему лицом. Лук не двинулся с места даже тогда, когда последний все-таки размахнулся и нанес удар. Разве только отвел меч чуть в сторону. Под хохот толпы гиенец пару секунд недоуменно смотрел на собственные руки, которые едва не упустили меч сами по себе, после чего зарычал чуть громче и попытался ударить еще раз. И снова Лук отвел меч в сторону и позволил зазубренному клинку противника взметнуть площадную пыль.

– Приятель! – заорал из толпы веселый кессарец. – Может, это тебе лучше надеть черный колпак на голову? Все одно не видишь ничего и без него!

– Сейчас посмотрим, кто не видит, – раздраженно откликнулся обладатель овчинной шапки и третий удар нанес уже чуть сдержанней.

Клинок ударился о клинок, сталь заскрежетала, Лук сделал едва приметное круговое движение рукой, гиенец вскрикнул, и его меч, взлетев над головой неудачливого претендента на серебряный кругляшок Куранта, оказался в руке мальчишки.

Толпа восторженно загудела. Эпп довольно хмыкнул. Приемчик, который показал Лук, был простым, ему учили воинов каждого клана в первую очередь, но для того, чтобы применить его так ловко, даже многолетних упражнений не хватило бы, нужен был еще и талант. И у парня он, судя по всему, был. К тому же поймать меч за рукоять, не видя его? А смог бы это сделать сам Курант?

– Я теперь! – довольно заорал кессарец, протискиваясь между зеваками. – Только, старикан, дай мне потеревить тот колпак, а то уж больно ловок твой парень, наверное, вязка редкая, все ему видно?

Курант кивнул стянувшему колпак с головы Луку. Бравый молодец шагнул через цепь, похлопал по плечу пригорюнившегося гиенца и поймал брошенный ему колпак, после чего и сам немедленно натянул его на голову. Лук смахнул со лба пот и смотрел на следующего соперника спокойно, возможно, даже с потаенной улыбкой. Эпп довольно крикнул – чем дальше, тем больше ему нравился белоголовый паренек.

– Не видно ничего, – торжественно огласил собственное впечатление кессарец. – Я, конечно, старик, по первости собирался предложить твоему мальчугану перемахнуться клинками глаза в глаза, но уж больно ловко он пастуха обезоружил. Поиграем пока по вашим правилам. А то ведь придется Далугаеша приглашать, если и я не справлюсь!

Эпп нахмурился. Словоохотливый выходец из Хурная помянул старшину ловчих. О самом высоком воине Текана ходила слава отличного мечника, о чем Эппу было известно лучше многих, но не всякий бы решился выкрикивать имя старшины ловчих на ярмарочной площади. Непрост был кессарец, непрост. Бросил в плошку не медяк, а серебряный, дождался, когда Лук снова натянет колпак, только после этого подхватил меч, поиграл им, сыпанул чего-то на рукоять, удовлетворенно хмыкнул и пошел на парня, да не прямоком, а кругом. А ведь

хорошим, наверное, слывет бойцом среди своих, хорошим. Ноги-то правильно ставит. Интересно, чем ответит ему приемыш Куранта?

Эпп стянул с головы подшлемник, вытер им пот со лба и вдруг понял, что давно уже ему не приходилось видеть чего-нибудь такого, чтобы о прочих делах память начисто отшибало. Вот ведь, наверное, воля вольная теперь карманникам? Старшина бросил быстрый взгляд в сторону и усмехнулся. Если и были карманники в толпе, то как раз теперь они и сами смотрели на цирковое действо, разинув рты.

А Лук между тем в этот раз стоять не стал. Сам двинулся по кругу, причем ни на мгновение не отвернулся от кессарца, ни на ладонь не увел в сторону острие меча.

– Ашу мое имя, – хмыкнул воин, продолжая описывать круг по площадке. – Я уж не знаю, кто кого сейчас переможет, но при всяком раскладе приглашаю повозку твоего старика, парень, в Хурнай. Не теперь, так осенью, а хочешь, зиму переждать приезжай. Сам ища Хурнаем зимой не брезгует. Меня там всякий знает, спросишь старшину проездной башни, а там и площадка будет, и место для балагана, и публика соберется.

Речь кессарца текла плавно, словно и не двигался он по утоптанной земле, не держал в напряженных руках тяжелый меч. Интересно, казалось Эппу или Лук и в самом деле управлялся с мечом с меньшим усилием, чем его соперник? Так держал оружие, словно клинок вовсе ничего не весил, был продолжением руки.

– Ну что скажешь? – спросил кессарец и в то же мгновение нанес удар.

Острие клинка коснулось клинка Луки и словно прилипло к нему. Мальчишка шагнул в сторону, взмахнул рукой, присел, перекинул меч из руки в руку, снова вернул его в правую... И все это время он умудрялся не оторвать конец клинка от клинка кессарца! Эпп выпучил глаза. Слышал он об умении выходцев из Хурная поддерживать друг друга мечами на скользких досках, но чтобы сделать то же самое здесь, на твердой земле, да с мальчишкой с завязанными глазами? Понятно, что балаганная площадь – не палуба во время качки, но сделал-то это не кессарец, а сам мальчишка!

– Однако, – вытаращил глаза кессарец, шагнул назад, покачал головой и снова пустился в медленный танец вдоль тонкой цепи. Он успел пройти половину круга, когда отчего-то остановившийся в центре его Лук резко развернулся и сам нанес удар, словно точно знал, в какой точке находится меч его противника. Раздался скрежет, кессарец ловко крутанул кистью, проводя против Луки тот самый прием, которым мальчишка обезоружил гиенца, но младший приемыш Куранта изогнулся и продолжил начатый кессарцем прием вторым оборотом клинка. Противник удивленно вскрикнул и проводил взглядом вылетевший из его руки меч. Тот взметнул пыль в шаг от площадки с монетами. Публика заорала в исступлении. Нет, паренек Куранта не только был драгоценностью, но и огранки явно не требовал. Эпп восхищенно фыркнул, и тут над площадкой повисла тишина.

Старшина так и не понял, прошел незнакомец между зеваками или соткался из воздуха прямо над ограждающей цепью, но гудение и крики стихли, как по мановению властной руки. Только словно шорох-свист понесся от губ к ушам:

– Сиун, сиун, сиун...

И таким же свистом показался голос незнакомца, который скорее напоминал черный степной смерч, чем человека, хотя – вот же и плечи, и силуэт вполне человеческий, и капюшон наброшенного на голову плаща или чернота распущенных волос...

– Колпак сними.

Лук тут же стянул колпак и показался Эппу на фоне черной тени незнакомца еще белее, чем был на самом деле. Сиун, а в том, что это был именно он, старшина уже не сомневался, кивнул, уменьшился вдвое или наклонился, поднял меч, снова обратился смерчем и провел по зазубренному лезвию пальцем. Звук раздался такой, словно коготь у сиуна был из лучшей теканской стали. Лезвие окрасилось красным, будто покрылось кровавым потом.

- Меч в меч? – просвистел сиун.
- Меч в меч, – твердо сказал Лук.
- Так, что ли? – рассмеялся черный и взмахнул мечом.

Клинки заскрежетали один о другой. Лук шагнул в сторону, вывернулся и легко выбил меч из руки сиуна. Или просто рука того исчезла, и меч сам упал в пыль. Черный снова рассмеялся, опустил что-то в плоску и... исчез. Или растворился в толпе.

Так растворился в толпе или растаял в воздухе? Да уж, увидеть черного сиуна было не слишком хорошей приметой, и хотя говорили, что черный сиун что-то вроде полоумного среди прочих сиунов, как дурачок среди людей, но Пустота его знает...

Эпп раздраженно потер глаза. У балагана стояла тишина, только шаркали подошвы зевак, которые торопились разойтись по неотложным делам. Лук растерянно вертел головой. Побледневший Курант подходил к пасынку. Над брошенным в пыль мечом, снова обретшим серый цвет, присела Нега.

- Старшина. – Один из ротозеев осторожно коснулся плеча Эппа.
- Что тебе, несчастье собственного отца? – обернулся тот.
- Там... – Молодой воин почти заикался от испуга. – Там, на той стороне балаганной площади... у главного торгового ряда... Там, где висят щиты кланов. На столбе...
- Ну что там? – почти заорал Эпп. – Щит, что ли, какой упал?
- Нет. – Из-за спины ротозея показалась испуганная рожа его приятеля. – Там появился... другой щит.
- Пошли, – похолодел старшина.

Он так и знал. Мысль о харкисской рубаше не могла прийти просто так. Никакой щит, кроме щита клана Зрячих, «другим» быть не мог. Ну разве только кто-то извлек бы из небытия осколок чего-то давно минувшего. Но именно этот... Вот ведь угораздило! Добром это не кончится точно. Осталось только узнать: сразу казнят невезучего старшину или предварительно высекут до полусмерти.

Так оно и было. Среди сверкающих золотом, серебром и цветной эмалью щитов кланов Текана висел и щит клана Сакува – белый с черным глазом посередине. Хорошо хоть не с золотым. Впрочем, какая теперь разница? Или еще не поздно сдернуть смертельную метку в пыль?

- Что будем делать? – пискнул на ухо старшине недотепа-стражник. – Я без лестницы не заберусь на этакую верхотуру!
- Полетишь, – зло прошипел старшина, шагнул вперед и замер.
- Эпп! Эпп! – начал дергать его за руку второй из ротозеев, когда тот простоял неподвижно с остановившимся взглядом пару минут. Наконец старшина вздрогнул, задышал, захлопал глазами.
- Эпп! Что с тобой? – заскулил суетливый малый. – Ты шагнул к столбу, а потом словно окаменел. Увидел что или как? Будем снимать щит?
- Нет, – прохрипел старшина.

Глава 2

Палтанас

Идти в город с Луком вызвалась Нега. Он даже возразить не успел, как сестра смыла с лица краску, мгновенно натянула на себя любимое льняное платье, спрятала косы под хиланский платок, обратившись в скромную селянку, ухватила за руку названного брата и едва ли не вприпрыжку зашагала рядом. Вроде бы ничего похожего: он чуть повыше, она пониже и значительно тоньше, она в платке, он в колпаке, у него глаза зеленые, у нее – черные, она в льняном в синеву платье, он в серых холщовых портах и такой же рубаше. Ничего похожего, а посмотришь издали, заметишь, как ноги ставят, как спину держат, как руками взмахивают, – ну точно, если и не двойняшки, все одно брат и сестра. Лук давно знал об этом, не раз слышал в спину: одна кровь или вылупки из одного гнезда, – даже удивляться перестал. Вот только сам он не мог понять: сестрой считает Негу или еще кем, все ему чудилось, что больше она ему, чем сестра. И Самана казалась большим, чем мать, хотя бы потому, что возилась с ним как с родным, хотя ни кровь, ни родство не заставляли ее тратить время на упрямого мальчишку. И Курант был большим, чем отец, пусть и не баловал парня ни добрым словом, ни взглядом. Лук даже улыбнулся этой мысли.

Конечно, и не могло быть у старика никакого взгляда, но, когда обращал он на мальчишку пустые глазницы, ему всякий раз казалось, что старик видит его насквозь. Вот Харас был ему братом, мог и по затылку щелкнуть, и посмеяться над младшим, а Нега, Самана, Курант все-таки чем-то большим. Вот и теперь Лук чувствовал пальцы Неги в своей ладони и нет-нет да косил на нее взглядом, все разглядеть пытался, что изменилось в девчонке за последние полгода? Отчего вместо того, чтобы дернуть ее, как прежде, за косу или ущипнуть за девичью округлость, он замирает и словно язык проглатывает? Так бы и смотрел на тонкий профиль, глаз не отводил, но и на высокий столб, возле которого как раз теперь сустились стражники с принесенной откуда-то лестницей, взглянуть хотелось. С озорной улыбкой, пусть и смешанной с болью, взглянуть. Не думал Лук подводить старика, но не смог остановиться, когда под утро народ разошелся и на становище торговцев напал туман. Не удержался, в мгновение вскарабкался по скользкому столбу к щитам, добрался до покрытого белой эмалью щита клана Паркуи – клана Чистых – и ловко вывел углем глаз. Как бы и в самом деле не накатило каких-нибудь бед от его шалости! Впрочем, Куранта вроде бы больше беспокоил сиун? Не просто побледнел старик, затрясся, когда понял, с кем пришлось скрестить меч Луку. Едва сиун исчез, тут же отозвал Хараса, отправил куда-то с поручением. Да, встреча с сиуном, как слышал Лук, плохая примета. Однако напрямую таинственное существо зла никогда никому не делало. Так чего тогда волноваться? Все же хорошо закончилось?

На плече у Луки висел мешок с половинками меча, который, едва публика разбежалась, сам собой развалился на части в его руке, пальцы девчонки стискивали кошелечек, в котором позвякивали три монетки Луки – гиенская чешуйка и два серебряных да горсть медяков, что добавила Самана, заплатить за проход в город. Крохотный глиняный квадратик-печатка от сиуна, с закругленными уголками и отверстием с краю, что обнаружился в плоске, висел у Луки на шее. На одной стороне коричневатой безделушки было изображено солнце, но не тусклое и мутное, которое ползло по летнему, красноватому небу Текана, а ненастоящее, четкое, окруженное короной лучей. На другой стороне – Храм Пустоты. Долго старик ощупывал глинку, нюхал ее, прижимал к щеке. Потом проскрипел, словно месяц не открывал рта:

– Храм Пустоты. Только не знаю, где такой стоит. Не видел такой. На ощупь – словно в колоннах, что ли? Обычно они простенькие, что здесь, в Хилане, что в других местах. Башня, плоский верх, низкий вход. Внутри пустота. Служба-то снаружи идет.

– С чего ты взял, что это Храм Пустоты? – удивился Лук.

– Крапины посчитай на макушке. Сколько их? Двенадцать? Точно так же, как и на знаке любого зрителя, пусть даже это какой-нибудь вонючий соглядатай-храмовник самого мелкого пошиба. На всяком Храме Пустоты сверху двенадцать зубцов. А если зубцов нет да вертушка круглая, какой же это храм? Тогда это оплот. А на оплоте должна быть дверь. А где тут дверь?

Лук недоверчиво приблизил к глазам изображение. И на взгляд-то упомянутые Курантом «крапины» было нелегко разглядеть, а уж на ощупь...

– И что это значит? – нарушил Лук непривычную тишину. Даже болтушка Нега вдруг примолкла.

– А ничего, – почти безучастно пробормотал старик, словно мысли его уже были где-то далеко.

– А может, это печатка для пряников? – пискнула Нега и тут же затараторила: – А если это и есть всамделишный Храм Пустоты? Ну самый главный? Есть ведь такой? Почему все Храмы Пустоты маленькие, а этот с колоннами? А почему на всех храмах по двенадцать зубцов? А почему мы его не видели? А мы разве не во всех городах были? А что это вообще такое – Пустота? Почему ее все боятся, если она – пустота? Пустота ведь, это значит – «пусто»? Ничего нет? А почему храмовники ходят в жару в черных балахонах? А этот сиун почему был весь черный? Может, он тоже храмовник? Сиуны – кто такие? Колдуны, что ли? Так ведь колдовство запрещено в Текане? А если не колдуны, тогда почему меч Лука сломался, а меч, которым сиун махал, уцелел? Они же одинаковые. Или нет?

– Цыц! – гаркнул Курант, отчаявшись остановить поток словоизвержения жестами, и с раздражением повернулся к жене. – Самана, ты хоть заткни этот фонтан.

– Сам справляйся, – отозвалась от жаровни Самана. – Пока мелочью была, рот не затыкали, теперь уж поздно. Ничего, лишние слова вылетят, тут и примолкнет. Хочешь человека от глупости избавить, дай ему выговориться. Не мешай мне, скоро Харас овощи принесет с рынка, мне нужно все приготовить. Или куда ты его послал? Ты, что ли, будешь за меня кашу доваривать?

– Вот так вот, – пробурчал Курант. – Пока мелкая была, не давала окоротить, говорила, не трогай девчонку, а то характер переломить. Теперь выросла – оказывается, раньше надо было окорачивать. Бросай свою кашу, жена.

– Что так? – выпрямилась Самана.

– Так вот, – пробормотал Курант, поглаживая скулы здоровой рукой.

– Может, это храм из какого-нибудь мертвого города? – заинтересовался Лук, продевая шнур в отверстие пластинки. – Ну в том смысле, что его уже нет? Да мало ли в Текане храмов? Да и только ли в Текане? Мы же не могли все углядеть? Разве нет поселений в Вольных землях? Или за горами?

– Хочешь заняться поисками? – поднял незрячее лицо Курант.

– Не знаю, – признался Лук. – Но ведь должен же быть в этом подарке какой-то смысл?

– Иногда смысл как раз в том, что его нет, – отрезал Курант. – А если бы он тебе бросил в плоску речную гальку, ты тоже искал бы в этом какой-то смысл? По-любому обманул ведь. Что говорят про сиунов на ярмарке? Ты ж ходил вчера по рядам, обещался слухов подсобрать, баек?

– Так-то ничего не говорят, – вздохнул Лук. – А вот если расспрашивать, кое-что узнать можно. Я, правда, о сиунах специально не расспрашивал. Но говорят, что сиуны – это те колдуны, которые перемудрили. Ну или постигли суть вещей. Победили смерть. Или пережили ее. И теперь они как ветер или как дождь. А ты разве не то же самое мне рассказывал когда-то?

Старик снова опустил голову. Так же молча стояла и Самана у котла. Лук помолчал, застегнул ворот рубахи, продолжил:

– Я слышал, что убить сиуна нельзя, даже вся гвардия иши не сможет с ним справиться. Все равно что воду мечом рубить. Впрочем, они и не лезут ни в чьи дела. Их замечают, но и только. Если они сами этого хотят. И еще – их очень мало. Сколько городов, столько и сиунов. Или сколько кланов, столько и сиунов. У каждого свой, выходит?

Старик продолжал молчать.

– О черном сиуне тут болтают порой, да. Мелькает он и в Хилане, и в других городах, но редко очень, да и зла никому не делает. Иногда по рядам ходит, порой фрукты пальцами плющит, ткани мнет. Озорует. Он вроде как не в себе. Больной, что ли? Если бы я знал, что он нынче появится, я бы поподробнее о нем расспросил. Но говорят, что местный сиун другой. Он вроде каменного столба, только столбов-то в Хилане много, и какой из них сиун, никто не знает. А этот черный – может, и не сиун никакой? Но если сиун, тогда, думаю, что повезло мне и увидеть его, и даже сразиться с ним. Кто еще может этим похвастаться?

Лук заметил дрогнувшие пальцы старика и добавил неуверенно:

– Или не повезло.

– Или не повезло, – наконец подал голос Курант и погрозил пальцем Неге, которая даже глаза выпучила, пытаясь сдержать очередное словоизвержение. – Болтаешь много, парень, тлен в глаза. От сестры заразился? Забыл правило? Из десяти слов, что на язык просятся, одно вымолвить можно, и то про себя.

Солнце только собиралось сползти с точки зенита, и его свет пронзал внутренность повозки через прорехи в тенте красноватыми иглами. У задранного полога позвякивал развешанной на веревке кухонной утварью ветер, всхрапывали лошади, рядом слышалось гудение толпы – представление продолжалось в других балаганах.

– Выкинуть надо эту безделушку, – проскрипел Курант. – Не к добру она. Все, что от сиуна, – все против человека.

– Ты уже встречался с сиуном, – понял Лук. – У тебя в руках был такой же знак?

– Не было у меня никаких знаков, – ответил Курант. – Но сиуна я видел. Не такого, которого считают придурком. Считаю, что это было последним, что я видел. И говорить об этом я пока не хочу. Я правильно понял, что выбрасывать глинку ты не собираешься?

– Правильно, – упрямо мотнул белой головой Лук.

– Тогда будь готов к неприятностям, – тяжело вздохнул Курант. – Хотя на кочку пенять надо, пока не спотыкнулся. Потом уж поздно. Потом только на себя. Вот и отгуляли, считай...

– Хорошо подумал? – поинтересовалась Самана, затягивая волосы в тугий пучок.

– И думать нечего, – пробормотал Курант. – Поздно думать. Я сказал, бросай свою кашу.

– Так бросила уже, или оглох? – спросила Самана.

– Вот, – кивнул Курант и вдруг в мгновение стал собранным и строгим. – Беги к пристани, жена, найди щербатую, я брата ее в толпе слышал. Скажи, что помощь мне ее нужна. Уходить будем. Так-то, парень. Ведь знал, когда брал тебя, что этим все кончится. Ладно, потом обговорим. Пока отправляйся-ка в город, найди лучшего кузнеца, чтобы мог быстро сварить меч. Обходиться надо тем, что есть, даже плохонькие мечи на дороге не валяются. А они нам теперь могут ой как пригодиться. Двух серебряных хватит, может, и одним обойдешься, если деньги останутся, купишь сладостей Неге и Самане. Подсластить надо дорогу.

– Я пойду с Луком, – вскочила на ноги Нега. – А то он по дороге половину съест!

– Пусть идет, я справлюсь, – вздохнула Самана. – У меня во всякий момент все собрано.

– Давай, – кивнул Курант. – Только хорошенько присмотри за дружком, а то я слышу, возня какая-то началась у столба со щитами, мнится мне, без него там не обошлось. Попомни мои слова, парень, шуточки твои до добра не доведут. Собрался яму копать, нечего ленточки на рукоять лопаты вязать. Хотя чего уж теперь, поздно уму учить, если учителя перерос.

Лук покраснел, забросил за спину сумку с мечом и стал спешно выбираться из повозки.

– Не задерживайтесь, – буркнул вслед приемеышам старик. – Мало у нас времени, очень мало. Харас встретит вас на обратном пути. Да не светитесь попусту. Чтобы незаметно и неслышно. Как учил.

В ряды со сладостями Лук решил зайти позже, да и не принял всерьез слова Куранта насчет того, что подсластить дорогу старик собрался, поэтому сразу направился к городским воротам. Кузнеца можно было найти и в слободке, и ремонт клинка дешевле бы обошелся, но уж больно Луку хотелось посмотреть Хилан, тем более если старик решил уходить с ярмарки. В прочие города повозка Куранта закатывала как в собственную вотчину, располагалась или на площади, или на пустыре, которым обычно ремесленные кварталы отделялись от остальных построек, а вот в Хилан заезжать не приходилось. Всякий раз балаган останавливался за стеной, да и нечего было делать возле Хилана во все прочие дни, кроме первой недели лета, всякий – что артист, что бродяга – старался держаться подальше от высоких стен столицы: еще попадешься под горячую руку какого-нибудь ловчего, ищи потом защиты у урая да приговорясь обыскаться. Да и непросто было войти в город, только в дни водяной ярмарки можно было прогуляться по столичным улочкам за одну медную монету, в прочие дни пришлось бы выложить все пять, а уж с повозкой и десятью не обойдешься. Другой вопрос, что как раз в дни водяной ярмарки Хилан пустел, горожане сами уходили из города, кто на день-другой, а кто и на всю неделю. Но Луку-то какое было дело до зевак, торговцев и покупателей? Вот медяки, вот сломанный меч, вот город... Когда еще представится такая возможность? Шагай себе вперед, держи за руку щебечущую сестричку и раскрывай пошире глаза, чтобы все рассмотреть да не упустить ничего.

Сложенные из идеально ровных блоков известняка высокие стены Хилана и сами по себе были красивы: башни тянули их от одной к другой, словно кружевные ленты гиенских пастушек, но над ними вставали еще более красивые башни внутренних крепостей и зубцы замка самого иши. Жаль только, красотами столицы приемеышам Куранта предстояло любоваться издали, в центральную часть Хилана Лук не собирался, но и издали было на что посмотреть. Замок иши был сложен из розового хурнайского туфа и в лучах солнца казался вырезанным из лепестков болотной лилии. Даже не верилось, что внутри этого великолепия мог жить обычный человек. По крайней мере, Курант говорил, что иша – самый обычный человек, который удачно родился и сумел потратить большую часть удачи на то, чтобы остаться живым до того самого момента, когда собрание ураев – Большая Тулия – провозгласит его очередным ишей. Да еще сберег достаточно везения, чтобы хватило на долгую властную жизнь. Или недолгую. Хотя что могло угрожать правителю великого Текана? Соперников у него под солнцем Салпы не было. Так что главное – удачно родиться.

– А почему иша перестает откликаться на старое имя и становится просто ишей, когда его избирают правителем? – осознал очередной вопрос Неги Лук и посмотрел на сестру.

Против обыкновения, она не стала обрушивать на названного брата следующие вопросы, а замолчала, склонив голову к плечу, и Лук в который раз подумал, что так и не заметил, когда говорливая черноглазая девчонка-непоседа обратилась в красавицу. Да не просто красавицу, а такую, равной которой он не встречал ни разу. Исключая собственную мать.

– Ты что так смотришь? – шевельнулись чуть припухлые губы.

– Любуюсь тобой, – вогнал сестру в краску честным ответом Лук и потянул ее за руку. – С чего ты взяла, что он перестает откликаться на старое имя? И какая нам разница? Ладно, пошли быстрее, если старику взбрело уходить с ярмарки, забот еще будет выше тента – сундуки собрать, повозку проверить, лошадей запрячь, шатер свернуть. До вечера можно провозиться. Поторопимся.

– А где мы будем искать кузнеца? – пролепетала Нега.

– В ремесленных кварталах, – пожал плечами Лук.

Ремесленные кварталы находились в северной части города, как раз со стороны ярмарки. В торговых рядах не делали секрета из того, что лучшие мастера обосновывались за стенами Хилана. А среди них встречались и искусные кузнецы, и загадочные оружейники, и еще более загадочные механики, которые вместе с оружейниками изготавливали для гвардии иши согласно строгим канонам страшно дорогие ружья, а помимо того и всякие чудные штуки вроде часов на городских воротах, весов, затейливых замков на любые двери, с которыми так трудно бывало порой разобраться, и хитрых лебедек, с помощью которых обычный человек мог поднимать груз в несколько раз тяжелее себя самого. Конечно, все эти мастера если и не торговали своими изделиями, так уж точно бродили между рядами ярмарки или вовсе толпились у одного из балаганов, но один или два кузнеца непременно должны были оставаться у горнов: мало ли что потребуется воинам правителя? Об этом, да еще о странном черном противнике Лук и продолжал размышлять, тем более что Нега вновь зашебетала о чем-то своем, между делом пытаясь выпытать: правда ли ее брат сражается с противниками на слух или что-то все-таки видит сквозь плотную ткань?

Между тем главные ряды ярмарки остались по левую руку, уходя к пристани. У самых городских стен пробираться пришлось уже между шатрами, за которыми поблескивала Хапа и возле пологов которых крутили головами мальчишки-приказчики, присматривая за хозяйским добром. Потом из-под шатров выползла пыльная дорога, обратилась вблизи ворот в мостовую, а там уж и Нега примолкла, придавленная тяжестью кладки, крутизной башен и тонкой резьбой барельефов и бойниц. Горожан у ворот было немного, да и те все больше выходили из города, чем возвращались в него. На жаре изнывали два молодых стражника, которые безо всякого интереса взглянули на деревянные ярлыки артистов и на две медные монеты, которые Лук заплатил за вход, и оживились только тогда, когда парень добавил еще монетку за добрый совет. Совет оказался простым: если имеется нужда в кузнеце, надо входить в город, поворачивать у третьей улицы направо и двигать в ремесленные кварталы, потому как у реки проживает знать, а справа как раз и кузнецы, и ювелиры, и всякий прочий отборный ремесленный люд.

Курант, конечно, объяснил приемышам, что северные ворота не были главными воротами Хилана, вели к торговой пристани и использовались прежде всего торговцами и цеховиками, но и на этой окраине города Лук, против ожидания, увидел чистую, незаплеванную мостовую, тщательно выбеленные фасады двухэтажных каменных домишек и поразился блеску стекол во всех, даже самых крохотных, окошках.

– Зачем? – неожиданно коротко и внятно произнесла Нега.

– Ты о чем? – не понял Лук, вертя головой.

– Зачем нужны решетки на окнах? – пояснила Нега. – Почему во всех домах железные двери? Все боятся Пагубы? Но разве грозит Пагуба горожанам? Разве слуги Пустоты нападают на города? Штурмуют стены? Есть города, которые были покорены ими?

– Я слышал об одном таком городе, – задумался Лук, покосился на водоноса, тянущего мимо тележку с кувшинами. – Арай его имя. Курант говорил о нем в тот день, когда меня оставили у вас. Помнишь?

– А ты разве помнишь? – открыла рот Нега. – Ты помнишь, что было десять лет назад?

– И десять, и одиннадцать, и двенадцать, – твердо сказал Лук, останавливаясь у начала третьей улицы, на которой вовсе не было видно горожан. – Двенадцать уже смутно, отдельными днями, даже мгновениями. Но о том, что было десять лет и семь месяцев назад, я не забуду никогда в жизни. Ты хотела бы жить в этом городе?

– Нет, – покачала головой Нега, глядя в ровный, как луч солнца, ряд домов и невольно прижимаясь плечом к названному брату. – Тут все мертвое.

– Разве? – удивился Лук. – Тут все живое, просто слишком чистое. Хилан не похож ни на один город. Кстати, я первый раз вижу такую прямую улицу. Словно попал в лес, где вместо деревьев стоят ошкуренные бревна.

– Вот я и говорю. – Нега вздохнула. – Мертвое. Посмотри. Кругом камень. Ни земли, ни листочка, ни травинки. Вот как тут, к примеру, полежать на траве?

Лук рассмеялся, но тут же оборвал смех, который эхом разнесся по пустой улице, и подмигнул сестре.

– Я слышал, что в замке иши пол покрывают пластины из золота и серебра, и правитель ходит по ним в шерстяных носках.

– А я бы пробежалась босиком, – прошептала Нега и выставила тонкую ногу в стоптанной сандалиии. – И мне кажется, что даже камень будет милее моим пяткам, чем золото или серебро. Как ты будешь искать кузнеца?

– По дыму, – ответил Лук. – Над жилищем кузнеца должен стоять дым. Даже если не слышно ударов молота. Если кузнец продолжает работать и в праздничную неделю, значит, он хороший мастер.

– Или плохой, – хмыкнула Нега. – Не успел сделать работу вовремя и корпит над железом в праздники.

– Так даже лучше, – позволил себе улыбнуться Лук. – Плохой мастер – дешевая работа. Хороший мастер, чтобы заварить неказистый меч, не требуется. Больше монет останется на сладости.

– Я не люблю сладости, – вздохнула Нега. – Самана любит. Харас. Я не люблю.

– Что же ты любишь? – спросил Лук.

– Не скажу. – Девчонка рассмеялась и побежала вперед, оживляя только что казавшуюся мертвой улицу. – Я вижу дым. И молот позвякивает. В самом конце улицы. Мы, кстати, могли бы дойти до этого домика напрямки, если бы пошли вдоль стены!

Лук постучал по двери деревянным молотком, который висел на короткой цепи, потом ударил по ней ногой и уже подумывал, не вытащить ли из мешка обломки меча и не громыхнуть ли по кованным перильцам, поднимающимся вместе с тремя каменными ступенями к входу в жилище, когда за дверью все-таки заскрежетал засов. В приоткрывшуюся щель над парой натянувшихся цепей высунулся конопатый курносый нос, затем показалось все конопатое, но милое лицо, из тонких губ прошелестело что-то вроде: «ой» или «кто это?». Лук встряхнул звякнувший обломками мешок, и дверь открылась. Из темного коридора повеяло прохладой, впереди мелькнуло серое платье, усилился звон, и, ступая по поскрипывающим деревянным ступеням, Лук вместе со спутницей прошел во двор дома. Проводница, оказавшаяся рыжеволосой круглолицей девчушкой – ровесницей Неги, шмыгнула в сумрак навеса, перед которым охаживал молотом на закрепленной на кряжистом пне наковальне какую-то железку кузнец. Он был не стар, но лыс, морщинист и невысок ростом. Вдобавок кузнец не мог похвастаться особым разворотом плеч, но состоял, казалось, из одних сухожилий. Покосившись на гостей, мастер сбросил зашипевшую железку в кадушку с водой, повесил на крюк, торчащий из столба, щипцы, сложил руки на груди.

– Ты ведь хороший мастер? – спросил Лук. – Работа срочная.

– Спрашиваешь, какой я мастер? – удивился кузнец. – О том за порогом спрашивают, да не у мастера, а у прохожих. Или у тех, кто железо мое пользуется.

– Так пусто на улице, – пожал плечами Лук. – Народу в городе мало, у твоего дома так вообще ни души. Ярмарка. Да и выбора у меня не было, только твой молот звенит, только твой горн дымком попыхивает. Даже имя твое спросить не у кого было.

– Меня зовут Палтанас, – отрезал кузнец, зыркнул взглядом на Негу и протянул руку. – Что у тебя? Утварь в негодность пришла? Или жаровенка перегорела? За срочность приплатить придется.

– Меч, – протянул мешок Лук и едва не уронил его, потому как кузнец отдернул руку.

– Ты же не воин? – отчего-то побледнел Палтанас. – Мальчишка еще. Колпакними.

– Всякий воин был когда-то мальчишкой, – недоуменно потянул с белобрысой головы колпак Лук.

Кузнец шагнул к столбу, сорвал с веревки тряпицу, вытер покрывшийся потом лоб, обернулся к навесу и крикнул:

– Лала! А ну-ка сбегай в дом, возьми сверток у меня под кроватью да неси его сюда. И кувшинчик вина не забудь.

Кудряшка вынырнула из тени и прошмыгнула мимо Лука, окатив парня замороженным взглядом и не преминув показать ему язык. Кузнец наконец выдернул у него из руки мешок, вытащил обломки меча, покачал головой:

– Гвозди им рубили, что ли?

– Почти, – кивнул Лук. – А один из гвоздей оказался прочнее других. Сварить надо. Хотелось бы конечно, чтобы меч балансировку не потерял, но уж как получится. Оружие не боевое, мы артисты с ярмарки. Циркачи. Развлекаем публику. И вот, остались без одного меча. У старика есть старенький меч, но он не дает его никому. Бережет.

– Так ты приемыш Куранта? – скривил губы кузнец. – Наслышан, как же. Чудеса о тебе рассказывают. А почему не слепой?

– Да лучше вроде с глазами-то? – хмыкнул Лук и тут же натянул колпак до подбородка. – А я так.

– Два серебряных, – бросил Палтанас.

– Курант сказал, что и серебряного хватит, – расстроился Лук. – Нам же красоты никакой не надо...

– Красота золота стоит, – отрезал кузнец и швырнул обломки меча в корзину. – А серебро беру за прочность. Меч перековывать придется. Иначе обломится в том же самом месте. Меч, конечно, простецкий, но не барахло, между прочим. Хотел бы я посмотреть на этого умельца, что его перерубил.

– И я хотел бы, – продолжил фразу кузнеца Лук. – Не разглядел я его. И перерубил он его таким же мечом. Только ногтем сначала по нему провел. И странно так перерубил – только коснулся, а развалился тот уже после. А перековывать меч долго придется? А то мы спешим...

– Долго, – мрачно бросил кузнец и крикнул через плечо Лука: – Ну что замерла, Лала? Иди сюда.

Девчушка, покрасневшая, как колпак шута-затейника, протянула кузнецу длинный и, судя по всему, тяжелый сверток и загремела корзинкой, выставляя прямо на наковаленку глиняные чашки.

– Так положено, – пробормотал Палтанас, наполняя чашки из кувшина темным вином. – Нужно выпить. Работа может и год длиться, и два, а рождается меч в тот день, когда покидает кузнеца. Потом-то уж, конечно, как повезет, но и человек тоже так. Рождается, когда выбирается из лона. А там уж будет уходить от смерти, – добавил кузнец вполголоса, – пока однажды не сможет разминуться.

– Нам нельзя, – пожал плечами Лук. – Нельзя пить. Мы все время или работаем, или упражняемся. Я фехтую. Нега стоит на канате. Нельзя пить.

– Губы смочи, можешь не глотать, – кивнул кузнец. – И девчонка пусть губы смочит. Это ж не пьянка, обряд.

– А что за меч-то родился? – не понял Лук, слизывая сладкие капли с губ. – Пока, как мне кажется, как бы не наоборот...

– Не торопись, парень, – хмуро бросил Палтанас. – Всеу свое время. Едешь на заднице с горки не по своей воле – не спеши отталкиваться, вдруг обрыв впереди? Деньги с собой?

– Вот, – выудил две серебряные монеты из раскрытого Негой кошелька Лук.

– Вот и ладно, – кивнул кузнец. Сунул монеты в потертый кисет и шагнул под навес, откуда уже крикнул: – Иди в дом, Лала. И смотри в окно, увидишь Далугаеша – беги ко мне со всех ног. Да не высывайся потом, пока не уйдет. В чуланчике схоронись! – Вот, – вынес он примерно такой же меч, какой и просил отремонтировать Лук. – Возьми этот. Ничем не хуже твоего, даже и получше. Хотя такой же затупленный. Зато отбалансирован на совесть. Такими молодые ловчие в замке иши забавляются да время от времени приносят мне в починку. Забирай, а я твой сварю и отдам им. Не разберут.

– Подожди, – остановил мастера Лук. – Он стоит дороже двух серебряных. Сломанный меч пока не стоит ничего.

– Считаю, что я починил его за два серебряных, и он стал не хуже этого, – поморщился Палтанас. – Бери, не тяни время. Запомни, парень, нет лучшего мастера в Хилане, чем Палтанас, и нет скупее мастера, чем Палтанас, и если я что-то отдаю дешевле, чем кажется, поверь мне, так надо, иначе цена непосильной выйдет. А теперь смотри сюда!

Кузнец сдвинул фартук, и Лук разглядел на крепкой груди багровый ожог. Красный квадрат с закругленными краями, в центре которого сочилось сукровицей ненастоящее солнце.

– Ой, у Лука такая же... – прошелестела Нега.

– Не рви ворот, – осадил Лука Палтанас. – Верю на слово. Времени нет. Вот. – Он поднял сверток. – Здесь меч. Год я его делал. Не месяц, не два, как обычно, а год. Заказала его какая-то женщина, из знатных, судя по всему, но кто – не знаю, лица не показывала. Отвалила мне за него столько, что я, как мальчишка-подмастерье, все ее капризы выполнял: чего только в сталь не добавлял, как только над заготовкой не измывался. Лала уж замучилась бегать по Хилану – нужные материалы доставать, но в итоге меч я выковал. И вот что я тебе скажу, парень, – это мой лучший меч. Думаю, что это лучший меч и во всем Хилане. В последний день ярмарки я должен был сдать его той самой женщине. Но с неделю назад в мою кузню заглянул старшина ловчих. Страшный человек. По слухам, лучший фехтовальщик Текана. Из тех, кому убить человека легче, чем прихлопнуть комара. Так вот он увидел этот меч. Я как раз полировал его. Увидел и сказал, что забирает его. Бросил мне пять монет серебра и объявил меч своим. Я, конечно, рассказал ему о том, что у меча есть заказчик, но он только рассмеялся и приказал заканчивать полировку. Он придет за мечом сегодня.

– Так почему ты хочешь отдать его мне? – не понял Лук.

– Меч он не получит, – медленно выговорил кузнец. – И не только потому, что я не хотел бы, чтобы лучший мой меч висел на поясе у самого отъявленного мерзавца. Я не воин, парень. У меня есть дочь, за которую я несу ответственность. И выбираю меньшее из двух зол. А та женщина, лица которой я не видел, много страшнее даже Далугаеша. Так мне показалось с самого первого дня, когда я начал работать над ее заказом. И вчера я в этом убедился. Определяй правителя по его слугам. Вчера на ночь глядя в этом дворе появился самый настоящий сиун. Он принес мне ровно ту сумму, которую заказчица обещала заплатить за готовый меч, и сказал, чтобы я отдал новый клинок белоголовому воину, который придет со сломанным мечом завтра.

– То есть сегодня, – потрясенно прошептал Лук.

– Я, хотя еле на ногах устоял, спросил его, – продолжил кузнец, – что мне сказать самому страшному ловчему Текана, который положил на этот меч глаз, но вместо ответа получил вот этот отпечаток на грудь и слова, что меч забрал сиун. Он сказал, что, увидев этот знак, самый страшный ловчий Текана не будет меня долго мучить. Ты понял? Если что, меч у меня забрал сиун, а уж как он оказался у тебя, не мое дело. Вот тряпка, примотай к нему старый меч, что я тебе дал: если на воротах лентии захотят посмотреть – сдвинешь тряпицу и покажешь старый.

Если Далугаеш узнает, где этот меч, тебе придется худо, парень. А мне так уж по-любому не поздоровится. Не покалечит, и то ладно. Но с сиунами не спорят. Говорят, встретил сиуна – меняй всю свою жизнь. Сразу меняй. Иначе пожалеешь. Правда, не меняет ее почти никто...

– Но почему... – не понял Лук, покосившись на сверток.

– Если ты не знаешь, я и подавно, – прошептал кузнец. – Я встретил сиуна первый раз в жизни и, знаешь, радости никакой не испытал. Забирай сверток. Там меч, ножны и ярлык на ношение оружия. Так вот ярлык тоже принес сиун, и на нем печать самого иши. И ярлык на подателя. Ты можешь это объяснить?

– Нет, – пробормотал Лук.

– Тогда забирай свое барахло и уматывай! – рявкнул кузнец.

– Папка! – закричала с галереи второго этажа Лала. – Далугаеш подходит к дому.

– Сюда! – зарычал кузнец, подталкивая Лука и Негу под навес. – Вот дверь. Дальше коридор, воротца и выход на улочку вдоль стены. Сотня шагов – и вы у ворот. Ясно? И чтобы я вас больше здесь не видел. Дорогу сюда забудьте. Эх, спаси меня и мою дочь Пустота...

Хлопнула дверь, и Лук с Негой оказались в полутемном коридоре.

– Ты что-нибудь понял? – спросила Нега. – Белоголовый воин... Ты разве уже воин?

– Подожди, – отмахнулся Лук, припадая к двери, за которой послышался раздраженный низкий голос.

– Что там? – прошептала Нега, не дождавшись ответа, присела, прижалась к щели и разглядела трех воинов в белых плащах ловчих, один из которых – с длинным носом и спадающими на плечи светлыми волосами, в желтых кожаных доспехах – был выше прочих на голову. Он стоял перед кузнецом и что-то негромко выговаривал ему, на что тот пожимал плечами и тыкал пальцем в рану на груди. Нега услышала странный звук, подняла глаза и с удивлением разглядела лицо Лука. Припав к той же щели в двери, он скрипел зубами, и по его лбу, скулам, щекам скатывались капли пота.

– Значит, «не будет долго мучить»? – выговорил он сдавленным голосом.

– Ты что? – прошептала она чуть слышно, но Лук не ответил. Нега вновь заглянула во двор и обмерла. Кузнец лежал на земляном полу крохотного дворика с рассеченным горлом, из которого толчками била кровь, высокий воин вытирал длинный нож содранным с несчастного фартуком, а один из спутников убийцы ковырял другим ножом тело. Вот он поднял какой-то окровавленный лоскут, высокий кивнул ему и, развернувшись, двинулся к выходу. Второй его спутник направился к лестнице в дом.

– Ужас, – прошелестела Нега. Она, дрожа, прислонилась к стене.

– Уходим, – прошептал Лук, лицо которого даже в темноте казалось сравнявшимся белизной с волосами, и взял ее за руку.

– Подожди. – Ноги ее не слушались. – Минуту. Как же так...

Она вовсе сползла на пол, обхватила колени руками. Лук присел рядом, положил ей дрожащие ладони на плечи.

– Нега... – Он говорил медленно и тихо, но не шепотом, а так, словно дышал словами. – Надо уходить, иначе я не слажу с самим собой. Больше десяти лет назад я жил в доме урая клана Сакува. В доме своего деда. Как-то утром ему доложили, что у ворот Харкиса остановился смотритель всего Текана в сопровождении полусотни стражников – ловчих иши. Обычное дело, раз в год смотритель появляется в любом городе. Проверяет, как соблюдаются законы иши, чем занят местный смотритель, не расплодились ли колдуны, не воздвигнуты ли тайные алтари каким-то богам, не нарушают ли каноны оружейники, не оскверняется ли священная Пустота. Но в тот день у главных ворот города прозвучали выстрелы. И началось избиение горожан. Всех. И мужчин, и женщин, и детей. Наш дом примыкал к одной из башен, мы могли вырваться и спастись, но моя мать тянула до последнего, ждала, когда все воины иши войдут внутрь города. И вот, когда рядом с нею остались только я и десяток окровавленных воинов,

когда уже было принято решение уходить через башню-конюшню, ворота в которой только казались заваренными, в дом ворвался отряд ловчих. До второго этажа добрались два десятка вот таких же воинов в белых плащах. И эти трое были среди них! Правда, плащи на них были уже красными. От чужой крови. Нам пришлось прорубаться к нужной двери, даже я отмахивался кинжалом, хотя меня все-таки зацепили в трех местах. Вот этот длинноволосый чиркнул по голове. А потом они убили мою мать, понимаешь? Когда мы пробились к лестнице и ловчих осталось с десятков, она приказала старшине башни спасти меня, шагнула вперед с мечом, она была отличной мечницей, положила в тот день многих врагов. Но один из них махнул рукой, и... они выстрелили в нее из ружей, ее просто разорвало, и я это видел!

– Тихо. – Нега коснулась ладонями лица Лука. – Успокойся. Это было давно. Успокойся. Нам действительно нужно идти. Надо спешить. Кузнецу уже не поможешь.

Из-за двери слышался визг. Оставшийся воин, закинув на плечо мешок с каким-то добром, волочил за собой по лестнице за волосы рыжую девчонку.

– Не успели, – пробормотал с уже посеревшим лицом Лук и начал распутывать сверток. – Минутка у нас есть?

Глава 3

Малая Тулия

На верхней галерее замка гулял ветер. Выдувал из-под балок розовых куполов труху прошлогодних птичьих гнезд и разбрасывал ее между резных колонн переходов. Постельничий блистательного иши, Ирхай, раздраженно чихнул, покосился на рослых гвардейцев, что по четверо стояли на обоих концах галереи, вытащил из поясной сумки бумажную полоску и черкнул грифелем пару слов. День не задался: с утра томило сердце, словно торопилось отстучать все волнения на год вперед, ныли суставы, шумело в висках. Добро бы накатили привычные хвори, нет, повеяло чем-то новым, дыхание перехватило, пришлось поклониться правителю и попроситься на воздух, да и тут отдышаться так и не удалось. В глаза лез какой-то мусор, в уши – щебет едва вылупившихся птенцов. Второго спальничего придется выпороть, вчера еще отправлял его к дворничему, чтобы навели порядок на верхних галереях, неужели мозгов не хватило посбивать гнезда? Не из-за этого ли иша с полудня сам не свой? Хотя вряд ли. Правитель, который замечает все вокруг себя, плюет на подобные мелочи.

Ирхай подошел к ограждению и прищурился, взглянув на опускающееся к горизонту солнце. Многие мечтали подняться на верхние галереи, чтобы оглядеть с высоты и город, и окрестности, и Ирхай, когда еще бегал мальчишкой среди дворни и молодых воинов, мечтал о том же, думал, что отсюда, сверху, и солнце окажется ближе. Так нет же, что сверху, что снизу одно и то же. А город? Вот он – у его ног.словно пласт промытых речной водой пчелиных сот. Поодаль – ремесленные слободы, похожие опять же на кубики сушеного меда, пойманные паутиной заборов и улочек. Между ними и городом – суeta ярмарки, торговцы, покупатели, зеваки, которые сверху кажутся меньше муравьев. Чуть правее – пристань, лодки, широкая серая лента Хапы, устье Блестянки, земли вольных, темная громада Дикого леса. Когда ветер с востока, иногда город наполняется запахом чащи. И тогда сердце Ирхaya сжимается от ужаса.

У южного купола застучали каблучки. Ирхай оглянулся и вздохнул. По галерее, в ореоле развевающихся лент и кружев, бежала Аси. На ее лице блеснули слезы. Жена иши плакала нередко, неужели правитель посмел обидеть ее и сегодня?

– А, это ты? – Она хотела скрыть слезы, но, разглядев неуклюжую фигуру пожилого постельничего, опустила руку, не стала мочить рукав атласного платья.

– Вава обидел тебя? – спросил Ирхай.

Только сама Аси, постельничий да старшина Тулии Мелит – старший брат иши – позволяли себе называть ишу по имени, но и то лишь тогда, когда этого не мог услышать кто-то другой. Не считая личного телохранителя иши, который следовал за правителем неотступно, но как Хартага сам называл ишу, Ирхай не знал. Постельничий вообще не слышал, чтобы Хартага произнес хоть слово. Могло оказаться, что он нем. Интересно, а когда иша ласкал жену, он отсылал Хартагу куда-нибудь?

– Нет. – Аси, которая к тридцати с лишним годам сохранила свежесть кожи, высокую грудь и тонкую талию, раздраженно тряхнула золотыми кудрями. – Он меня не обидел... словом. Но он зол. Он разговаривал так, словно его пальцы были опущены в раскаленные угли. И когда он просил меня уйти, он говорил, не разжимая зубов. Он сказал, что не ждет меня этой ночью. Он пошел в зал совета, там Квен и Мелит. Вава... он напуган. – Аси сбивчиво зашептала: – Мне тоже страшно, Ирхай. Беда. Нам всем грозит беда, я чувствую!

– Успокойся. – Ирхай удивился схожести ощущений, коснулся кончиками пальцев локтя ишки, которая обречена была остаться бесплодной, пусть и не только потому, что у иши не должно быть наследника. – Сейчас я пойду и все разузнаю. Не представляю ни одной неприятности, которая могла бы пошатнуть Текан. Не плачь. У мужчин тоже бывают трудные дни,

а твой муж – первый мужчина всей Салпы. самого сильного быка запрягают в самую тяжелую повозку. Ему тяжелее прочих.

Аси кивнула, всхлипнула и побежала к южному куполу, от которого начиналась крутая лестница в ее покои. Гвардейцы разошлись в стороны, пропуская правительницу. Нет, на верхней галерее было хорошо. Дышалось легче, не пахло копотью из масляных ламп. Да и не наблюдалось ни суеты, ни угодливых физиономий вельмож, ни испуганных рож челяди. В самом деле, кто еще, кроме стражи, мог подняться на верхние галереи? Одна лестница проходила через покои иши, другая вела наверх из покоев иша. И та и другая охранялась ветеранами гвардии. Выходит, только сам иша, ишка, две ее сестры, Ирхай, Хартага да один из двух братьев иши? Может, и не стоило разорять гнезда? Когда-то Аси восхищалась щебетом птенцов. Да уж. Нелегкая судьба выпала дочери урая Хилана. Кем она была в двадцать с небольшим? Засидевшейся в девках красавицей, на которую однажды обратил взор сын урая Хурная, робкий и обстоятельный долговязый парень, начинающий сидеть с юных лет кессарец Вава? Знал ли он, что станет ишей? Вряд ли. Никто этого не знал. Прошлый иша был еще не стар, править бы ему и править. Тогда отчего Вава выбрал Аси? Да, ее старшая сестра Тупи была замужем за Мелитом – старшим братом будущего иши, и это могло послужить поводом для знакомства, но не для женитьбы. Что Вава нашел в Аси? Пленился ее кудрями и тонким станом? Но у младшей сестры Аси – Этри – и стан тоньше, и кудри гуще, пусть они и пепельного, а не золотого цвета, да и на лицо она явно красивее своей сестры. Да и что толку от стана, если Аси не может иметь детей? Почти сразу после знакомства с Вавой заболела, простудилась, упав в ледяную воду Хапы, едва не лишилась разума, ни с кем не разговаривала больше года. Целый год заново училась ходить. Долго приходила в себя. Но впервые улыбнулась, когда увидела именно Ваву, который, к тому времени став ишей, в свою очередь не забыл о веселой смешливой девчонке, не согласился на предложение будущего тестя обратить внимание на его младшую дочь, решил навестить среднюю. Тогда Аси и пошла на поправку. И вот как срослось: Аси не может иметь детей, а ише нельзя иметь детей, и, кроме Аси, ему никто не нужен. Вот так-то.

Ирхай оглянулся, вздрогнул, услышав хруст под ногой. Наклонился, разглядел выпавшего из гнезда и раздавленного птенца, раздраженно сплюнул и тяжело задышал. Все-таки следовало выпороть спальничего. Постельничий кивнул, соглашаясь сам с собой, и поплелся к лестнице в покои иши, проклиная спину, вздумавшую заболеть в самом начале лета, и отказывающие ему в этот день голову, суставы и сердце.

Иша, несмотря на вечерний час, и в самом деле отыскался в зале совета. Он сидел в мягком высоком кресле, закутавшись в темно-красную тунику, ежился, словно под оклеенными кожей вепря сводами гуляли зимние сквозняки, тянул к выложенным перед ним на бронзовое блюдо раскаленным углям руки. За его спиной, присев на высокий хурнайский стул, замер напоминающий сжатую в комок пружину Хартага с коротким копьём в руке. Справа на широкой скамье сидел, опустив голову, старший брат иши – старшина Тулии седой Мелит. Тремя ступенями ниже, в центре округлого зала, стоял посеченный шрамами и морщинами воевода гвардии Квен.

Ирхай привычно упал у порога на колени, хотя мог преклонить только одно из них, поднялся, ухватившись за резной дверной косяк, и поплелся к правой скамье. Если уж делить неурочные посиделки, то со спокойным и мудрым Мелитом. Тем более что иша и в самом деле был не в себе. Обычно спокойные глаза его провалились, поблескивали искрами тревоги и ненависти. Пальцы слегка подрагивали.

– Ты слышал? – глухим, словно растерявшим все высокие ноты голосом обратился к постельничему иша. – Ты слышал? Я приказал высечь старшину северной башни, а Квен снял у него с руки лоскут кожи, да еще вздумал защищать негодяя.

Лоб иши покрывал болезненный пот. Волосы торчали слипшимися клоками.

– О ком речь? – как можно мягче спросил постельничий, присаживаясь рядом со старшиной Тулии.

– О старшине Эппе, – склонил голову воевода Квен, широкоплечий воин, который при предшественнике иши заправлял ловчими. – Я наказал Эппа своею волею до того, как его приказал наказывать блистательный иша, и наказал жестоко, шрам на руке останется до конца его дней, но теперь, когда я слышу веление блистательного иши еще и высечь ветерана, мое сердце обливается кровью. Плетка не оставит шрамов, но я лишусь старого гвардейца. Он не переживет позора. Он не луззи, чтобы наказывать его плетью. Я не противлюсь воле правителя, я молю о пощаде для старого воина.

– Я вправе высечь плетью любого, – отчеканил иша. – Даже любого из вас!

– Разве я позволил себе хотя бы на мгновение усомниться в твоём праве, блистательный иша? – встал на одно колено Квен. – Я готов принять плети на свою спину. Один на один с тобой, правитель. Пусть все выйдут, и я скину одежду. Хотя Хартага пусть останется. Он ведь что-то вроде твоей тени? Но если ты захочешь сечь меня даже во внутреннем дворе замка, я уже не говорю о порке на площади, тебе придется сечь мое мертвое тело. Моя честь стоит дороже моей жизни!

– А чего тогда стоит моя честь? – уронил глухие слова иша.

– Всего Текана, блистательный иша, – раздался от дверей в покои грубый голос Далугаеша.

Долговязый, шурша кожей легких доспехов, встал только на одно колено, хотя должен был опуститься на два. А вот идущие за старшиной ловчих его спутники: старый Кастас, обрюзгший, лишенный, кажется, не только волос на голове, но ресниц и бровей, урай Хилана, отец Аси, и сухопарый, вечно улыбающийся худышка Данкуй – старшина тайной службы иши, – опустили на оба колена, хотя могли обойтись и одним. Ирхай неприязненно покосился на высокого, с глазами навывкате, Далугаеша. Ни одного мгновения он не подозревал старшину ловчих в измене или еще в каких умыслах, но даже находиться в одной комнате с самым смертоносным мечником Текана без дрожи не мог. Хотя разве Далугаеш скрещивал меч с тем же Хартагой, Квеном, Данкуем? Кто из них мог бы стяжать звание лучшего? Каждый когда-то прослыл доблестным воином, а значит, и изощренным убийцей. Не считая Хартаги, о котором Ирхай вообще ничего не знал, кроме того, что Вава притащил телохранителя за собой из Хурная, когда оставлял город под опеку младшего брата Кинуна. Зато Ирхай кое-что знал об остальных. Данкуем, по слухам, пугали детей во всех Вольных землях, да и в Текане многие боялись произносить его имя. А Квеном однажды напугали целый город – Харкис. Навсегда напугали. Пусть и не он тогда был воеводой. Но кое-чем занимался именно он.

– Я смотрю, иша, у нас тут сама собой образовалась Малая Тулия? – поднял голову до того молчавший Мелит. – Воевода, постельничий, старшина ловчих, старшина тайной службы, урай Хилана, я и, конечно, в первую очередь ты, правитель Текана, – все собрались. Только смотрителя не хватает, но толстяк не заставит себя ждать, быстренько приползет. Так вот, пока его нет, хотелось бы услышать, что за беда нас настигла? Ведь только беда всего Текана может заставить так биться твоё сердце? Может быть, вольные сошли с ума и собираются захватить ярмарочную площадь под стенами Хилана? Или чудовища Дикого леса научились плавать и Хозяин чащ гонит их в воды Хапы? Или на Текан надвигается мор? А может быть, ушлый торговец обманул какого-нибудь луззи? Или же небо побагровело и на Салпу надвигается следующая Пагуба? Нет, все гораздо проще. Вся проблема в чьей-то глупой шутке и в том, сечь или не сечь несчастного брюзгу и служаку Эппа, который проглядел шутника. А ведь Эпп был одним из лучших ловчих когда-то. Не он ли учил в свое время уму-разуму, скажем, того же Далугаеша?

Мелиту позволялось больше, чем другим. Ему и младшему брату иши – Кинуну. Но Кинуна в покоях иши не было.

Иша побагровел, но не сказал ни слова, хотя скулы его заходили желваками. Ирхай едва заметно вздохнул. Если бы иша был в бешенстве, он стал бы бледнее зимнего неба, и с губ его не сходила бы улыбка. В такие минуты даже Мелит предпочитал покидать покои иши едва ли не ползком. Хотя сам Ирхай видел таким ишу только один раз, и случился этот раз почти десять лет назад. Тогда Вава, средний сын бывшего урая Хурная, только-только был провозглашен Большой Тулией – собранием ураев всех кланов – правителем Текана. Еще не впиталась в камни уничтоженного Харкиса рассыпанная поверх развалин соль. Еще не просолилась в чанах хиланского Храма Пустоты почти тысяча пар ушей стертого с лица Текана клана Сакува. Еще не был предан огню старый иша, найденный мертвым на верхней галерее, на которой еще не стояли гвардейцы. Именно тогда, сразу же после избрания и последующего рукоположения нового смотрителя, правитель Текана вызвал к себе этого самого смотрителя, чтобы понять, зачем был уничтожен клан Зрячих? Что за святотатство произошло за высокими стенами Харкиса, что старый смотритель приказал перебить почти тысячу подданных иши? Мало того, уничтожение Сакува началось с истребления выходцев из клана Зрячих в рядах самой гвардии, чтобы потом, в схватках на улицах Харкиса, добавить к этой полусотне несчастных более тысячи отборных гвардейцев. И это без подсчета перебитых в Харкисе женщин, детей, стариков.

Тогда новый смотритель (а старый умер едва ли не в один день с ишей) был еще не столь толст и лыс, как теперь, но столь же словоохотлив. И все же молодого ишу, который, кажется, готов был придушить лоснящегося храмовника, он выслушал молча и вслед за тем не только не пополз прочь от повелителя, как сделал бы любой из вельмож, исключая разве только одного Квена, а начал говорить. Сначала, заставив правителя побелеть от бешенства, он сказал, что понятия не имеет, каким образом принималось решение вырезать под корень клан Сакува. Потом добавил, что единственной причиной такого решения могла быть реальная угроза Пагубы и что, по его разумению, с этого самого дня во всем Текане должно быть запрещено любое упоминание Сакува, а уж тем более щиты и оружие с символикой клана Зрячих. Затем, не повышая голоса и не стирая с лица извечной улыбки, смотритель объяснил выходцу из Хурная, что все подобные решения относительно жизни или смерти подданных иши диктуются священной Пустотой. И неподчинение им и в самом деле может повлечь ужасную Пагубу, которая уменьшит число жителей Текана не на две тысячи человек, а вдвое или втрое больше. Кроме того, прищурился смотритель, в далеком прошлом случались Пагубы, когда в живых оставался один из десяти, потому как слуги Пустоты не ограничивались поселками и слободами, но уничтожали и оплоты, входили и в города. Затем смотритель рассказал, что все повеления Пустоты доносятся смотрителем до иши в первую очередь и выполняются только после обсуждения сопутствующих обстоятельств, тем более что сам смотритель не вправе повелевать ни гвардией, ни ловчими, ни даже последними дворцовыми служками. Он может только беспрепятственно входить в города и дома, чтобы проверять верность служения Пустоте детьми Салпы. Наконец, смотритель поклонился и добавил, что если новый иша не совладеет с огнем, который бушует в его сердце, и убьет нового смотрителя, то на его место снова придет новый смотритель. И вся эта череда призваний продолжится опять-таки до следующей Пагубы, а история не знает еще ни одной из них, которую удалось бы пережить ише Текана.

В тот день Вава все-таки сдержал себя. Тем более что новый смотритель благоразумно удалился, сообразив, что на повторное предложение убить его иша может и откликнуться. Сейчас же иша пока еще был далек от состояния бешенства. Но не слишком далек. Так в чем же состояла причина его волнения? Неужели в том самом появлении щита клана Сакува на ярмарочном столбе? И чего волноваться? Щит уже снят, а клана Сакува, уничтожение которого, как понял Ирхай, было условием отсрочки очередной Пагубы, давно уже нет. Или небо уже побагровело над Теканом? Найти наглеца и отсечь ему башку, мало ли соглядатаев Данкуя бродит по ярмарке?

– Сядь, – выдохнул иша в сторону воеводы и положил подрагивающие пальцы на подлокотники кресла. Самообладание постепенно возвращалось к правителю Текана. Все-таки, когда десять лет назад умер предыдущий иша, Ваву избрали на его место не потому, что его брат был старшиной Тулии, и не потому, что он согласился не иметь детей – то есть готов был пойти на то, что его возможная избранница будет лишена лекарями Хилана этой возможности навсегда, – а потому что Вава был самым сдержанным и рассудительным изо всех ураев. Или казался таким. Хотя говорили, что, если бы не та история с Сакува, ишей должен был бы стать урай именно клана Зрячих.

– Хорошо, начнем сначала. – Иша перевел взгляд на одутловатое лицо собственного тестя. – Как все уже знают, сегодня утром на белом щите клана Паркуи появился глаз. Надеюсь, клан Чистых не собрался переименоваться?

– Без сомнений, это сделал какой-то безмозглый шутник, – подобрал дрожащую губу Кастас. – Я бы выдернул ему руки и ноги, прежде чем отсечь башку, но как его отыскать? Утром на ярмарке стражи нет, туман наползает со стороны Хапы, ловкач сумел остаться незамеченным. Вся стража Хилана сейчас выведена на ярмарочную площадь! Глашатаи обещают за голову ловкача немалый куш!

– Действительно ловкач, – скушающим тоном заметил старшина тайной службы Данкуй. – Забрался по гладкому столбу на высоту двадцати локтей и ловко намалевал углем глаз на белом щите. А ведь столб намазан жиром, без лестницы смельчак не обошелся бы. Без большой лестницы. Значит, он был не один. К тому же стражники заметили глаз только в полдень, уж точно его видели множество луззи, но никто не донес. Меня это беспокоит даже больше, чем дурацкая шутка сама по себе. Хотя выдернуть шутнику руки и ноги следует непременно. Как раз перед тем, как его казнить. А вот Эппа, блистательный иша, я бы и в самом деле пожалел. Верность стражей Хилана, как любовь близких, любовью и питается.

– Потом будем говорить о любви, тем более что и твои соглядатаи тоже проглядели щит, – оборвал Данкуя иша и вновь обратился к воеводе. – Давай начнем с самого главного. Мог ли ловкачом быть выходец из клана Зрячих? Клана, уничтоженного по велению Пустоты. Это все помнят? Квен, ведь это было твоим делом?

Иша выделил слово «твоим».

– Все ли Сакува были убиты?

– До единого, – снова поднялся Квен. – Тысячу семьдесят два воина гвардии потеряли мы сами под Харкисом, в том числе три сотни ловчих, но уничтожили всех Сакува до единого. Начиная с нищего попрошайки и заканчивая ураем Харкиса. Точнее, начиная с урая Харкиса. Включая пятьдесят Зрячих – гвардейцев, уничтоженных еще в Хилане, двадцать трех Зрячих, которые были в отъезде, и шестерых беглецов, пытавшихся спастись в крепости Парнс.

– Итого? – поднял брови иша.

– Девятьсот восемьдесят три Зрячих, – твердо сказал Квен.

– Из которых воинами разного возраста было всего лишь триста сорок человек, – скривил губы Мелит. – Ведь гвардейцы Сакува были уничтожены не в бою, а казнены? Их убили в спину ловчие. В спину, потому что в открытом бою мало кто мог с ними справиться, а сами Сакува никогда не становились ловчими. Ведь ловчий отказывается от своего клана? И все это согласно вольностям, которые были пожалованы Зрячим столетия назад. Я согласен, что Сакува были опасны, но триста сорок человек? И это вместе с юнцами и стариками. И ни у одного, кстати, не было ружей. Ружьями ведь имеют право владеть только доблестные гвардейцы? Не слишком ли велики потери?

– Ты не подденешь меня, Мелит, – хмуро отозвался Квен. – И не потому, что тогда я командовал только ловчими. Ты же сам говоришь, что равных Сакува в схватках не было? Разве только немногие умельцы из клана Смерти, воины которого обучаются убийству с колыбели, могли бы перещеголять лучших воинов Сакува. Боюсь, если бы не их самоуверенность

и не внезапность нападения, нам не хватило бы и двух тысяч гвардейцев, пусть даже они были бы обвешаны ружьями. К тому же ружье перезаряжается довольно долго, а лучник натягивает тетиву мгновенно. Из Сакува не могли управляться с луком только грудные младенцы и древние старухи.

– А среди вольных не могут скрываться выходцы из клана Зрячих? – наморщил лоб иша. – Из тех, кто покинул Текан задолго до того дня? Из тех, чей след затерялся давно?

– Исключено, – покачал головой Данкуй. – Я слежу за вольными почти десять лет, они держатся кланами и за речкой, но беглецов от Сакува там не было никогда. Зачем им было уходить за реку? Ведь Сакува не делились на арува и луззи. Самый грязный бедняк Сакува мог говорить с ураем Зрячих на равных. С уважением, но на равных.

– Какая мерзость, – шумно высморкался в платок урай Кастас.

– Значит, было девятьсот восемьдесят три Зрячих, – кивнул иша. – Что же, зрителю были представлены девятьсот восемьдесят три пары ушей?

– Девятьсот тридцать три, – отозвался Квен. – Гвардейцев Сакува поместили на погребальный костер с ушами. Но почти все девятьсот тридцать три пары отрезались у меня на глазах.

– Кроме? – насторожился иша.

– Кроме тех, кто был убит вне стен Харкиса, – пояснил воевода. – Правда, те, кто оказался в отъезде, были потом доставлены на развалины Харкиса, убиты и разделаны у меня на глазах, но тем самым беглецам пришлось расстаться с ушами на предзимнем перевале, к тому же старшина стражи Харкиса перед смертью бросился вместе с внуком урая Сакува в пропасть.

– И? – потребовал продолжения рассказа иша.

– Я уже докладывал эту историю в подробностях, – опустил взгляд Квен, – но могу повторить ее столько раз, сколько потребуется. Беглецов было шестеро. Перед смертью дочь урая Харкиса, которая стояла с обнаженным мечом на лестнице перед нами, приказала последним воинам спасти ее сына. Мы стояли с ней лицом к лицу, она чертовски хорошо владела мечом, положила немало наших. Нас было десятеро на той лестнице против бешеной бабы, десятка Зрячих и крохотного мальчишки, которого Далугаеш успел ранить, лицо ребенка было залито кровью.

– Точно так, – прогудел старшина ловчих, – я рассек ему лоб, руку и грудь, но убить не сумел. Его мать, без сомнения, была одной из лучших фехтовальщиц Сакува, она оттеснила меня. Да и мальчишка довольно ловко отмахивался кинжалом.

– Мы использовали последние заряды, чтобы убить дочь урая, но не смогли сразу последовать за беглецами, потому как схватка еще не закончилась, – продолжил рассказ воевода. – Трое воинов Сакува остались сражаться за ее тело и забрали за собой еще шестерых наших. Но едва нам удалось справиться с ними, я отправил за беглецами лучших ловчих. Они преследовали их несколько дней и настигли на подходе к перевалу. Но даже и в последней схватке воины Сакува остались верны себе. Уже раненные залпом из ружей, они ринулись в бой и убили большую часть преследователей. Но погибли и сами. Как я уже говорил, старшина Сакува бросился с обрыва вместе с маленьким седоком. Четверо Сакува погибли с мечами в руках. Ловчие отрезали уши четверке, сбросили тела в воду, а потом спустились в долину Бешеной речки, где стали искать тела старшины и ребенка. В течение трех дней река вынесла их всех. И четырех с отрезанными ушами, и тело старшины, и тело ребенка, и труп лошади. Конечно, их было невозможно узнать, кожа была содрана с лиц и тел, одежда истерзана в лохмотья, но уши и старшины, и внука урая уцелели. Ловчие отрезали их и представили мне на развалинах Харкиса. Тому свидетельством были рассказы десяти уцелевших воинов.

– Получается, что в лице Сакува мы уничтожили самого страшного, почти непобедимого врага, – медленно проговорил иша. – К тому же выполнили повеление Пустоты и избежали

Пагубы. И все-таки кто-то изобразил знак клана Сакува на щите клана Паркуи. Осквернил его, – повернулся к ураю Хилана иша. – Что скажешь, дорогой Кастас?

– Кто-то выжил, – сдвинул брови урай. – Я не сомневаюсь в словах Квена, что были уничтожены все, кто находился в городе. Но что, если в их число попал кто-то случайный? Что, если он был сочтен как Сакува? Какой-то гость, бродяга, торговец? Если это так, выходит, что Сакува убиты не все?

– Исключено, – отрезал Квен. – У меня были торговцы, которые знали всех Сакува в лицо и по именам, и ни у одного Зрячего не были отрезаны уши, пока кто-то из купцов не узнавал мертвого и не называл его имя. И это имя было выколото на каждой паре ушей. К тому же каждое имя сверялось с писчими ведомостями клана. К каждой строчке была приложена пара ушей.

– А эти торговцы ходили с ловчими к перевалу? – прищурился иша. – Они смотрели на трупы, вынесенные рекой?

– Там не на что было смотреть, – ответил Квен. – Но были опознаны доспехи, оружие, даже сапожки, которые заказывал урай Сакува для внука. Детское белье имело вензеля рода Харти! Кого еще они могли найти под порогами Бешеной речки? Или в те дни, когда начинаются первые вьюги и даже мудрецы Парнса не показывают носов из келий, горная речка выносит труп за трупом?

– Может быть, зацепка в другом? – ухмыльнулся Данкуй. – Урай Сакува не выдавал дочь замуж, однако внука он признал, хотя и не хвастался им на каждом углу. Мальчишке на момент гибели было где-то лет пять, и он не от одного из стражников Зрячих, урай признал бы любого из Сакува членом своей семьи, значит, кто-то может мстить за убитого сына, пусть даже незаконнорожденного. Кто-то из других кланов. Я бы постарался поковыряться в чужих ушах да извлечь оттуда отголоски старых слухов пятнадцатилетней давности.

– Вот и займись, – задумался иша. – Извлеки старые слухи. Да проверь их. Найди этого молодца. Кто бы ни осквернил щит клана Чистых, я хочу знать имя отца внука урая Сакува.

– Слушаю и слушаюсь, иша, – кивнул Данкуй.

– Далугаеш?

– Я слушаю, блистательный иша, – прогудел старшина ловчих.

– Разыщи десяток тех ловчих, что вылавливали из реки трупы, и расспроси каждого – по отдельности. В подробностях и обо всем! Где бы они ни были, пусть даже разбежались по выслуге лет по всему Текану!

– Не выйдет, блистательный иша, – дрогнувшим голосом отозвался Квен. – Никого из десятка нет в живых.

– Почему? – не понял иша.

– Погибли, – пожал плечами Квен. – Кто-то отравился, на кого-то напали в темном переулке, перерезали горло и ограбили, кто-то просто умер, кто-то утонул, погиб на пожаре. Никого не осталось. Десять лет – немалый срок.

– Вот как? – снова начал бледнеть иша. – А сколько еще ловчих расстались с жизнью за последние десять лет?

– После уничтожения Харкиса – никто больше не расстался с жизнью, кроме этих десяти, но это произошло не за один день, – процедил сквозь зубы Квен и опустил голову.

– И это не показалось тебе подозрительным? – с хрипом просвистел иша. – Так кого мне сечь сразу после Эппа? Или снимем лоскут кожи с руки воеводы? Далугаеш?

– Я слушаю, блистательный иша, – снова прогудел старшина ловчих.

– Разузнай все, что можешь, – срывающимся голосом приказал повелитель. – Опроси членов семей этих ловчих, их приятелей, трактирщиков в тех трактирах, где они пили. Всех, кого сможешь. Мне нужен результат. Я хочу знать все. И мне нужен этот ловкач. Понятно?

– Слушаю и слушаюсь, иша, – кивнул старшина ловчих.

– Если им окажется тот же человек, которого будет искать Данкуй, щедро награжу обоих, – медленно проговорил иша. – Я хочу видеть, как шутнику отрежут уши. Живому. Или пусть мне принесут его голову! Голову с ушами, и отрежут их при мне! Квен?

– Да, блистательный иша, – отозвался воевода.

– Те, кто уцелел после ратных подвигов в схватке с дочерью урая Сакува, живы?

– Да, – кивнул Квен. – В живых остался я, Далугаеш и еще двое ловчих.

– Нет, – подал голос старшина ловчих. – Одного из двоих уже нет. Остался только Ганк. Экв мертв.

– Когда? – резко повернул голову Квен.

– Сегодня, – растянул губы в холодной улыбке Далугаеш, – после полудня. Нас осталось трое, почтенный Квен. Ты, я и Ганк.

– Вот как, – откинулся в кресле иша. И вдруг и сам расплылся в сладкой, нехорошей улыбке, от которой у Ирхая похолодело в груди. – Ну что же? Выкладывайте. Все выкладывайте, все сделайте, чтобы я перестал удивляться до прихода зрителя. Если буду удивляться с ним вместе, то кто-то не отделается даже поркой. Пока я знаю только о щите и о том, что сегодня на ярмарке видели черного сиуна. Кстати, Эпп и видел! Не оттого ли он медлил и не снимал щит Сакува со столба?

– Нет, – мрачно проговорил Квен. – Не оттого. Черный нередко мелькает на улицах Хилана. Он диковинка, но не повод для сбора гвардии. К тому же черного сиуна видел не только Эпп. Черного видели и его стражники, и не менее двух сотен зевак, что толпились на балаганной площади. Черный принял участие в цирковом состязании, проиграл его и даже расплатился за проигрыш, после чего исчез. Но Эпп окаменел возле столба со щитами не поэтому. Ему явился Сиват.

– Сиват? – удивленно воскликнул Данкуй. – Праздный гуляка? Призрак Хилана? Давненько его не было. Веселенькие времена грядут. Сиват, значит...

– Или ночной бродяга, – кивнул Квен. – Никто, кроме Эппа, не видел его, но я верю своему старшине. Сиват редко являет себя смертным, только в трудные времена, но все описывают его одинаково: на нем ветхая, распадающаяся клоками одежда, у него босые ноги, длинные волосы, закрывающие почти все лицо, колпак с широкими полями, темные, словно влажные глаза. Он остановил Эппа у столба и сказал ему о щите следующее: «Пусть висит».

– Так, может, он сам его и повесил? – воскликнул Кастас.

– Свали эту шутку еще на сиуна Хилана, которого никто толком не видел в последние лет пятьдесят, – проворчал Мелит. – К тому же Сиват не сиун. У сиунов нет имен. Сиват призрак. Я листал старые свитки, упоминания о нем прослеживаются на несколько Пагуб назад. Он проходит сквозь стены, а значит, это призрак. Как он может быть связан со щитом? Сиват-наблюдатель. Кое-кто из прежних летописцев называл его «любопытным призраком».

– Положительно, ярмарка в этом году полна сюрпризов, – с застывшей на лице усмешкой протянул иша. – Сиуны участвуют в состязаниях, да еще умудряются проигрывать в них. Призраки являются старым ловчим среди белого дня. Значит, Сиват... А если все-таки счесть его сиуном? Я слышал, что они тоже появляются там, где хотят, и проходят сквозь стены? Или сиуны упираются в них лбом?

– И что? – почувствовав, что боль в груди становится нестерпимой, едва вымолвил Ирхай.

– Все помнят пророчество мудрецов Парнса? – глухо спросил повелитель. – Брат, что скажешь? Ведь ты любишь разворачивать старые свитки?

– Пророчествам несть числа, – пожал плечами Мелит. – Всегда найдется парочка верных, особенно если разгрести тысячи глупых.

– Я говорю о пророчествах, связанных с сиунами, – повысил голос иша. – Трижды явит себя сиун в течение суток – жди беды.

– Подождем второго и третьего явления, – заерзал Кастас. – Тем более что Сиват действительно не сиун. Сиват – вольный ветер, а сиуны привязаны к кланам или к городам. Все знают, что сиун Хилана – каменный столб. А черный сиун – это сиун Араи. Он уже сто десять лет бродит неприкаянный, со времен последней Пагубы, когда слуги Пустоты сровняли Араи с землей. Время от времени сиуны появляются. Словно смерчи или миражи над волнами Ватара. Но пророчества... Подождите поднимать панику, я удивляюсь, что никто не видел сиуна Харкиса. Кто там...

– Хватит! – рявкнул иша, ударив ладонями по подлокотникам кресла. Вот теперь он был взбешен. Лицо правителя стало белее стен Хилана, губы сомкнулись в неровную линию. Ирхай почувствовал, что его больное сердце проваливается в живот. Все участники Малой Тулии напряглись и замерли.

– Сегодня после полудня черный сиун был здесь, – наконец нарушил тишину иша. Его голос прерывался. – Он вошел в мои покои, поклонился мне и исчез. И я не думаю, что это было знаком почтения с его стороны. Вот уже два явления.

– А вчера или сегодня, с утра пораньше, сиун явил себя кузнецу Палтанасу, – вдруг подал голос Далугаеш. – Забрал у него выкованный для меня за пять серебряных монет меч, уж не знаю, заплатил или нет, я, каюсь, не сдержался и прикончил мерзавца. Не сиуна, конечно, а кузнеца. Но отметку, которую, как сказал кузнец, поставил ему сиун, я забрал.

На огромной ладони Далугаеша лежал вымазанный в крови белый лоскут. Ирхай с трудом подавил тошноту.

– Это клочок кожи с его груди. Да, пришлось поковырять мастера ножичком. Но ему уже не было больно. На его груди было выжжено тавро. Примерно такое, каким метят скот. Я оставил Эква в доме кузнеца, чтобы он отыскал его дочь и притащил ее ко мне, но тот не вернулся вовремя. И вот, когда Ганк отправился за приятелем, он обнаружил, что девчонки нет, а Экв мертв – зарублен, и зарублен, возможно, моим мечом. Мастерски. Одним ударом. Причем не со спины. Схватки не было, хотя Экв успел обнажить меч. Его прикончили, как неумеху. Рассекли сонную артерию. Так, кажется, убивают воины клана Смерти? Хотя они это все-таки делают со спины. Хотел бы я посмотреть на умельца, который одолел Эква. Даже мне это было бы сделать не так уж просто.

– Это все? – медленно произнес иша.

– Все, – кивнул старшина. – Да, кроме всего прочего, у моего ловчего еще были отрезаны уши и насажены на крюк для щипцов. Я так понимаю, что это уже приветствие мне, Ганку и Квену? Что ж, теперь о бедном парне будет заботиться Пустота. А я забочусь вот об этом. Все помнят, что это за тавро?

Далугаеш шагнул вперед и поднял лоскут кожи над головой. Ирхай затаил дыхание. Иша окаменел. Еще бы было не помнить. Крохотное солнце с лучами, вписанное в квадрат с закругленными углами. Точно такое же тавро нашли и на груди прошлого иши после его внезапной смерти. Тогда, правда, не стали много говорить об этом, да и не походил слабый ожог на причину гибели крепкого правителя, хотя порой сердце подводило и больших здоровяков. Но теперь...

– Все помнят, – раздался от дверей в покои иши тонкий голосок, и по залу пополз холод.

Ирхай раздраженно повернул голову. Так точно. До внезапно сложившейся Малой Тулии добрался и главный смотритель Текана – Тепу, маленький румяный толстяк. Вот ведь судьба: стоял когда-то толстячок у хлебной печи в северной слободке, лепил пирожки, забрасывал их в рот да в ус не дул, а когда прежний смотритель растворил собственный дух в Пустоте, явился храмовникам глас все той же Пустоты и объявил рыхлого булочника новым смотрителем всего Текана. Вот было веселья, когда добродушный булочник с неподдельной растерянностью принялся заправлять казнями отступников у хиланского Храма Пустоты. Ничего, постепенно пообвыкся, даже во вкус вошел. Правда, теперь он вновь казался испуганным и

жалким. Но ведь не из-за испуга зрителя озноб пробил едва ли не всех, кто собрался в зале собраний?

– Все помнят, – запинаясь, повторил Тепу, шагнул вперед, сбросил с плеча грязный мешок, вытер рукавом пот с лысины. – Как же не помнить? Низкий поклон блистательному ише, почтение прочим достойным мужам Текана. Ведь мы не забыли? Точно такая же печатка имелась и на груди безвременно почившего прошлого зрителя. Он же в один день с предпоследним ишей отправился в Пустоту. – Зритель еще раз поклонился ише, обвел взглядом присутствующих. – Я, кстати, думаю, что и воевода, которого ты, дорогой Квен, сменил на его посту, тоже не просто так подавился костью в трактире, возвращаясь после славных подвигов во имя Пустоты в некогда гордом Харкисе. Никто, наверное, не осматривал его грудь, а если и осматривал, не обратил внимания? Мало ли шрамов на знатной туше? Но я, собственно, не по этому вопросу. Я насчет ушек. Да. Вот решил проверить свои запасы.

Зритель распустил завязки мешка и начал вытаскивать оттуда, рассыпая соль, связки ушей.

– И вот, что-то нехорошие мысли у меня появились. Это, как вы понимаете, харкисские ушки, да. Все уши как уши, а одна пара порченных. Во-первых, с гнильцой, а во-вторых, с поджаркой. Подкопченные слегка ушки-то. Это почему же так-то? Коптили бы уж, так все, или доблестные ловчие голодали, решили поджарить человечинки, ушки потом отрезали, а остальное, прости меня Пустота, съели?

– Чья это пара? – медленно выговорил иша, обратив бледное лицо в маску.

– Вот, тут написано. – Тепу сдвинул кустистые бровки. – Какой-то Кир. Кир Харти? Ребенок, должно быть, судя по их размеру? Ну что, будем разбираться?

– Квен? – повернулся к замершему воеводе иша. – Род Харти – это род урая Сакува. Это уши его внука? Так он в речку упал или в костер? И разве твои ловчие не догадались засыпать их солью, пока гнали лошадей к Харкису, чтобы похвастаться хорошо сделанной работой?

Голос иши казался спокойным, но его пальцы вцепились в подлокотники кресла и вырвали бы их, если бы не отличная работа лучших столяров. Кровь готова была брызнуть из-под ногтей правителя, но в это мгновение снова заговорил Тепу. Но голос был не его, а чужой – холодный и безжалостный.

– Слушайте меня.

Тишина сожрала все звуки. Иша начал медленно вставать с кресла. Рядом с ним уже давно, с того мгновения, как Тепу вошел в зал, стоял Хартага. Начали подниматься Квен, Данкуй, Далугаеш, Мелит. Ирхай стал выпрямлять спину, с ужасом чувствуя, что встанет ровно, только если оборвет что-то в груди. Захрипел, закашлялся, не вставая, Кастас.

– Это не я, – испуганно пропищал, вытирая лысину, Тепу, и Ирхай вдруг забыл о боли в груди, потому что почувствовал, что толстый зритель, который уже много лет никого не боялся, до ужаса, до животной дрожи боится того, что должно произойти немедленно, в эту самую минуту. И этот ужас вместе с холодом вдруг накатил и на самого постельничего.

– Это Тамаш, – проблеял Тепу. – Он это... главный. Только не изнутри, а снаружи. Он... от Пустоты. Вот. – Рука толстяка, подрагивая, снова потянулась к лысине. – Надо, значит, разобраться со всем этим делом. А то ведь небо почернеет – и все. Всем конец.

Зритель вздрогнул и словно начал расти. Плечи его раздались, живот подобрался, черный потасканный балахон распахнулся лапами плаща, и перед ишей встал кто-то вроде Далугаеша, только в тысячу раз ужаснее и холоднее. Ирхай еще успел разглядеть мертвенно-белое лицо, которое обрамляла черная линия коротких волос и черты которого подчеркивали темные брови и щетина пробивающихся усов и бороды, как вдруг он услышал одно слово и замер, потому что слово пронзило сердце старика и заставило его остановиться.

– Пагуба.

И через долгую, томительную секунду:

– Или Кир Харт. До конца лета.

Глава 4

Свадьба и похороны

Человек с неразличимым лицом подходил все ближе и ближе, пока не ухватился за деревянные бортики кровати и не наклонился так близко, что Лук почти сумел разглядеть его глаза, хотя лицо по-прежнему оставалось неразличимым. И в тот самый момент, когда Лук, которого тогда еще звали Кир, почти разглядел глаза незнакомца, тот отпрянул, словно младенец не должен был разобрать даже глаз, открыл рот и закричал почему-то по-петушиному. От крика петуха Лук и проснулся. Минуту лежал с закрытыми глазами, пытаясь сообразить, откуда на балаганной площади петух, или одна из труп сподобилась прикупить пернатого горлопана в птичьих рядах, и вскоре поплывет над повозками и шатрами аромат куриного бульона, но затем происшедшее в последние два дня накатило, поволокло и снова опустило парня если не в сон, то в размышления и воспоминания.

Харас встретил Лука и Негу в полусотне шагов от городских ворот. Ни слова не говоря, едва приметно махнул рукой и пошел в сторону пристани, показав на правой руке два раздвинутых в стороны пальца. Лук, с трудом сдерживавший колотившую его дрожь, с досадой обернулся на заплаканную Лалу и кивнул Неге. Та скривила краешек губы и двинулась вслед за Харасом, покачивая на локте подобранный в доме кузнеца корзинку, словно юная служанка, которую отправили в рыбные ряды за свежим уловом к вечернему столу, а она не прочь и на рыбку полюбоваться, и на украшения, и на сладости, да и вообще провести выдавшиеся минутки с наибольшей пользой для беззаботного девичьего естества.

Часы на башне проездных ворот закрипели и тягучим звоном отметили два часа пополудни. Из-за дверей караулки, позевывая, выбрались стражники, которые запускали Лука и Негу в город. Их раздраженные сменщики, которых было вдвое больше против обычного, к счастью, не обратили никакого внимания на порознь выходивших из города двух девчонок с хозяйственными корзинами в простеньких льняных платках, одна из которых не так давно ревела, скорее всего, из-за устроенной хозяйкой взбучки, да молодого паренька с мешком, из которого торчали косовицы и серпы на продажу и какое-то тряпье на выброс. «Успели», – подумал Лук и взял за руку Лалу, судя по всему едва стоявшую на ногах.

– Реветь можешь сколько угодно, но от меня не отставай. Через час, если не раньше, тут сотня ловчих будет тебя искать. Потом, может быть, и до нас доберутся, но сначала до тебя. Если что, ты моя сестра. Поняла? Нет? Тогда лучше не говори ничего. Притворись немой. Сможешь?

Девчонка судорожно закивала, и слезы снова слепили ее рыжие ресницы.

– Вот ведь... – вздохнул Лук, зажмурился, снова задрожал, вспомнив то, что произошло во дворе кузнеца, и потянул Лалу вслед за успевшей отдалиться Негой.

До конца ярмарки оставалось два с половиной дня, но, словно предчувствуя ее окончание, и продавцы, и покупатели лишь усиливали торговый раж, выражавшийся во взаимной ругани, неумном бахвальстве, крике, ударах по рукам, звоне монет и во всем том, без чего ярмарка – не ярмарка. Солнце понемногу клонилось к западу, отчего блестящая и отливающая с утра зеленым Хапа теперь казалась тяжелой и бескрайней серой лентой. Хотя край у нее имелся, отмечая неровной линией противоположный берег реки. Но народ мало обращал внимания на окутанный дымкой Дикий лес, куда как интереснее было рассматривать корабли и кораблики, облепившие пристань и даже тыкающиеся носами в известковый берег, во временные, наскоро сколоченные мостки и друг в друга, выстраиваясь нос к корме едва ли не до поднимающейся из воды северной башни Хилана. В ноздри шибало запахом рыбы и тины,

под ногами хрустели раковины, тут же попыхивали жаром коптильни, на которых приобретали неповторимый вкус тушки свежевывловленного сома. И здесь же продолжалась торговля всем подряд: и одеждой, и кожей, и веревками, и сладостями, и горшками, и птицей, и еще чем-то. Что уж говорить о коробейниках со всякой мелочью, если тут же топтался сонм брадобреев, которые чуть ли не посредине толпы готовы были каждого избавить от бороды, и шевелюры, и бородавок, и вросших ногтей? А уж как шкварчали пирожки на жаровне у слободских пекарей! В другое время Лук бы захлебнулся слюной, теперь же он с трудом сдерживал тошноту. С раздражением парень оглянулся на Лалу, которая тащилась за ним с отрешенным видом приговоренной к казни, и снова едва не столкнулся с Харасом.

И пяти минут не прошло, как тот мелькнул у ворот Хилана в привычной рубаше и портах, и вот уже он оказался одет в какую-то потертую, с пятнами смолы куртку, на плече у него висела рыбацкая сеть, а в руке подсыхал черный от воды багор. Харас окинул взглядом заплаканную спутницу Лука, сдвинул на лоб широкополую обвислую шляпу, вздохнул, взял девчонку за руку и потянул за собой к желтым шатрам, которыми заканчивались тянущиеся от самой потешной площади ряды с тканями, одеждой, обувью и не слишком дорогими украшениями, на которые копят медяки целый год почти все хиланские девушки на выданье.

За потрепанным пологом обнаружилась хозяйка заведения – шумная морщинистая старуха в длинном платье-балахоне, волосы которой были собраны в смешную бобышку на самой макушке. За ней среди раскрытых сундуков и развязанных мешков стояли Самана с напряженным лицом и Нега – с испуганным. Едва Лук вслед за Харасом и Лалой вошел внутрь, как старуха прижала палец к губам, после чего, похохатывая щербатым ртом и отпуская едва ли пристойные шуточки на незнакомом Луку языке, принялась создавать стремительный круговорот, который проглотил и Лука, и Лалу, и Негу, и Саману, и Хараса. В душном воздухе тесного шатра начала взлетать одежда, волнительно замелькали обнаженные руки и плечи девушек, но Луку было не до волшебного действа. Уже через полминуты он сидел на короткой скамье, а Самана втирала ему в голову пахучий состав, посредством которого, а также с помощью сверкающего отличной сталью лезвия только что лишился рыжей бороды и усов Харас. Лук и не думал протестовать, но вжикнувшая по кожаному ремню брадобрейским ножом старуха снова приложила палец к губам, после чего обозначила пальцем то место на собственной шее, по которому она полоснет свою белоголовую жертву, если та возразит хоть словом. Лук обреченно закрыл глаза и, безропотно лишаясь белой шевелюры, которой немало гордился, стал смотреть через сомкнутые ресницы на Саману и Негу, которые продолжили наряжаться в какие-то странные, украшенные бисером яркие кофты и юбки, успевая при этом наряжать и Лалу, которая уже настолько смирилась с выпавшей ей судьбой, что вела себя как безвольная кукла, разве только что не падала, когда одна или другая пара рук на мгновение отрывалась от нее.

Прошла минута-другая. Быстрые пальцы старухи мазнули Лука каким-то жгучим составом по бровям, протерли ему голову. Затем на него напялили просмоленную рыбацкую куртку, на голову – широкополую обвислую шляпу, на плечо накинули рыбацкую сеть... И он тут же понял, что и багор, прислоненный к держащему шатер шесту, тоже предстоит нести ему. Харас, без бороды помолодевший лет на пять, тем временем натягивал длинный кафтан, и старуха, которая уже вовсе оставила Лука, водружала его старшему названому брату на голову то ли венок, то ли хитрый головной убор, сплетенный из разноцветных лоскутков и стеблей.

– Зачем это все? – наконец обрел дар речи Лук, морщась от запаха рыбы и подтягивая к себе мешок с серпами, косами и тем, что было заботливо укрыто под ними.

– Молчи, дорогой, – покачала головой старуха и, ударив себя в грудь коричневым кулачком, прошептала: – Я – Арнуми. Когда-то давно, когда твой отец еще немного видел, хотя что может увидеть мужчина, он знал меня такой красавицей, каких теперь уж и нет. Я потому и трогать ему лицо свое не даю, пусть думает, что я по-прежнему красавица. Хотя, – старуха

покосилась на Саману, – чутье ему не изменило. На ощупь искал, а не ошибся. Хорошую хозяйку взял, впрочем, что о том говорить, я ее тоже давно знаю.

– Слушай ее, – шепнула Самана, прошелестев мимо Лука, и взялась за одежду Хараса, подправляя и подшивая что-то прямо на нем.

– Слушай меня, – важно кивнула старуха. – Слушай, только вопросов не задавай. Потом все вопросы. Всему свое время. Сейчас слушай. И делай все. Сейчас я повешу тебе на грудь портовую бирку, и ты пойдешь к пристани. С биркой тебя не остановят, но медную монету все равно отдашь. Есть? Вот. Идешь вниз, забираешь правее. За пристанью свернешь на вторые мостки. По мосткам дойдешь до третьего корабля. Увидишь большой струг длиной в тридцать шагов, шириной в восемь, это он и есть. На носу вырублена конская голова. Это мой кораблик. У меня два таких, второй севернее пристани стоит, разгружают товар, всего неделя свободной торговли, едва успеваем. Значит, увидишь кораблик, поднимаешься на борт, бьешь по руке здорового мужика со шрамом через все лицо, как будто знаешь его все свои шестнадцать лет, и вместе с ним сбрасываешь мостки. Мужика Нигасом зовут, если что. Брат он мой, не думай ничего. А хочешь – думай, мне плюнуть и растереть, что ты думаешь. Главное, не забудь ничего. Иди не оглядываясь, а твои за тобой пойдут, в двадцати шагах. Тебя чего, тухлой рыбой накормили? Ты слышишь меня или нет? Понял, что я сказала?

– Мои – это кто? – обернулся, словно очнувшись, Лук.

За его спиной уже стояли Нега, Самана, Лала и Харас, наряженные так, словно собрались на деревенскую свадьбу. И если Нега и Самана просто не походили сами на себя, спрятав волосы под гиенскими платками, украсив платья кружевами и лентами, да еще и нарумянив щеки и вычернив брови, то Лала и Харас как раз именно невестой и женихом и казались. Тем более что заплаканное лицо девчонки не могла скрыть даже сплетенная из серебряных нитей сетка.

– Свадьба, – довольно кивнула старуха. – Настоящая гиенская свадьба, разве только на вольный лад. Я уж и музыкантов позвала, они пока в соседнем шатре серебро твоего отца пропивают. Тебя хотели женихом делать, да больно уж молод ты мне показался и мрачен, словно барашек перед жаровней, зато братец твой в самый раз. И по масти к невесте подходит. А что. – Старуха развернулась к Харасу и уперла в бока кулаки. – Слышь, парень? Может, и в самом деле тебя обженить? Я не только трактир держу и торгую, я еще и сваха, каких поискать!

– Да как-то не ко времени... – покраснел Харас и бросил быстрый взгляд на Лалу.

– Не гони лошадей, Арнуми, – вздохнула Самана. – Не видишь, девчонка не в себе. А то ведь грохнется в обморок, на себе придется тащить.

– Ну ладно, – кивнула старуха, состроила очередную гримасу и снова повернулась к Луку. – Ты рот-то закрой, дитяtko. Без свадьбы никак. По-другому на пристань вам не попасть. Портовая бирка у меня одна, а без нее стражники как клещи вопьются. Тем более кто-то наозоровал у главных рядов со щитами кланов, ловчие уж все торговые ряды запрудили, и стражников теперь во всяком дозоре четверо вместо двух, да еще и на мостках добавились. Я смотрю, у тебя не один медяк, так имей в виду: подставят шлем – не скупись. Так что свободный проход – только если свадьба или похороны. Но с похоронами частить не следует. Разве только зараза какая на хиланской ярмарке начнется? Хотя, – старуха вдруг помрачнела, – чую беду я, дитяtko. Ох чую. Но не теперь. Вскорости.

Музыканты и в самом деле коротали время в соседнем шатре. Едва Лук вышел в суету ярмарки, старуха высунула голову наружу, ловко свистнула через щербину в зубах. Тут же из-за полога вывалили сразу с полдюжины изрядно хмельных игрунов: один с узким и длинным хурнайским барабаном, один с бубном, трое с затейливыми гиенскими дудками, да еще один с хомутом на плечах, на котором висело с десятков колокольцев и просто каких-то звонких железок. Лук успел отойти ровно на двадцать шагов, как музыканты нестройно грянули какую-

то мелодию, причем страдалец в хомуте вплеl в нее пьяный голос, и свадебная процессия двинулась к пристани, до которой всего-то и надо было пройти сотню шагов меж торговых рядов, миновать будку стражи да спуститься с высокого берега по старательно подновленной деревянной лестнице.

У ее начала маялись четверо стражников, один из них позвякивал деревянным ларцом для сбора монет у поднимающихся с пристани и возвращающихся на нее, а второй вешал им на шею бирки вроде той, что болталась и на шее Лука. Еще двое зевали и переминались с ноги на ногу, полируя длинные рукояти секир. На Лука никто не обратил внимания: обслужили не глядя. Один стражник приподнял с его лысой головы обвислую шляпу, второй стянул бирку и передал ее первому, тот вернул шляпу на место, после чего второй подставил ларец под монету и расплылся в улыбке, смотря Луку за спину. Парень спустился на пару ступеней, оглянулся и сам не сдержал неловкой улыбки. Свадьба и в самом деле выглядела как настоящее празднество. Музыканты за сотню шагов успели сыгратьcя и слегка протрезветь, молодые, как и положено, выглядели испуганно и скованно, зато Самана и Нега если кого и напоминали, то щедрых подружек невесты. В руках у первой был объемистый мех с вином, а у другой ковш, в который она набирала хмельного напитка и одаривала всякого. Так что к лестнице процессия явно должна была увеличиться числом празднующих раз в пять.

Лук поправил мешок на плече, сеть, перехватил багор и зашагал вниз по лестнице, понимая только одно – жизнь его претерпевает крутой поворот. Оставалось только узнать, что затеял Курант, где он сам и из-за чего происходит то, что происходит? Неужели из-за его шалости возле столба со щитами? Так отчего было не собрать повозку да не отправиться обычным путем по городам и деревенькам Хилана? Никто ведь не видел, что глаз нарисовал именно Лук? Или все дело в явлении черного сиуна? Лук попытался вспомнить, как выглядел сиун, ведь мелькнуло перед ним что-то похожее на лицо, но некстати вспомнил произошедшее в доме кузнеца и едва не оступился. О чем он тогда думал, когда не только узнал убийц матери, но и минутами позже увидел, как один из них грабит дом кузнеца, уводит его дочь. Ни о чем. Он вышел из-под навеса, когда ловчий уже спустился с лестницы. Мгновение стоял, не зная, как окликнуть воина, который как раз перешагивал через труп, но окликать не пришлось. Лала, увидев мертвого отца, завизжала еще громче, захрипела, забилась в истерике, а ловчий сбросил с плеча мешок, замахнулся, чтобы отвесить ей затрещину, но заметил Лука и все понял. Или не все, потому что разглядел блеск отполированного клинка и расплылся в улыбке, верно рассчитывая вернуть заказчику дорогой меч. Отшвырнул в сторону девчонку, выдернул из ножен свой клинок, но ударить не успел. Метнувшийся к нему парень вдруг исчез из-под удара, возник справа, шею засадило, и двор кузнеца поплыл от ветерана-ловчего куда-то в сторону и вверх. Что же случилось потом? Почему все последующее Лук помнил так, словно смотрел чужими глазами на чужие руки? Чужие руки перехватили длинную, удивительно удобную рукоять меча, сделали два быстрых движения и лишили хрипящего воина ушей.

– Что ты делаешь? – испуганным голосом пролепетала за спиной Нега, но руки, уже не чужие, а собственные руки Лука подняли трофеи с окровавленных ступеней и насадили их на крюк, на который еще недавно лучший кузнец Хилана вешал железные щипцы. – Что ты делаешь? – повторила сквозь чуть слышный вой Лалы Нега.

– Я знаю, – сказал тогда Лук, прежде чем понять, что те чужие руки тоже принадлежали ему, и прежде чем изогнуться в приступе рвоты над деревянной кадушкой. – Я знаю, что все убитые в Харкисе были лишены ушей. И моя мать тоже. Так надо, Нега.

– А ну-ка, малец, посторонись! – услышал Лук знакомый голос, отшатнулся в сторону, но вроде бы остался неузнанным. Крепкий кессарец, который не так давно проиграл ему серебряный, скользнул взглядом по лицу парня, но взгляд его остался равнодушным. За кессарцем несколько слуг тащили какие-то мешки и закутанные в ткань ящики. Среди теснившихся у

пристани кораблей Лук разглядел крутобортое судно из Хурная, на мачте которого был укреплен темно-синий щит с изображением руки, но музыканты играли уже на ступенях, и он тоже поспешил свернуть на дорожку, ведущую с пристани. У вторых мостков, которые скрипели под ногами свежими досками, снова стоял стражник, но и он смотрел не на Лука, а на свадебную процессию, хотя шлем держал перед собой так, как следовало. Лук звякнул последним медяком и, постукивая о доски багром, подошел к низкому, но довольно большому кораблю, нос которого и в самом деле был выполнен в виде конской головы. Струг был заполнен мешками, ящиками и бочками, возле которых возились не менее десятка крепких вольных, но прямо у борта Лука ждал высокий и худой мужик с растрепанными седыми волосами и тонким шрамом, тянувшимся от середины лба до правого уголка рта. Не говоря ни слова, он бросил на мостки короткий трап, поймал Лука за руку, затащил его на судно и ощутимо приложил ладонью по затылку, пробурчав что-то вроде «умрешь, пока дождешься». Лук оглянулся, увидел, что Нега уже потчует вином последнего стражника, и скинул с плеча тяжелый мешок. Музыка смолкла, музыканты отправились вверх по лестнице, а четверка празднующих оказалась на борту.

– Уходим, Нигнас, – бросил Харас, не выпуская из ладони руки вовсе потерявшейся Лалы, и мужик тут же махнул рукой, крепкие ребятки подскочили к бортам, уперлись длинными веслами в дно реки, и тяжелый корабль начал медленно отходить от пристани.

– Подождите! – Лук растерянно посмотрел на Саману. – А где же Курант? И куда мы?

– Там, – махнула Самана в сторону натянутого у кормы тента. – С той стороны.

Она не успела договорить, а Лук уже пошел вдоль борта, обходя гребцов, которые начали прилаживать на место весла, не до конца уложенный груз, готовясь увидеть что-то страшное. Страхное он и увидел. Курант, издавая отчетливый трупный запах, лежал на носилках, закутанный в полосы какой-то серой ткани, и на глазах у него темнели большие хиланские медяки.

– Как же это... – осел на соседнюю скамью Лук.

– Не сказала, что ли? – шевельнулись губы «мертвеца», заставив Лука тут же захлебнуться то ли слезами, то ли истеричным смехом.

– Случая не было, – сказала Самана, присев рядом с Луком и обняв его за плечи. – Неге сказала, а ему нет.

– Где она? – едва открывая рот, спросил старик.

– Здесь, – бросила девчонка, садясь рядом с Луком с другой стороны. – А Харас на носу. Пришлось прихватить с собой еще кое-кого. Девчонку одну, мою ровесницу. Лала ее зовут.

– Еще одна дочка? – спросил Курант после паузы.

– Не знаю, – вздохнула Самана.

– Ты не удивляйся, Луккай, – шевельнул старик одними губами. – Я тут вроде как мертвый, но, пока струг от пристани и хиланских стен хотя бы на половину лиги не отойдет, надо полежать. Так надоела эта вонь, сбросить бы тряпки, но придется пока потерпеть. Мало ли, зоркий глаз на стенах найдется, да и вдруг разминуться придется с хиланским кораблем? Так что побуду пока покойником. Нет, нашел бы как на кораблик попасть, но слепцу остаться незаметным можно только в виде мертвеца. Положил монетки на глаза, и вот уже ты вроде как с глазами. Как будто с глазами.

– Что случилось? – наконец обрел способность говорить Лук. – Мы бежим? Из-за меня?

– Никто не слышит? – спросил старик, прислушиваясь к начинающему раздаваться размеренному скрипу весел и плеску воды.

– Все там, – ответила Самана. – Гребцы на веслах, разворачивают струг. Нигнас ставит мачту. Ждет попутного ветра к своему берегу. Харас с новенькой у носа пока.

– С новенькой... – с досадой дернул подбородком Курант. – Ладно. О новенькой после. Да, парень. Мы бежим. Но не из-за тебя. Из-за меня. Ведь это я взял тебя в повозку десять лет назад? Значит, из-за меня. Скажешь, из-за прошлого иши, который приказал уничтожить клан

Сакува? А разве он сам придумал такое? Разве может человек в здравом уме сам измыслить что-то похожее? Или не выходцы из клана Сакува были его лучшими воинами? Да и что там было народу в твоём клане? Под тысячу человек Сакува в городе, да пару тысяч приبلудных в ближайших поселках? А ведь их тоже истребили. До одного. Вот только уши деревенским не отрезали. Но жгли в одном костре. Весь лес извели вокруг Харкиса. Черный дым несколько дней стоял столбом. Так из-за кого это все?

– Так сложилось, получается? – прошептал Лук.

– Пока еще не сложилось, – закашлялся Курант. – Но сложится что-нибудь. Всегда верь собственному чутью. Или моему чутью, пока ты со мной. Ты думаешь, я за пару часов все это устроил? Нет, парень, я готовился к этому долгие годы. В каждом городе, в котором нам приходилось ставить шатер, я знал, куда буду бежать или как буду сражаться. И ты должен в каждую секунду жизни знать, куда бежать или как сражаться.

– Отсюда разве убежишь? – посмотрел Лук на тяжелую гладь реки.

– Да, – чуть заметно кивнул Курант, тяжело вздохнул. – Бывает и так. Но так и бежать не всегда нужно. А сегодня нужно было. Но заметь, не потому, что трупка старика Куранта не всегда следовала законам иши. Совесть моя чиста, потому как, если вокруг царит бесстыдство, только поперек него и можно совесть сберечь. И твоя совесть чиста должна быть, нечего тебе стыдиться, парень. Ни одного слабого ты не обидел, ни одного бедного не обокрал. Да и ни один теканец, если не совершил какой мерзости, не пострадал от нас. Да и от тех мало что удалось отщипнуть. Нет, дело в другом. Всегда жарко было, а тут вдруг припекло так, что стало невмочь. Хотя тот глаз, что ты намалевал на белом хиланском щите, конечно, не ко времени появился. Выпороть бы тебя за это, но не в щите дело. Или не только в нем.

– А в чем? – спросил Лук. – В сиуне?

– Что ты знаешь о Салпе? – спросил Курант вместо ответа после недолгой паузы, во время которой Лук успел поднять голову к красному небу и разглядеть чаек, носящихся над мачтой.

– О Салпе? – удивился Лук. – Ну... то, что ты рассказывал. То, что все знают. Салпа – это весь мир. Салпа – это все сущее. Вокруг Салпы Пустота. Священная Пустота. Она таится за багровыми стенами, которые смыкаются у нас над головой, поэтому и небо над нами... красноватое. Пустота следит за людьми Салпы. Если они нарушают ее законы, тогда начинается Пагуба. Страшная, но очистительная. Из-за багровых стен выходят слуги Пустоты и убивают всех, кто не спрятался в крепостях или не закрылся в оплотах. Но того, кто нарушил ее законы, они убивают в любом случае, куда бы тот ни прятался. Говорят, что так надо, потому что и селянин раз в год перепаживает поле, чтобы оно давало урожай. Чтобы земля дышала. Так?

– Все так, – пробормотал Курант. – Или кажется таким. Хотя я бы кое-что уточнил. Да, я в молодости не шелестел свитками, а теперь что толку шелестеть, если глаз нет. Это ты, парень, под глаз всякую бумажку тащишь, пусть даже на ней какая похабщина начерчена. Но кое-что мне рассказывали. И мудрецы Парнса в том числе. И теперь пришла пора рассказать кое-что и тебе, и Неге заодно, слышу, как она в твое плечо сопит, слышу, а то ведь не успею. Не дергайся, Самана, жив я пока. Я насчет очистительной Пагубы. Чушь это. Никакая она не очистительная. Пагуба, она и есть Пагуба. Смерть и горе для всех. При чем тут законы, если то ее не бывало по двести – триста лет, а то приходила чуть ли не через полвека? Мудрецы говорили, что, если Текан в крови и смуте, если мор идет по селам, а резня по городам, никакая Пагуба не придет. Но если все хорошо, если много детей в семьях, если благоденствие поит землю, готовься. Она тут как тут.

– Что это значит? – не понял Лук.

– Для кого-то ничего, – шевельнул бровями Курант. – А для кого-то – многое. Я из дальних краев, мой дорогой Луккай. Кое-что, чем мне приходилось заниматься в годы моей молодости, я предпочел бы забыть. Вас от подобного мне удалось уберечь. Но что было, то было. Мой город, который лежит далеко на западе, почти в двух тысячах лиг от Хилана, единствен-

ный город Текана, из которого виден предел Салпы. Да-да, та самая багровая стена, о которой ты говорил. Она близка. Перегораживает горную долину, из которой вытекает вполне себе обыкновенная речка с вкусной водой, стоит над горами. Я из Сакхара. Это город и земли клана Хара. Сакхар – маленький город. Меньше твоего Харкиса. Считай, что это замок с шестью башнями. Все население – воины клана, их жены и дети. Человек двести. Иногда меньше. Слишком близка багровая стена. Когда наступает Пагуба, мало кто успевает спрятаться. Укрыться. Да и те, кто укрылся, не могут быть уверены в собственной безопасности. Всякая Пагуба длится когда месяц, когда полгода, но слуги Пустоты, только вступая в пределы Салпы, слишком голодны. Поэтому клан Хара – маленький.

– Клан Хара – это же клан Смерти? – вымолвил Лук.

– Он самый, – вздохнул Курант. – Тот, который под багровым щитом. Так вот, Луккай. К чему я все это говорю. В окрестностях Сакхара есть один дозор. На дороге. Обычный дозор – будка, оплот с дверцей, пара скамей, стол, отхожее место. Вокруг предгорья, камни, кусты, узкая речушка. Народу почти нет. Но есть одна тонкость. Дорога, на которой стоит дозор, ведет к багровой стене. Идет вдоль речки и скрывается за ней. Старая дорога. Камень на ней почти весь раскрошился, но дорога остается дорогой. Поверь мне.

– То есть, – поднял брови Лук, – выходит, что это дорога из Пустоты? Или в Пустоту?

– В священную Пустоту! – закашлялся тихим смехом Курант. – А ты думал, что Салпа обрывается за своими пределами в пропасть, в которой кишат слуги Пустоты? А не задумывался, какая же это Пустота, если в ней что-то имеется? Отчего же тогда ветер иногда дует с ее стороны? И откуда берутся тучи, которые приползают с запада? Да я больше чем уверен, что на всяком краю Салпы имеется точно такая же стена, и нигде она не служит пределом сущего! Пределом Салпы – может быть, но не пределом сущего!

Курант замолчал. Лук покосился на Саману, на Негу. Самана сидела, опустив голову, слабый речной ветер шевелил ее кудри. Нега уткнулась носом ему в плечо, замерла, почти не дышала. Струг уже развернулся и под мерный плеск весел удалялся прочь от теканского берега. Башни Хилана еще, казалось, упирались в небо, но и корабли у пристани, и шатры на кромке берега, и полоса лестницы уменьшались с каждым гребком. Лук посмотрел вверх. Небо было безоблачным и накрывало Салпу красноватым ясным куполом. Солнце, которое нависло над водяной ярмаркой, сияло бордовым размытым пятном. Лук прижал руку к груди, нащупал глинку.

– Вместе со мной на том посту стоял один старик, – продолжил Курант. – Он не казался слишком уж старым. Невысокий, плотный, но не толстый, с черными глазами, в которых не было ни капли старости. Лысый, со шрамом на голове в виде креста. Теперь-то его уж, наверное, нет в живых. Но тогда старик был бодр, ничем не слабее меня. По слухам, он пережил последнюю Пагубу. И даже пережил ее как раз на этом посту. Укрылся в оплоте. Его звали Хара.

– Так же, как и клан? – удивился Лук.

– Да, – пустил смешок Курант. – Так совпало. А может, он сам выбрал себе такое имя. Говорили, что после последней Пагубы в Сакхаре уцелело полсотни человек, а когда я родился, из них уже оставался один Хара. Что бы я ни говорил, он встречал с усмешкой. Иногда мне казалось, что он знает что-то такое, чего мне не узнать никогда. Иногда мне казалось, что он знает все. А иногда я смотрел в его черные глаза и думал, что падаю в пропасть. Однажды я спросил его о Пустоте. Я спросил его о дороге, о реке, о багровой стене. Я часто спрашивал его об этом, но ответил он мне только однажды. Он снял с костра котелок, выплеснул из него кипяток, перевернул и накрыл им ползущего по дороге муравья. Вот, сказал Хара, под этим горшком маленькая Салпа. Для муравья. И мы такие же муравьи. Он сказал, что настоящая Салпа не имеет ни стен, ни пределов. И еще он сказал, что Пустота – это тот, кто накрыл нас котелком.

Лук снова посмотрел на небо, на берег. Солнце уже коснулось мутным краем горизонта.

– Зачем? – спросил он Куранта.

– Хара мне не ответил, – проговорил старик. – Но он знал ответ. Я уверен. Но зато он сказал, что ничего не происходит просто так. И если я увижу что-то, что покажется мне необъяснимым или таинственным, я должен срочно менять свою жизнь.

– Почему? – нахмурился Лук.

– Потому что овца видит пастуха круглый год с посохом, – объяснил старик. – Но если она увидит, что у него в руке что-то блестит, что-то длинное и острое, она не должна удивляться, а должна бежать.

– Ну, – пожал плечами Лук, – возможно, длинное и острое предназначается другой овце?

– Каждая из них надеется на это, – рассмеялся Курант. – Но лучше не рисковать. Хотя все овцы кончают одинаково. Правда, возможно, что длинное и блестящее – ножницы, а не нож. Самана, как там вокруг?

– Вставай, – отозвалась женщина.

Старик поднял здоровую руку, снял с глаз медяки, медленно сел, начал срывать с тела вонючие тряпки. Под его телом оказался старый меч, который старик не обнажал при названом сыне ни разу. Но Лук не смотрел на меч. Он почувствовал холод, который пополз по его спине. Только что, пока Курант лежал перед ним с монетами в глазницах, отец казался ему зрячим. И вот он снова оказался слепцом.

– Однажды мне явился сиун, – продолжил старик рассказ. – По сравнению с тем сиуном этот черный сиун просто симпатяга, с которым можно хлебнуть вина. Я был уже умелым воином, если не лучшим в клане, кое-что повидал, вышел в дозор и сидел у костра. Хара спал, где-то вдалеке лаяли лисы, шумела на камнях речка. И вдруг костер погас. Не погас, словно задутый ветром или залитый дождем, а так, как гаснет масляная лампа, когда хозяйка прикрывает фитиль. Но темнее не стало. Наоборот, все вокруг словно озарилось бледным светом. Я пригляделся и заметил, что напротив меня сидит вроде бы человек, а вроде бы и нет. Он словно был вылеплен из студня. Я сразу понял, что это сиун Сакхара. Сиун клана Смерти мог быть только таким. Я мог различить каждую кость в его теле, кроме тех, что были прикрыты лохмотьями, как мне показалось, савана. В нос ударил запах тлена. Точно такой, как от этих тряпок. Я тогда очень перепугался, хотя вроде бы считал себя смельчаком. И вот, чтобы побороть страх, я спросил... это существо – что там? Ткнул пальцем в сторону багровой стены и спросил – что там? И оно ответило мне. Ответило, не издав ни звука, но я услышал его ответ. Оно сказала: сходи и посмотри. Я прикрою тебя.

– Неужели никто не делал этого до тебя? – воскликнул Лук. – Я бы уж, наверное, еще мальчишкой отправился к краю Салпы.

– Делали, – кивнул Курант. – Но мало кто подбирался к пределу Салпы ближе чем на четверть лиги. По ощущениям это примерно похоже на то, что тебя ведут на казнь. Ведут со связанными руками, и ты знаешь, что вырваться не удастся. Это ужас, который бьет в колени и сердце. Если ты думаешь, что те, кто не добирался до стены, возвращались, ты ошибаешься. Они падали замертво. Обычно это были мальчишки, которым всегда кажется, что им все по плечу. Они падали и истлевали на виду у их родителей, которые не могли даже добраться до их тел. Но я не был мальчишкой, к тому же не знал еще, что сиуну верить нельзя. Никому верить нельзя, но сиуну нельзя верить ни в чем. Впрочем, иногда нельзя верить даже самому себе.

– И мне тоже? – вдруг подала голос Самана.

– Ты часть меня, – вздохнул Курант. – И Харас часть меня, и Нега, и Луккай. Потому Луккай и устроил это озорство, что и я на его месте и в его возрасте устроил бы. Ну да ладно. Вернемся к тому страшному дню. Тогда еще я верил во всякие чудеса. Тем более что старики в городе говорили, что наш дозор не просто так стоит на пустой дороге, которая никуда не ведет. Говорили, что иногда, раз в сто лет или реже, из стены выходят не только те слуги Пустоты,

которые умывают весь Текан кровью, но и ее ловчие, что идут в Салпу, чтобы выполнить какие-то важные повеления Пустоты. Останавливаются у дозора, называют свои имена, пьют воду из кувшина, который стоит там всегда, и торопят коней мимо башен Сакхара на восток. Я подумал, что, возможно, Пустоте нужны воины? Ну раз они у нее есть, откуда-то ведь они берутся? Подумал, что и сиун, который появился у моего костра, ее посланник. Я встал и пошел к стене.

– И что же дальше? – стиснула тонкими пальцами плечо Лука Нега, потому что старик вдруг замолчал и поднял ладони, ощупывая глазницы.

– Я дошел, – пробормотал он после долгой паузы. – Ночь по-прежнему казалась мне светлой. И никакого ужаса я не чувствовал, хотя кости несчастных смельчаков хрустели у меня под ногами. Я подошел почти вплотную. Эта багровая стена вблизи напоминала взметнувшийся до неба пласт кровавого тумана. Я протянул руку, коснулся его, и на коже остались красные капли. «Ну же, – раздался в ушах у меня голос. – Еще один шаг! Постарайся! Я обещаю, что твои глаза увидят нечто незабываемое!»

– Ну! – прервал следующую паузу Лук.

– Я не смог, – вздохнул старик. – Я мог протягивать руки, я мог дышать, смотреть, но я не мог сделать этот последний шаг. Что-то удерживало меня. Что-то такое, что было сильнее и моей храбрости, и моей выносливости, и силы. И еще я почувствовал, что еще немного, и ужас вернется, и я не смогу вернуться к костру. И я развернулся. Но сиун...

Старик закрыл глазницы ладонями, тяжело вздохнул.

– Сиун завыл, как зимний ветер в трубе. Он взревел, что его обещание – это не просто слова и что мои глаза все равно увидят то, что таится за стеной. И он вырвал их у меня.

– Как же... – прижала к губам ладонь Самана, и Лук понял, что и ей старик рассказывает эту историю впервые.

– Не знаю, – пробормотал Курант. – Я вдруг понял, что смотрю сам на себя, но у меня, у того, на которого я смотрю, нет глаз. Вместо них кровавые ямы. Затем я, второй я, который мог видеть, повернулся к стене и сделал тот самый последний шаг. А потом все погрузилось во тьму. Я пришел в себя через несколько дней. Хара сказал, что проснулся от того, что я, весь в крови, хрипел и ползал вокруг костра. Он не поверил мне. Или сделал вид, что не поверил. Тогда я еще не мог различать по голосу: лжет человек или говорит правду.

Самана заплакала. Нега вовсе зарылась лицом в рукав грязной рыбацкой куртки Лука. А Курант вдруг рассмеялся:

– Знаете, что оказалось самым трудным слепому молодому воину, одному из лучших воинов клана Смерти? Лишившись глаз, он лишился возможности плакать. А этого на первых порах ему очень хотелось...

Тот день так и закончился. Темнота упала на воды Хапы, и вся Салпа погрузилась в тишину. Продолжали шуметь весла, но Нигнас так и не поставил парус, потому что ветер снес бы струг в сторону. Хилан превратился в рассыпанную у горизонта пригоршню огней, а на том берегу, к которому правили гребцы, огонь был всего один. Он колыхался неровным язычком, словно предупреждал, что впереди опасный берег Дикого леса, и вольные выгребали против течения, чтобы избежать нежелательной участи его гостей. Но струг оставил огонь слева от себя, справа стали раздаваться крики ночных птиц, запахло чащей, и Лук понял, что корабль вошел в русло Блестянки. Потом Лук уснул.

С утра день пошел как обычно, разве только вместо утренней разминки Курант посоветовал Харасу и Луку сесть на весла и хорошенько размять спины и руки. Гребцы встретили предложение о помощи смехом, но, когда двое, как выразился Нигнас, мальцов показали, на что способны привычные к нагрузкам молодые тела, шутки умолкли. Самана, Нега и начинающая приходить в себя Лала занимались весь день стряпней, освободив от этой обязанности

Нигнаса, но, когда вдоль русла Блестянки подул ветер, тот поставил квадратный парус и дал отдых и гребцам, и Харасу, и Луку. Курант позвал сыновей на корму, где перед ним лежали четыре меча. Один, тот, по которому провел когтем сиун, на глазах обращался в прах. Ржавчина съела его за день так, словно он был оставлен на неделю в кислоте. Второй, который Лук получил взамен сломанного, был слегка побитым, но все еще оставался отличным хиланским средним мечом. Он явно не требовал чрезмерных усилий для того, чтобы привести его в порядок. Третий, старый меч Куранта, по-прежнему прятался в украшенных резьбой и стальными кольцами старых деревянных ножнах. Четвертый, которому Палтанас уделил целый год, лежал в стороне. Вряд ли Лук обратил бы на него особое внимание, если бы увидел такое оружие на поясе у какого-нибудь воина. Разве только подивился необычности намерения и скромности гарды.

Курант повернул к Луку незрячее лицо, и тот понял, что старик уже испытал у Неги обстоятельства посещения дома кузнеца.

– Но ведь ты тоже не просто так направлял повозку по городам Текана, – пробурчал Лук. – Думаешь, я не догадывался, куда ты иногда уходил с Харасом? А твоя левая рука? Наверное, один из воинов оказался не так уж и слаб?

– Не позволяй жажде ослепить тебя, – заметил старик. – Любой жажде. И жажде мести в том числе. Я сейчас не об этом убийстве говорю, хотя мой совет годен на каждый день. Помни, никто не удерживает тебя от битвы с врагом, но все, что ты делаешь после его смерти, должно быть обращено либо на твою безопасность, либо на то, чтобы вырастить ужас в тех твоих врагах, кто еще жив. Главное, чтобы оно не было использовано для утоления мерзости внутри тебя.

– Разве внутри меня есть мерзость? – спросил Лук.

– Мерзость есть в каждом, – вздохнул Курант.

– Я сделал это с тем ловчим, чтобы вырастить ужас в своих врагах, – твердо сказал Лук. – Хотя и не осознавал этого тогда. К счастью, мне удалось легко с ним справиться.

– Все должно быть продумано и подготовлено, – прокрипел старик. – И даже когда твой противник слаб, никогда не рассчитывай на его слабость.

– Слабых противников не бывает, – заметил Харас, который без привычной бороды и в самом деле казался едва расправившим плечи юнцом. – И те ловчие, с которыми нам пришлось разобраться, тоже были не из слабаков. Все десять. Все те, кто оскорбил нас, те, кто убил твоих защитников, Лук. Но последний из них уже что-то почувствовал. Поставил самострел у себя во дворе. Мы сделали свое дело и уже уходили, не потревожив ловушку, но, как выяснилось, воин поленился снять самострел во время дождя. Замок отсырел, и она сработала. Стрела перебила отцу руку в локте. От случайности не уберешься.

– Помнится, ты, – Лук посмотрел на Куранта, – учил нас другому? Случайностей быть не должно?

– Стань скалой, и волны будут разбиваться о твое подножие, – усмехнулся Курант, нащупал ржавый меч и выбросил его за борт. – А ведь этот черный сиун не чужд колдовства и, уж во всяком случае, слывет придурком по собственной воле. Он не ломал твой меч, парень. Он сократил жизнь вот этого меча. Сделал так, что его многолетний запас прочности истратился в мгновение. И меч умер,ломав меч противника. Что ж, забудем о нем, тем более что у нас тут есть кое-что. Как тебе, Харас?

– Пойдет. – Старший брат подхватил клинок. – Приведу в порядок. Займусь уже теперь. Сколько нам еще плыть?

– Часов пять, – провел ладонью по своему мечу Курант.

– Хоть начну, – кивнул Харас. – Эта девчонка нагрозила в мешок к Луку к косам и серпам, считай, что маленькую кузню. А я-то удивлялся, что наш маленький силач пыхтит от натуги. Зато есть что приложить к лезвиям.

– Вот и приложи, – пробормотал Курант, повесил на пояс свой меч, взял в руки творение хиланского кузнеца. – Наслышан я о Палтанасе. Хороший был мастер. Может быть, и лучший в Текане. Те, кто его убил, заслуживают смерти в любом случае, даже если бы они не убивали твою мать, Луккай. Признаюсь, когда я узнал, о ком идет речь, даже и раздумывать не стал, брать или не брать в семью Лалу. Она, правда, должна что-то сказать сама, ведь не несмышлениш какой? Но сейчас речь не о ней.

– О мече что скажешь? – сдвинул брови Лук.

– О мече будет говорить он сам, – заметил Курант. – А о работе мастера кое-что скажу. Ножны выполнены из акации, обтянуты кожей буйвола. Дешевый материал, но не по качеству. Качество как раз выше всех похвал. И обработка хорошая – в воду бросать не стоит, но воды не испугается. Устье ножен оковано сплавом серебра.

Старик поднес ножны к носу, принялся, даже лизнул их.

– Зачернено, чтобы не пускало блики. Сам меч легкий, чуть легче среднего.

Курант ощупал рукоять, поднял брови.

– Интересная работа, очень интересная. Таких мечей в Текане нет. Что-то мне кажется, что заказчица этого меча из очень дальних краев.

– Откуда? – даже привстал Лук. – Может быть, из-за моря? Хотя нет. Там же тоже стена, я слышал. Может быть, из Холодных песков? Или с Гиблых земель?

– Да, – покачал головой старик. – Небогатый выбор у теканских чужеземцев, чтобы придумать собственную историю. Не знаю откуда. Но повторюсь, таких мечей в Текане нет. Смотри. Привычного навершия у меча не имеется. Зато рукоять длиннее обычной в два раза. Длинные рукояти у мечей клана Тьмы – клана Неку из Ака, и там они тоже чуть изогнуты, но эта еще и расширяется. Немного, но ощутимо. К тому же мечи у Неку имеют кривизну и заточку только с одной стороны, а этот, судя по ножнам, прямой. Рукоять из металла, обтянута кожей сома, сверху заплетена лучшей тесьмой. Хорошо и не ярко. Гарда маленькая, овальная. – Старик продолжал ощупывать меч. – Стальная, но тоже черненная. Да, будущая хозяйка этого меча точно не собиралась красоваться с ним перед строем гвардейцев, конечно, если заказывала меч для себя. Кстати, выше и ниже гарды на рукояти и на клинке кольца из бронзы. Возможно, с добавлением серебра. Так никто в Текане не делает. Но ярлык к мечу теканский.

Старик поймал коричневыми пальцами шнур, на котором висел деревянный, покрытый лаком кругляшок. Ощупал его, повернулся к Харасу:

– Что здесь?

Старший сын наклонился над ярлыком:

– Печать иши. Не урая Хилана, а самого иши, и, судя по всему, настоящая. Здесь написано, что податель сего – свободный всадник Текана.

– Значит, не для себя заказывала, – задумался Курант. – Есть над чем поломать голову. Ты, Луккай, теперь, выходит, вроде настоящего арува? Почти вельможа. Я слышал, что некоторым нищим такой вот ярлык помог превратиться в богатеев.

– Если кто-то из ловчих узнает, что я убил одного из них, этот ярлык позволит мне спокойно жить в Текане? – спросил Лук.

– В Текане спокойно не может жить даже иша, – рассмеялся Курант и положил меч на колени. – И клинок.

Старик медленно вытянул меч из ножен. Харас удивленно присвистнул. Лук задержал дыхание. Клинок был черным. Нет, он был гладким и блестел, отражал поднесенные к его плоскости пальцы старика, но вместе с тем оставался черным.

– Ничего не скажу, – озадаченно пробормотал Курант, отмерил четыре пальца от гарды, положил клинок на ребро ладони, удовлетворенно кивнул, затем взял клинок за острие, попытался его согнуть, отпустил, прислушался, покачал головой. – Ничего не скажу, – повторил с

недоумением. – Всегда был уверен, что смогу по звуку определить, что за меч, сколько слоев, какой металл, но тут не скажу ничего.

– Одиннадцать полос, – заговорила Лала, которая встала за спиной Лука. – Середина очень мягкая. Лезвия твердые. Ни один кузнец не выковывал таких лезвий. И еще по четыре слоя с каждой стороны. Твердый – мягкий, твердый – мягкий. Но секрета состава не знаю. Отец, – она проглотила слезы, – сам ковал и учился, ковал и учился. И состав, и порядок, и форма – во всем заказчица его наставляла. Ни за что бы он не согласился следовать указаниям пусть и знатной, но женщины, но она хорошо заплатила. И... она была очень страшной. Когда она приходила, я теряла сознание от страха. Только зря все это...

– Ничего не бывает зря, – не согласился Курант, вдвинул меч в ножны и протянул его Луку. – Держи, но помни: ты за него не платил, значит, есть кто-то, кому ты должен.

– Какой-то женщине, – кивнул Лук. – Да, кажется, какой-то страшной женщине. Но не сиуну же? Что мы будем делать дальше?

Старик поднял незрячее лицо. Лала вздохнула и зашлепала пятками по палубе прочь. Харас поспешил за ней.

– Толк будет из девчонки, – заметил старик. И добавил: – А вот что будет дальше, я пока и сам не знаю. Приглядимся, прислушаемся, примнохоемся. Лошадок и повозку я продал за полцены, реквизит за небольшую плату тот кессарец, что с тобой бился, согласился забрать в Хурнай. На тот случай, если мы выпутаемся из этой беды и снова начнем выступать.

– А разве может быть по-другому? – удивился Лук.

– Может, – кивнул старик. – У нас достаточно денег, чтобы остепениться. На домик где-нибудь на берегу моря хватит. Да и имеются уже у нас домики. Но будет ли нам там спокойно? Ладно, обдумаем еще все. Сегодня к вечеру будем в поселке. Остановимся в трактире у Арнуми. Она сама прибудет после закрытия ярмарки. Постарается что-нибудь разнюхать. Подождем. Если за нас не возьмутся всерьез.

– Из-за щита? – спросил Лук. – Или из-за ловчего, которого я убил? Или из-за меня?

– Из-за всего, – пробормотал Курант и медленно повел вокруг глазами, словно мог разглядеть низкий берег Блестянки, где кудрявились свежей зеленью поля, паслись коровы, овцы, торчали вышки, на каждой из которых маялся едва различимый дозорный, а на другой стороне – полосу леса, который теперь был совсем рядом и подавлял повисшей в кронах непроглядной темнотой. – Из-за всего, – повторил Курант. И добавил: – Но если ты перешел дорогу Далугаешу, то, судя по тому, что я о нем знаю, кому-то из вас смерть, потому как этот ловчий не из тех, с кем можно договориться.

– Я умирать не хочу, – буркнул Лук, оглянулся и поймал взгляд Неги, которая стояла чуть в стороне, у мачты, на которой пыжился квадратный парус. – Так что выбор у Далугаеша незавидный.

– Никто не хочет, – согласился Курант. – Но дело не только в Далугаеше. И он не один у иши ловчий. И не все решается меч в меч. Есть еще и хитрец Данкуй, и упорный, словно гиенская собака, Квен. Но и это не все. Если за тебя возьмутся всерьез, тогда на след встанут воины из клана Смерти. Видишь вышки на берегу вольных?

– Да, – кивнул Лук. – На них дозорные?

– Не только, – вздохнул старик. – На каждой из них стоит котел со смолой. И огонь имеется. Если на земли вольных ступают ловчие, или какая пакость скатывается с далеких гор, или выползает какая-нибудь мерзость из Дикого леса, дозорный разжигает смолу. Ночью открытый огонь виден далеко. Днем – столб дыма. Жизнь в Вольных землях труднее и опаснее, чем жизнь в Текане. За свободу приходится платить.

– Ты хочешь рассказать мне о сторожевых вышках иши? – спросил Лук.

– Да, – кивнул старик. – Они, как и оплоты, разбросаны тут и там. Чаще всего строятся друг над другом. Ты знаешь, что в половину дня, передавая с вышки на вышку зеркалами сигналы, дозорные могут донести вести и повеления иши к самым пределам Текана?

– Я даже когда-то мечтал служить на такой вышке, – усмехнулся Лук.

– Такая же вышка стоит и в Сакхаре, – продолжил Курант. – И если дозорный клана Смерти получает особое повеление иши, глава клана отправляет к правителю своих лучших воинов. Трех лучших воинов. Таких, которые готовы умереть, но выполнить любое задание. И это единственная подать, которую платит ише клан Смерти. Но платит он ее исправно и лучшей монетой.

– Зачем ты мне говоришь об этом? – не понял Лук.

– Чтобы ты знал, – сухо бросил старик и положил меч.

– Ты тоже вставал на след? – спросил Лук Куранта.

– Случалось, – кивнул старик. – Может быть, поэтому жизнь меня и наказала. Но и это не самое страшное. Самое страшное, если Пустота пошлет за тобой своих воинов. Я уже рассказывал об этом. Мои земляки говорили, что такое случается не так уж редко. Трое темных слуг не в обычном, а в человеческом обличье входят в границы Текана и вершат волю Пустоты. Производят маленькую, но ужасную Пагубу. Вроде бы порой она заменяет большую. Может быть, часто.

– Это как же нужно разозлить Пустоту, чтобы она отправила за мною своих слуг? – недоверчиво усмехнулся Лук.

– Десять лет назад ее волей был уничтожен твой клан, – пробормотал Курант. – Или ты думаешь, что это все измыслил предпоследний иша?

– Не знаю, – растерянно пожал плечами Лук.

– Так подумай об этом, – посоветовал Курант.

И последний из клана Сакува думал об этом до позднего вечера. Думал, когда сменил одного из гребцов и управлялся с веслом. Думал, когда струг пристал к деревянной пристани возле большого поселка. Думал, помогая разгружать корабль и отправляясь вместе со спутниками в трактир, где после позднего ужина получил место для сна. Наверное, думал об этом даже во сне. Думал бы и при пробуждении, если бы не приснился ему этот странный человек со смазанным лицом. Но когда сон прошел, когда он открыл глаза и увидел над головой темные балки потолка, втянул ноздрями запах близкого Дикого леса, его мысли наконец стали ясными и определенными.

– Мне нужно уходить, – пробормотал он чуть слышно. – Чтобы увести опасность от близких.

Глава 5

Эпп

Рука почти не болела. Наоборот, именно после того, как палач гвардии надрезал тонким ножом кожу на правой руке Эппа и одним движением сорвал с предплечья ветерана лоскут шириной в половину пальца и длиной в палец, старшина северной башни почувствовал облегчение. Все-таки он был наказан как воин, а не как какой-нибудь луззи. К тому же рубец от раны должен был стать для него вторым. Двадцать лет назад ловчий Эпп уже был наказан подобным образом, правда, тогда он провинился не на службе, а услышал в трактире что-то неподобающее о ловчих и с разворота, не примериваясь, отправил острослова на заплеванный пол. К сожалению, тот оказался родственником важного вельможи, и за сломанную челюсть пришлось заплатить полоской кожи. Друзья говорили, что Эпп еще легко отделался, зато уж гордился он тем своим шрамом так, как гвардейцы не гордятся золочеными шнурами на дарственных мечах. А вот если бы пришлось отведать плетей, то кроме обретения стыда и позора он вполне мог лишиться и содержания, и должности, а значит, и лелеемой мечты о спокойной старости. Нет уж, лучше расстаться с полоской кожи. Тем более что бывший ловчий прекрасно знал, как снимать боль да какую травку привязать к ране, чтобы через пару дней она подсохла, а в неделю затянулась молодой кожей.

Но даже рана эта, или, как тут же назвал ее Эпп, царапина, ничего не значила по сравнению с тем внезапным и весьма неприятным ощущением, которое нахлынуло на старшину. Ему вдруг показалось, что он находится в доме, который рушится. Нет, и стены еще на месте, и крыша защищает и от дождя, и от солнца, но по штукатурке бегут трещины, балки скрипят, а стекла в крохотных окнах лопаются и разлетаются осколками. И с кем бы ни говорил Эпп, голос каждого казался ему подобным вот этому самому скрипу прогибающихся балок.

Воевода Квен, который, считай, был его ровесником, а не так уж и давно, десять лет назад, прямым командиром, разговаривал с Эппом дважды. Сначала через час после того, как распорядитель ярмарочной стражи Хилана сорвал голос, визжа под столбом со щитами кланов Текана, а второй раз – на следующий день. Но между этими разговорами произошло столько всего, что хватило бы на год жизни. Во время первого разговора в караулке у проездных ворот Квен больше слушал, чем спрашивал. Он кивнул Эппу на скамью с другой стороны обеденного стола и внимательно выслушал все, что тот мог сказать о происшедшем, иногда задавая точные и короткие вопросы. Так, не перебив ветерана ни словом, когда тот описывал представление в балагане Куранта, он спросил именно о том, о чем Эпп даже не подумал:

– Что бросил в плошку сиун?

– Не монету, – ответил после мгновенного раздумья Эпп. – Звякнуло, конечно, но звякнуло то, что уже лежало в плошке. А так-то... словно черепок от горшка бросил. Тут многие тугие кошельки на пояс вывешивают, а приглядишься – внутри черепки или ракушки.

– Понятно. – Квен словно думал о чем-то своем, глубокая борозда пролегла на его лбу от сдвинутых бровей. – Хотел бы я посмотреть на этот черепок. А как сражался сиун?

– Никак не сражался, – дернул подбородком Эпп. – Поднял меч, провел по нему ногтем. Так провел, словно ноготь у него из железа был. Мне даже показалось, что меч от этого покраснел или небосвод в нем отразился. А потом сиун просто подставил меч под удар этого паренька. Подставил и... подсек, что ли, удар. Но меч тут же бросил.

– И?

Квен встал, скрипнул сапогами, отошел к узкому стрельчатому окну.

– Потом сиун исчез. – Эпп вздохнул, опустил голову. – Непонятно как, но исчез. То ли вовсе растаял, то ли смешался с толпой. Не увидел я, словно глаза мне кто-то отвел.

– Колдовство в Текане запрещено, – пробормотал Квен и, прищурившись, повернулся к Эппу. – Плохо, что ты не заметил щит с утра. Глядишь, и обошлось бы. А теперь дойдет до иши, хлопот не оберешься. Почему щит не заметил, не спрашиваю. Каждый мог оплошать. Почему снимать сразу не стал, дождался, когда твои сосунки за распорядителем сбегают?

– Не смог, – вовсе опустил голову Эпп и через силу, запинаясь, рассказал о призраке, которого увидел у столба. Описал его одежду, лицо и то, что, не говоря ничего губами, тот будто бы втолкнул свой голос Эппу прямо в голову. «Пусть висит», – сказал. А имени своего вовсе не называл, но имя его точно так же зажглось в башке старшины: «Сиват».

– Ты уверен? – бросил Квен и, прищурившись, несколько секунд рассматривал старшину, затем сел на место, прикрыл на мгновение глаза. – Сейчас иди к палачу, скажи, что воевода приказал отметить тебе руку. Добавь второй шрам на предплечье да надейся, что этим дело и ограничится. А потом возвращайся и вспоминай свои прошлые навыки. Наизнанку выверни этих циркачей, но выясни все, что только можешь. Чую я, что камешек свалился с вершины горы, как бы он не обернулся к подножию лавиной.

Через час Эпп бродил по площади, но, уже подходя к потешному кругу, понял, что время упущено. Самому, что ли, надо было вырывать кожу с собственной руки? Хотя и это бы не помогло. Тот самый здоровяк, что опять кидал с плеча на плечо тяжелые шары, только пожал плечами:

– Нет их, старшина. С час уж как нет. Только отыграли свое, оглянуться никто не успел, а их уже и след простыл. Сначала малые куда-то утопали, за покупками, что ли? Самана куда-то отлучалась. Рыжий тут пробежал. Раза три пробежал. С тележкой в последний раз. А потом Самана прошла по рядам и продала все. Ну барахло куда-то вынесли, наверное, потому как, я когда ходил прицениваться к повозке, там уже не было ничего, да и что там было барахла-то...

Через полчаса Эпп знал о происшедшем во всех возможных подробностях. Все имущество трупы Куранта, исключая шатер, повозку, лошадей со всей сбруей и кухонную утварь, исчезло без следа, как, собственно, и сама трупка. Все прочее Самана в десять минут распродала среди соседей по потехам за полцены, причем снижала и эту цену в два-три раза, стоило кому-то из покупателей начать чесать лоб. Достаточно было сказать, что котел она продала не только вместе с треногой, на которой тот висел, но и вместе с наваристой кашей, за которую не набросила ни медяка. Еще до начала внезапной торговли Харас прикатил телегу, похожую на телегу слободского булочника, загнал ее в шатер, нагрузил на нее что-то и отволоч получившийся возок в сторону слободы. Куранта так никто и не видел, да и Самана, едва убрала в кошель последние монеты, со слезами на глазах сунула в пасти проданным лошадам по куску свежей лепешки и поспешила все туда же, к слободе.

Эпп прошел пару сотен шагов в сторону слободы, вышел, как и ожидал, на возникший круг, откуда уходили набитые покупками возы и телеги во все концы Текана и где они же разгружались и царил шум, гам и неразбериха, поговорил с сонными стражниками и в уже раздраженном состоянии добрался до булочника. Тот сначала не мог понять, чего от него хочет старшина с пятном крови на рукаве, потом перепугался, признался, что давал за монету рыжему на час тележку, которую ему через час тот и вернул. Да и чего было не дать, парень с уважением, еще с неделю назад начал покупать выпечку и ни у кого, кроме него, не брал. А уж как ловок под балаганом своим... Эпп истребовал у булочника монету, с удивлением убедился, что за ничтожную услугу Харас рассчитался серебром, и понял, что сиун сиуном, а смотреть-то надо было на курантовских выкормышей, а не на их представление. Да и на самого Куранта в том числе.

С этими мыслями Эпп и отправился обратно к столбу, на котором среди прочих щитов вновь сиял белизной щит клана Паркуи – клана Чистых. У столба переминались с ноги на ногу двое его подопечных, о которых он уже и забыл совсем.

– Как вас там? – скрипнул зубами старшина, борясь с желанием надавать затрещин и одному, и другому.

– Хап... Хаппар, – услышал он в ответ.

– Хап и Хаппар, – медленно произнес Эпп и показал на рукав нательницы, на котором темнело кровавое пятно, – вам когда-нибудь снимали кожу с руки?

Стражники онемели.

– Хотите такую же метку? – плюнул под ноги Эпп.

– Нет, – хором вымолвили юнцы, посерев лицами.

– В таком случае, – Эпп зловеще прищурился, – вы сию секунду бежите в казарму, сбрасываете ваши доспехи, надеваете обычную одежду и идете по торговым рядам, да не с довольными рожами стражей иши, а с медяками. Можете хоть обожраться сладостями, но чтобы к утру я знал все о Куранте и его артистах, все слухи о щите, о сиуне и о Сивате.

– О ком? – снова одновременно переспросили юнцы.

– О призраке, – добавил им бледности в лица Эпп. – Имя ему Сиват. Выглядит босяком, весь в рванье, но в глаза ему посмотришь – и кажется, что на тебя смотрит сам иша. Шляпа у него еще как у угольщиков из-под Ламена из клана Огня. С полями. И глаза. Как у лошади глаза. Огромные и влажные. Да, и прислушайтесь к слухам, прислушайтесь. Меня все интересует, любая чушь. И чем чуднее, тем больше интересует. Понятно?

«Понятно», – закивали остолопы и в самом деле бросились выполнять приказание бегом. Эпп только вздохнул, надо было ведь еще и запомнить, что высокий и смуглый здоровяк – Хап, а кучерявый суетливый коротышка с вечной улыбкой, от которой, правда, теперь и следа не осталось, – Хаппар. На лбах у них написать, что ли?

К позднему вечеру, когда солнце сползло за горизонт и над ярмаркой загремели, засверкали фейерверки, Эпп почувствовал усталость. Болели ноги, постукивало в затылке, да и все сильнее саднила рука. Выяснить ничего не удалось, но вывод напрашивался сам собой – по той или иной причине Курант вместе со всем своим семейством растворился без следа. Как тот же сиун. Понятно, что слепец сиуном не был, но вот куда он делся, Эпп ответить не мог. У пристани стояла охрана, которая вроде бы глядела во все глаза и ни слепого, и никого другого, описанного Эппом, не видела. Что касалось трех главных трактов от Хилана – на север, на запад и на восток, так чтобы их прочесать да вычесать, все ловчие иши могли потребоваться. Нет, нужно было думать головой, а вот голова-то как раз хотела покоя.

Эпп раздраженно потер виски и, решив было отправиться домой и хорошенько выспаться, неожиданно развернулся и вновь потопал к слободке. В маленьком домике, которым заканчивалась прибрежная слободская улица, жил старик Халуган. Эпп не был уверен, что старик жив, считай, с полгода к нему не заглядывал. Но именно теперь старшине нужен был кто-то, кто не только мудрее самого Эппа, но и кому не нужно было думать о должностях и правилах, бояться храмовников из-за выскочившего неуместного словца, да и вообще которого особенно не интересовало и не беспокоило уже ничего. Тем более что кто, как не Халуган, который был немолод уже во время прихода Эппа в ловчие, учил того уму-разуму? Их было десять человек, десять бездомных мальчишек, подобранных на улицах Хилана. Тогдашний иша повелел сделать их ловчими, из пятерых ловчие действительно вышли. Но десять лет назад из пятерых в живых остался один Эпп. Сакува, которые по собственной дурости открыли ворота зрителю, сражались как звери. Немало гвардейцев погибло оттого, что, убивая стариков и женщин, не сразу обращали внимание на детей, которые бросались с ножами им под ноги. То был страшный день. После него у Эппа иногда стало побаливать сердце. А когда-то он был самым крепким и быстрым среди всех. Тот же Халуган, из которого было невозможно вытянуть хоть одно доброе слово, сквозь зубы иногда бурчал вполголоса: молодец, сучий потрох, чтоб я так жил, как ты растешь. Одно подпортило детство Эппа: сынки

вельмож, выходцы из арува, ненавидели безродных и при каждой возможности норовили их поддеть, пнуть, ударить. В свою очередь безродные не оставались в долгу. Сколько раз Эпп схватывался с тем же Квеном, барахтался с ним в пыли, молотил его кулаками по физиономии и сам получал от него по скулам, пока Халуган не плескал на сведенцев холодной водой. Хотя надо заметить, что Квен был единственным, кто иногда, нечасто, брал вверх над Эппом, и уж точно единственным, кто ни разу не пожаловался на строптивого сверстника.

Почти миновав торговые ряды, Эпп вдруг спохватился и на тот самый, отнятый у булочника, серебряный прикупил кувшин акского вина, сверток темно-коричневых ломтей вяленой с приностями свинины и длинный намешский хлеб.

В отличие от ярмарочной площади, слободка тонула в темноте, но окошечко в низкой халупе Халугана помаргивало слабым светом. Эпп попытался нащупать калитку в низком заборчике, потом махнул рукой, перешагнул через досадное препятствие и постучал в окно.

– Заходи, Эпп! – послышался из-за стекла срывающийся голос.

Халуган был еще жив. Он сидел в мягком кресле, сплетенном из хурнайского тростника, подложив под некогда крепкое, а ныне почти безвольное тело одеяло, и с интересом рассматривал вторгшегося в единственную комнатунку чистого домика пожилого гостя, который здесь, перед древним, сияющим в свете масляной лампы сединой стариком казался сам себе вполне еще молодым воином.

– Как ты узнал, что это я? – спросил Эпп, выставляя на стол угощение.

– Да я всякий раз узнаю. – Старик не удержал в седой бороде улыбку и дрожащей рукой прихватил кувшин. – Ты же единственный из моих гостей перешагиваешь через забор. Нет, еще женщина одна, что ходит за мной, перешагивает. Но ее двор с другой стороны, ей так ближе. Акское?

– Оно самое, – кивнул Эпп, усаживаясь на широкую скамью. – Какое любишь, но скрывать не стану, в дни ярмарки оно дешевле, чем обычно, да и купить проще.

– Прошлого года урожая. – Старик втянул ноздрями аромат вина, поставил кувшин на стол. – Самое то, что надо. Но на ночь пить не буду. С утра полакомлюсь. Жалуйся, бедолага Эпп.

– Почему же бедолага? – обиделся старшина.

– Как тебе сказать. – Старик хмыкнул, отчего глаза его утонули в пучках морщин. – Последний раз такое пятно я видел на рукаве твоей нательницы, когда ты двинул по роже сыночку судьи. Так или не так?

– Так, – пробурчал Эпп. – В этот раз все проще. Зевнул озорство какого-то недоноска. Тот взобрался на ярмарочный столб и на щите клана Паркуи намалевал углем глаз клана Сакува. Вот уж не думал, что придется вспомнить то грязное дельце.

– Грязное дельце, – поскущел старик и тяжело вздохнул. – Среди мудрых людей ходят разговоры, что то грязное дельце избавило нас от очередной Пагубы.

– Ну. – Эпп махнул рукой. – У зрителей на всякую мерзость одно оправдание – чтобы Пагуба не случилась. И на всякое хорошее дело одно веское предостережение. То же самое. Ты лучше послушай, Халуган, что приключилось сегодня на ярмарке.

Эпп вздохнул, с тоской посмотрел на кувшинчик акского и выложил все, что узнал и запомнил из суматошного дня. Старик ответил не сразу. Помолчал минут пять, потом закричал, сдернул с подоконника два глиняных кубка, снова подхватил кувшин да наполнил их вином так ловко, что ни капли не упустил мимо. Кивнул Эппу и начал медленно тянуть вино, пока не вытер губы и не спросил о неожиданном:

– А девчонку никто не видел?

– Какую девчонку? – вытаращил глаза Эпп.

– Как какую? – поднял брови старик. – Птичку, колокольчик, дитя. Она-то уж пострашнее Сивата. Правда, ее встречают еще реже, чем этого оборванца со сливовыми глазами. Ах, как я мог забыть, ты же, бедолага, сирота. Тебя не убаюкивала мама. Не пела тебе песенку о том, как красиво звенят капли тающего льда весной за окном. Совсем как голосок Ишхамай. Не будешь слушаться – отдам тебя прекрасной девочке, и она сгрызет твои кости.

Эпп замотал головой. Халуган залился мелким смешком.

– Ну насчет костей, конечно, перебор, но будешь стоять над пропастью – подтолкнуть сможет, даром что призрак. Еще и ручкой помашет, и песенку споет, и над трупиком твоим поплачет.

– Никогда не слышал, – наконец вымолвил Эпп.

– Времена были не те, – кивнул Халуган, а потом добавил, сверкнув глазами: – А теперь те. Помнишь, когда мы ходили на речных разбойников? Ну завелись выше по течению Хапы разбойники, грабили купцов напротив Намеши? Прямо над городом, там, где Бешеная впадает в Хапу?

– Помню, – хмыкнул Эпп. – Славные были денечки. Мы на двух судах, разбойники на трех, но это их не спасло. Ни один не убежал. Полтора десятка ловчих мы, правда, не уберегли, но что уж. Война. Вольным тоже досталось.

– Ерунда, – отмахнулся старик и заходил желваками. – Вольными те разбойники не были. Вольные сами от них страдают. Это были не вольные, и даже не малла, которые населяли равнину за Хапой и Блестянкой до прихода туда вольных, а теперь сохранились только ближе к Восточным Ребрам. Да уж куда там малла, у них рост-то у самого высокого три полных локтя. Это были кусатара, старшина. Или ты не заметил, какие у них ручищи?

– Ну спорить не буду, ребята крепкие, – нахмурился Эпп.

– Не знаю, многих ли ты видел крепких ребят, чтобы могли почесать собственное колено, не нагибаясь, – скривил губы Халуган. – Но не о том речь, хотя, если бы дело было не в степи, где мы догоняли последних, а где-нибудь в горах, где эти самые кусатара пасут своих овец да ковыряются в штольнях, так бы легко мы не отделались. Скольких мы потеряли на берегу?

– Шестерых, – вспомнил Эпп.

– А как их нашли? – прищурился Халуган. – Травка-то стояла в пояс, а какая травка за Хапой, ты должен помнить, след минут десять держится, потом стебли как пружины встают.

– К чему нам тот след? – хмыкнул Эпп. – Там же падальщиков было до жути. За сотню. Смотри, где кружатся, туда и иди.

– Вот! – едва не подскочил на месте Халуган. – О том и речь. Сиват-то твой – падальщик. И Ишхамай – падальщица. Может, еще кто есть, но я только про этих слышал.

– Это в каком же смысле? – опешил Эпп.

– Эх, парень, – вздохнул старик. – Ты, конечно, ловок был с мечом. Того же Далугаеша обучил, слава о нем такая идет, что кровь стынет. Но я же тебе всегда говорил, что ловкостью знания не перешибешь. Так вот, я, конечно, не настолько стар, чтобы помнить последнюю Пагубу, но дед мой зеленым мальчишкой еще кое-что запомнил. А я запомнил на всю жизнь его рассказ. Так вот, тогда, когда небо покраснело, а потом почернело и стало светить вокруг красными лучами вместо солнца, вся эта мерзость, что время от времени истязает Салпу, добралась и до Хилана. Прадед мой проник втайне от родителей на стену и своими глазами видел, как слуги Пустоты сравнивали с землей вот эту самую слободку, рвали на части людей, не разбирая ни детей, ни женщин. А вот там, – старик ткнул коричневым пальцем в окно, – на ярмарочной площади, танцевал Сиват. Кружился как оглашенный. Упивался. Да и Ишхамай недалеко была. По стене бродила среди ошалевших стражников и песни пела. Страшные песни. Веселые песни. Как колокольчик звенела. Но прадед мой не сразу ее услышал, Пагубу рассматривал. Только когда она его в спину толкнула, сообразил, что не ветер в его ушах шумел. Тем и спасся, что привязан был к зубцу стены, боялся, что утащит его Пустота. Ты бы поговорил с теми же

храмовниками, знаю, что, кроме отвращения, они ничего вызвать не могут, так сдержал бы тошноту да поговорил. Они бы тебе многое рассказали. Балахонники все записывают, все.

– Что же выходит, – поймал плечами дрожь Эпп. – Труп где-то поблизости? Если Сиват падальщик?

– Будет труп, – пробормотал Халуган. – Много трупов. А если он так радуется Пагубе, почему бы ему ее не ускорить? Я-то свое отжил, во мне уж и жизни не осталось, разве только любопытство одно, но страх за пальцы дергает. Все идет к тому, что новая Пагуба накатит. И дело даже не в Сивате. Слишком все гладко при нашем ише. Ни войны никакой, ни мора, ни побора. Народ богатеет, жиреет даже. Верная примета – быть Пагубе.

– А что ты скажешь о черном сиуне? – спросил Эпп.

– Ничего, – зевнул старик. – Я его не встречал, да и вообще, говорят, что это не хиланский сиун. Хиланский вроде столба. Я мальчишкой весь город облазил с бечевой и шестом. Все искал каменный столб, который то короче, то выше или то толще, то тоньше. Но так и не нашел...

Эпп вздрогнул от треска, раздавшегося за окном. Над ярмарочной площадью взрывались фейерверки.

Утром, облившись холодной водой в маленьком дворике своего домишки, который он все-таки сумел купить все у той же северной башни как раз десять лет назад с богатой харкисской добычи, Эпп надел свежую нательницу, напялил поверх нее кольчужницу без рукавов и, выходя из дома, столкнулся с Хапом и Хаппаром. Молодые стражники выглядели слегка осунувшимися, но бодрыми. Скосив взгляды на рукав нательницы Эппа, под которым выделялась повязка, они затараторили вразнобой.

– Ярмарка разбегается, народу вполовину осталось!

– Слухи поползли, что Пагуба скоро! Урай Хилана помер! Прямо во дворце иши перед его глазами!

– И постельничий помер тоже! От страха! Что-то там такое главный смотритель Текана выкинул, и они все поумирали! Народ разбегается. Кто на лодках, кто на телегах.

– Сивата никто не видел, но говорили, что девчонка какая-то танцевала между рядами и песни пела. Как колокольчик звенела. Откуда взялась, непонятно, куда пропала, тоже никто не понял. А как исчезла, то вся посуда побилась и молоко скисло.

– А может, оно и было кислым-то?

– Было, да не у всех же! А про черного сиуна никто не слышал. Точнее, все слышали, но только то, что сиун с белым парнем меч скрестил. И все.

– Так уж переврали десять раз, что чуть ли не час они фехтовали.

– А кто на столбе со щитом озоровал, никто не знает. Но все говорят, что это, наверное, черный сиун и нарисовал глаз.

– А другие говорят, что вовсе не черный сиун, потому как черный сиун должен был белый щит Паркуи в голубой цвет покрасить. Он ведь вроде из разрушенного последней Пагубой города Араи, а там жил клан Крови, клан Эшар, а у них щит был голубым с красной каймой.

– А труппа Куранта без следа сгинула. Никто их не видел, разве только говорили, что Луккай, которого Белым кличут, и девчонка та, Нега, в город ушли со сломанным мечом, а там и пропали. Меч-то у парня после схватки с сиуном развалился на части. Не сразу, но развалился. Больше их и не видел никто.

– Цыц! – рывкнул Эпп. – Дельное пока услышал только насчет девчонки и насчет сломанного меча. Об урае и постельничем и без вас разужнаю. Девчонку-то, случаем, не Ишхамай кличут?

– Не знаем... – Молодцы ответили едва ли не хором. – Те, кто рассказывал о ней, словно не в себе были.

– Еще какие чудеса имеются? – сдвинул брови Эпп.

– Чудес не имеется, – покосился на Хапа Хаппар и понизил голос, – а странностей предостаточно.

– Ну! – поторопил молодцов Эпп.

– Кессарцы ушли, – прошептал Хаппар. – Большой корабль кессарцев, что стоял у пристани, ближе к вечеру вдруг ушел. Лодочники говорят, что обычно они до последнего дня томятся, а тут вдруг погрузили какие-то мешки и ящики и уплыли. Но на борт никого не брали.

– Еще что говорят лодочники? – прогремел Эпп.

– Вольный помер какой-то, – почесал затылок Хап. – Нет, ну бывает такое, но уж больно от него воняло. Когда его на носилках тащили на струг, стражники аж разбежались. Ну старик и старик, монеты на глазах, худой, туда ему и дорога, но где они его хранили, непонятно, потому как он же где-то тухнул? Чего ж никто раньше не унюхал?

– Ага, – кивнул Хаппар. – А через час на тот же струг свадьба отправилась. Кому-то горе, а кому-то праздник. А как перемешаешь – ни вздохнуть, ни невесту поцеловать, одна рвота.

– Чей струг? – только и бросил Эпп, собираясь бежать к Квену.

– Арнуми и Нигнаса, – выудил из-за пазухи полоску ткани Хаппар. – Брат и сестра из вольных, трактир держат в гиенском поселке на берегу Блестянки. Пятьдесят лиг от устья. Два струга у них. На том Нигнас ушел, только Арнуми не стала неделю доторговывать, под утро сорвалась. С час назад, наверное, даже шатры не свернула, погрузилась, парус подняла – и в путь. Сейчас ветер западный, как раз в спину ей задувает. Так все теперь разбегаются, не она одна...

– Наверное, прямо так и ходили вокруг ее шатра и пытали, кто умер да почему? – стиснул зубы Эпп.

– А как же еще? – недоуменно подняли брови молодцы.

– Эх! – размахнулся Эпп, чтобы отвесить по оплеухе каждому, но только плюнул и побежал к проездным воротам, прикрикнув стражникам: – Не отставать!

Квен и в самом деле оказался у караулки. Глаза у воеводы были красными, но движения твердыми и спокойными. Тут же толпились старшины всех дружин и всех башен, на воротах стояли не только стражники, но и гвардейцы и даже ловчие. Эпп уже начал почесывать затылок, как подойти к воеводе, но Квен сам заметил старшину северной башни. Он бросил толпящимся вокруг него что-то резкое и быстрым шагом подошел к Эппу.

– Говори! – процедил сквозь зубы.

Старшина проглотил приготовленный вопрос об урае и постельничем и отчеканил коротко:

– На ярмарке Сивата, кроме меня, никто не видел, зато являлась Ишхамай, «поющая девочка». Курант и вся его труппа ушли на Вольные земли. Еще вчера после полудня ушли. На одном из стругов Арнуми и Нигнаса из поселка, который лежит в пятидесяти милях по берегу Блестянки от ее устья. Если идти на веслах, да и при среднем ветре, будут там сегодня к вечеру. Второй струг отошел только сегодня утром, почуяла торговка что-то. Но все барахло, все сундуки и реквизит Курант отправил с кораблем кессарцев. Скорее всего, в Хурнай. Кессарец, по крайней мере, ему предлагал гостеприимство еще во время выступления.

– Все? – сузил глаза Квен.

– Перед бегством двое курантовских выкормышей ходили в город, – вспомнил Эпп. – Лук и Нега. Думаю, решили починить сломанный меч.

– Ганк! – рывкнул, обернувшись, Квен.

От толпы у караулки отделился белобрысый здоровяк и подбежал к воеводе.

– Этот? – спросил Квен, когда ловчий извлек из мешка половинки старого меча.

– Похоже, что этот, – прищурился Эпп.

– Значит, Лук, – задумался воевода и уперся холодным взглядом в лицо старшины. – Скажи, Эпп. Ты ведь фехтовальщик не из последних. Когда-то так и лучшим числился. Мог этот Лук взять на меч ловчего?

– Мог, – коротко бросил Эпп.

– Эпп! – выпучил глаза Ганк. – Он Эква убил! Ты хочешь сказать, что какой-то мальчишка мог взять на меч Эква? Он был одним из лучших!

– Заткнись! – поднял руку Квен.

– Я вот что скажу... – Эпп на мгновение прикрыл глаза и явственно вспомнил все движения мальчишки, чувствуя какую-то странную симпатию к белоголовому мерзавцу. – Судя по тому, что я видел, он мог бы взять на меч и Далугаеша.

– Да ты... – задохнулся от возмущения Ганк.

– Молчать! – повысил голос Квен и наградил ловчего холодной усмешкой. – Беги, братец, к Далугаешу и скажи ему, что следствие следствием, но самому ему нужно собираться в Вольные земли, да не медлить. Скажи, что Квен знает, где убийца его ловчего и уплывший от него меч. И быстро!

Ганк бросился бежать, а Квен снова посмотрел на Эппа:

– Да, старый приятель. Хватка у тебя все еще есть, а то ведь не те стали нынче ловчие. Говоришь, даже Далугаеша может на меч взять? Интересно. Надо, надо Данкую вызывать мастеров из клана Хара, если уж одного из лучших ловчих зарубил какой-то мальчишка. Хотя с Сиватом и Ишхамай не справится даже им. Ну от этих-то только один страх...

– Что мне делать? – хрипло спросил Эпп.

– В Хурнай отправляйся, – твердо сказал Квен. – И жди там Куранта с домочадцами. И главное – этого Лука. Чутье подсказывает мне, старина, что именно его мы упустили в Харкисе. Я тоже кое-что разузнал. По возрасту вроде подходит, вот только масть у него белая... Но с умом да с малым колдовством...

– Колдовство запрещено в Текане, – напомнил Эпп.

– Воровство тоже, – зло хмыкнул Квен. – Если он так ловок, значит, и щит – его рук дело. Тогда, выходит, имя его не Лук или Луккай, а Кир Харти, и он не кто иной, как внук последнего урая Сакува. Шрам у него на лбу был?

– Был вроде, – нахмурился Эпп. – Едва заметный, из-под волос и до середины лба.

– Он, – процедил сквозь зубы Квен. – В Хурнай тебе дорога, старшина.

– Что ж, – Эпп расправил плечи, – в Хурнай, значит, в Хурнай.

– Этих оборотов с собой возьми, – кивнул на застывших столбами Хапа и Хаппара воевода. – Заодно обучи их, а то уж отцы их приходили ко мне, жаловались, что растут никчемными придурками. Все мысли о бабах да о сладостях, причем о первых только мысли. Хорошо хоть к вину пока не пристрастились. Идти в Хурнай следует скрытно, к примеру, как бы по торговым делам. Сейчас отправляйтесь в казарму, получите деньги, одежду, довольствие. Товарец какой-нибудь, из того, что помельче, чтобы за коробейников сойти. Потом к пристани. В полдень намешский купец пойдет вниз по реке, будет предупрежден. Осядь в Хурнае, внимания к себе особо не привлекай, но жди.

– А когда дождусь? – спросил Эпп.

– Убивать всех, – процедил чуть слышно Квен. – С остальными, если не срастется. Пустота пусть разбирается, а этого Лука надо убивать. Как только увидишь, так сразу и убивать. В спину, в лицо, стрелой, мечом, копьем, как угодно, но чтобы наверняка. В толпе, один на один, днем, ночью, в постели, за столом в гостях хоть у самого урая Хурная, все равно убивать! Но будь осторожен, Данкуй тут настоящего отца парня разыскивает, за ночь, я думаю, в этом деле не продвинулся, но кое-что успел раскопать об отце названом, об этом самом Куранте. Правда, все на уровне слухов, но порой и слухов достаточно. Возможно, что этот самый Курант не просто слепой циркач. Есть отголоски, что не гнушался и воровством, просто не попадался

никогда. Не то что водичку не замутил, даже ног не замочил. Если действительно те дела, о которых я думаю, на нем, то не бедный он человек, совсем не бедный.

– Так чего ж он в циркачах? – выпучил глаза Эпп.

– А кем еще ему быть, чтобы ни под какого арува не попасть? – нахмурился Квен. – Или у него есть ярлык вольного всадника? Да, почтения к циркачам нет, но так и к луззи никто их не причисляет. Свобода! Живи где хочешь, езжай куда хочешь. Для вора лучше и не придумаешь. Ты о другом думай. Если он богат, значит, есть где ему укрыться, есть. Так что поброди по Хурнаю, ожидая гостей, присмотрись. Может быть, там его берлога? Но берегайся. Он ведь и кровь пустить был горазд. Очень возможно, что за последние несколько лет немало ловчих спровадил в Пустоту. Это уж я сам чую. Срастается так вроде. Понятно?

– Понятно, – хрипло ответил Эпп. – Выходит, убивать надо этого... Кира Харти? А эти? Старшина глазами повел в сторону молодых.

– Дело сделаешь, мне они побоку, – понизил голос Квен. – На сталь их не бросай, но и от схватки не удерживай. Больно дорогую цену мы можем заплатить. Я бы сейчас собственными руками сотню ловчих обезглавил, если бы это беду остановило. Или ты думаешь, Харкис рубили из-за прихоти какой?

– Значит, если не справлюсь, этим, – старшина коснулся вздувшегося рукава, – не обойдусь?

– Не обойдешься, – кивнул Квен. – Но и на хорошую порку тоже не рассчитывай. Пагуба наступит, Эпп.

Красноватое солнце только начало подниматься, поэтому дозорный клана Смерти не сразу разглядел вспышки на ближайшей сигнальной вышке, подобные которой тянулись от Хилана по главным трактам, охватывая изрядную часть Текана. Он привычно сдернул чехол с начищенной поверхности и отсигналил, что готов принимать сообщение. Дело было не только привычным, но еще и легким: день – значит, не надо разжигать костер, солнце на востоке, да еще и пока что не так высоко, – значит, можно обойтись одним зеркалом, а не двумя, а тем более тремя. Дозорный вытянул из ящика восковую дощечку, чтобы выцарапать на ней полученное сообщение, но почти сразу забыл о ней. Вспышки хитро отраженного солнечного луча несли не слишком приятную весть. Дозорный отсигналил, что сообщение принято, и побежал вниз по ступеням башни. Через пять минут урай клана Смерти назвал три имени – одно женское и два мужских: Хурта, Игай, Заманкур, – а через час три лучших воина клана покинули Сакхар. Верхом на выносливых гиенских низкорослых лошадках они двинулись по дороге в сторону Хилана. Хрупкая на вид, подтянутая черноволосая девушка с тонким лицом. Веселый, подставляющий ветру гриву кудрявых волос широкоплечий молодой мужчина. И седой, сутулый, бородатый, но все еще крепкий старик. Почти две тысячи лиг. Две недели пути, чтобы загнать лошадь, три недели, чтобы сберечь ее.

В полдень, когда солнце поднялось в зенит и казалось не просто мутным красным пятном, а вознесенным в небо пламенем, копыта коней застучали и на той дороге, которая вела в никуда. Трое всадников появились прямо из багровой стены. Затрещали размалываемые черными подковами кости. Заблестели на солнце под бархатистой шкурой мускулы огромных коней. Затрепыхались на ветру черные плащи. Трое всадников, которые вроде бы не имели ничего общего с людьми, приближаясь к крайнему дозору, обретали их черты с каждым шагом. Когда всадники остановились возле костра, они уже были почти обычными воинами, пусть ужас и охватывал всякого, взглянувшего на них. Их доспехи были скрыты плащами, но на груди каждого висел знак Пустоты – бронзовая табличка с двенадцатью отметинами по сторонам ее, словно циферблат часов, часовщик которых не затруднил себя устройством механизма и стрелок. Один из двух дозорных поднялся, потому что второй от страха потерял сознание,

взял в руки тяжелый кувшин и поднес его первому всаднику, которым был гигантский, в два раза тяжелее обычного воина, мужчина с низким лбом, короткими волосами и глубоко посаженными глазами на квадратном лице. Он отпил воды и гулко произнес свое имя:

– Ваппиджа.

Следующей глоток воды сделала женщина. Она была полегче первого всадника, но не уступала ему в ширине кости и могла бы уничтожить самую ушлую торговку хиланской водяной ярмарки одним взглядом. На вид ей было лет пятьдесят, хотя ее рыжеватые волосы своей густотой сделали бы честь и молодке. Но больше от молодки у этой всадницы не было ничего. На широком лице царил скука и равнодушие.

– Суппариджа, – вымолвила она, глотнув воды.

Третий всадник на фоне первых двоих казался худощавым подростком, хотя вряд ли уступил бы статью самому крепкому воину клана Смерти. У него было бледное, почти белое лицо, зачесанные назад с высокого лба выющиеся темные волосы и совершенно пустые глаза. Такие пустые, что казалось – их нет вовсе.

– Хантежиджа, – чуть слышно прошептал он после глотка, но этот шепот показался дозорному громче самого громкого крика.

Всадники развернули лошадей, поскакали к воротам Сакхара, но внутрь города-крепости не вошли. У первой же угловой башни, не перекинувшись ни одним словом, они разъехались в стороны. Гигант направил лошадь в сторону Туварсы, от которой начинался приморский тракт к Хурнаю через Ак, женщина свернула в сторону Кеты, через которую можно было попасть на развалины Харкиса и в Парнс, а всадник с пустыми глазами направил коня к Хилану через Ламен.

– Ну пошла забава, – рассмеялся дозорный, выплеснул остатки воды в лицо бесчувственному напарнику, поставил кувшин и смочил мокрыми ладонями лысину с едва различимым крестообразным шрамом. Потом поднял лицо к красноватому небу и с блаженством закрыл глаза. Затем негромко и радостно прошептал:

– Скоро. Скоро Пагуба.

Если бы Курант оказался поблизости, да волею Пустоты получил бы обратно свои глаза, он не поверил бы им. Его бывший напарник, чье имя странно совпадало с именем клана Смерти, за десятилетия несколько не изменился.

Глава 6

Беда

Петух прокукарекал еще раз, но его повторный клич застал Лука уже на ногах. Еще не открывая глаз, он мгновенно представил себе громоздкое, сложенное из тяжелых бревен здание трактира, вспомнил расположение лестниц и коридоров и отметил, что при удачном стечении обстоятельств может убраться незамеченным из владений Арнуми и Нигнаса множеством способов. Или их меньшим количеством, если стечение обстоятельств окажется неудачным. Курант учил этому Хараса, Харас учил Лука. Правда, не только этому.

Главной наукой, которую вдалбливал в головы приемных детей Курант, было другое – в мире, полном несправедливости, не стоит рассчитывать на снисхождение богатых и благородство сильных. В свою очередь и сильные, и богатые не должны рассчитывать на покорность и беспомощность оскорбленных ими. Зло должно караться злом, оскорбление или смерть – смертью. Но воздаяние за совершенное зло не должно падать на невинного. Родные негодяя – невинны. Слуги негодяя – невинны. Конечно, если не засвидетельствовано иное. Поэтому, если цирковые ловкачи наказывали за спесь или жестокость какого-нибудь богатея, лишали мерзавца дорогих его сердцу богатств, они, к примеру, делали все, чтобы тот никогда не заподозрил в краже домочадцев и челядь. Но ни единого раза им не приходилось проникать в богатый дом только с целью наживы. Воровство было способом наказания, но не его целью. И если какой-нибудь арува наказывался за издевательства над бесправным луззи, последний вполне мог рассчитывать наткнуться на собственном участке или в угольной яме, в которой он собирался обжигать уголь, на кошелек с изрядным количеством монет. В этом деле Курант был последователен так же, как в деле мести. Другой вопрос, что циркачи не разыскивали обиженных и несчастных, чтобы взять их под опеку. Они устраивали представления, колесили по дорогам Текана и занимались только тем, с чем сталкивала их судьба и что ранило их сердца. Месяцами труппа Куранта могла странствовать по городам и деревням, не преступая законов Текана, пока какой-нибудь негодяй, вовсе не обязательно из числа богатеев или спесивой знати, не увеличивал на их глазах количество несправедливости под небом Салпы. Вот тогда приходило время иных забот, и, если Харас, Лук и Нега вступали на нелегкий путь воздаяния за совершенную кем-то пакость, они становились такими же умелыми и непревзойденными преступниками, как и артистами. Так или иначе, но благодаря их искусству немало мерзавцев теряло не только присутствие духа. А некоторым, оказывается, пришлось расстаться и с жизнью. Правда, до случая во дворе хиланского кузнеца Лук и Нега могли об этом только догадываться.

Комнатушка, в которой Лук спал, была невелика – четыре шага на восемь шагов, но после десяти лет в повозке она показалась Луку едва ли не залом. Хотя и та же повозка когда-то была вполне просторной, но уменьшалась все десять лет с той же скоростью, с какой ее маленький жилец подрастал. Когда Лук ночевал в ней впервые, то не мог достать до обтянутого тентом потолка, впоследствии стал задевать его руками, натягивая рубаху, а потом и пригибаться, забираясь внутрь. В клетушке, выделенной Нигнасом, пригибаться не приходилось, но, потянувшись, Лук убедился, что потолок в его временном убежище все же низковат. Он взглянул в серое, наполненное утренним сумраком оконце, плеснул в лицо воды из жестяного кувшина, стоявшего возле его немудрящего ложа, забросил на плечо мешок с небогатым скарбом, который поручила ему еще на струге Самана, нацепил на пояс меч и шагнул в коридор, еще не зная, что оставляет недолгое убежище навсегда. Навстречу ему уже бежала Нега.

– Что за хождение было чуть не с полночи? – спросил ее Лук. – Топали тут по коридору, посудой звенели.

– Потом, – прошептала она негромко. И добавила: – Быстро приводи себя в порядок, немного времени у тебя еще есть, встречаемся во дворе.

– Что случилось? – встревожился Лук.

– Арнуми вернулась, – откликнулась, убегая, Нега. – Плохие у нее вести, очень плохие. Наши уже все внизу.

Через пару минут и Лук стоял во внутреннем дворе, вспоминая, как был удивлен тем, что здание трактира окружено бревенчатой стеной наподобие маленькой крепости, да и прочие дома, выстроившиеся вдоль улицы от реки, тонули в вечерней мгле, ничем не напоминая обыкновенные слободские дома.

– Трудна жизнь в Вольных землях, – еще вечером ответил Луку на незаданный вопрос Нигнас. – Дыши, да оглядывайся, нет ли дыма со сторожевых башен на горизонте, не блеснет ли в кустах клинок, не просвистит ли в воздухе стрела.

Теперь Нигнаса во дворе не было, зато неизвестно откуда взявшаяся Арнуми, которая, как помнил Лук, должна была появиться в трактире через пару дней, прыгала возле нескольких кособоких узлов и шипела, как накрытый дырявой крышкой котел. Стоявший тут же Курант прислушивался к ее шипению, поглаживал циферблат бронзовых часов и качал головой. Харас, Самана, Нега и по-прежнему заплаканная Лала сидели на длинной скамье поодаль. Нехитрый скарб трупы уже был распределен по заплечным мешкам. На ногах у всех, включая и Лалу, красовались почти новые сапожки, на плечах топорщились куртки из овечьей кожи. Все четверо напряженно молчали. Харас водил камнем по хиланскому мечу.

– Иди сюда, иди, – подозвала Лука хозяйка, расплылась в подозрительно сладкой улыбке и, стянув с него колпак, провела по обритой голове ладонью, после чего обернулась к Самане. – Точно говоришь, что черные полезут?

– Черные, – кивнула та, ежась от утренней стыни, висевшей над бревенчатой оградой ключьями тумана. – Белила его каждые две недели. Корни – что твоя ночь.

– Что *моя* ночь, – поправил жену Курант и повернул к Луку незрячее лицо. – Слушай, парень, последний раз говорить будет хозяйка.

– Ну ты меня немотой не пугай, – пробурчала Арнуми, цыкнула плевром через щербину в зубах и неожиданно стала серьезной. – Хорошо, что черные. Забудь, парень, про свою белую шевелюру вовсе. И про кличку свою – Белый – забудь. Послушай, что я тебе скажу, но не потому, что иной разговор дороже золота может оказаться. До следующего разговора время пройдет, да и этот может оборваться в минуту, стоит только Нигнасу появиться. Прогуляться нам придется. Понял?

– Надо – значит, прогуляемся, – кивнул Лук. – Случилось что?

– Случилось, – улыбнулась старуха, и Лук почувствовал в привычной гримасе боль. – Надеюсь, что обойдется, но, если с одного угла запылало, в другом не отсидишься. Закрываем мы трактир. Скрывать не буду, твоею милостью закрываем. Работников уже распустила, скарб раздала, по домам разнесли, спрятали. Но многие, думаю, тоже мешки вяжут. Хотя народ тут разный. Кто-то яму роет, а кто-то с краю той же ямы землю на голову землекопу сваливает. Но ничего, у всякой веревочки есть кончик, на каждый узелок шильце отыщется. Найдутся доброхоты, доложат и распишут в тонкостях. Но ты губы не закусывай попусту, а то язык прикусишь, мы люди привычные. Не впервой. Хотя плохо будет. Беда накатывает. Меня так еще в Хилане чуть не придавила. Чудом оторвалась, но ненадолго, чую.

– Нас преследуют? – бросил тревожный взгляд на Куранта Лук.

– Догадливый, – хмыкнула Арнуми. – Только догадываться раньше надо было, когда ты щит на столбе разрисовывал. Не крути глазами-то, я товар хвалю только тогда, когда знаю, чем торгую. Мне Курант все выложил. Или почти все. Правда, чем кормить будет, обозначил, а вот что похлебку горячей подаст, умолчал.

– Обожжешься – залечим, – подал голос старик.

– Ты уж залечил меня однажды, на всю жизнь хватит, – вздохнула старуха и снова посмотрела на Лука. – Вы еще только струг разворачивали, а на ярмарке уже суматоха началась. Думаю, что весь отряд ловчих на площадь вывалился, да и стражников набежало втрое против полуденного. Сначала просто досматривали всех подряд да добро перетряхивали. Интересовались, кто забаву на столбе со щитами учинил. Затем злее стали, девку начали искать, – продолжила Арнуми, бросив быстрый взгляд на Лалу. – Да-да. Рыжую, красивую, молодую, спелую. С ней же и меч какой-то. Особенно шерстили в рядах оружейников, каждый клинок из ножен вытаскивали. Награду объявили, – ухмыльнулась Арнуми. – Десять монет за девку, десять монет за меч. Золотых монет.

– А за голову забавника сколько? – сдвинул брови Лук.

– А не закружится головенка-то? – ухмыльнулась Арнуми. – Думаешь, не за наградой ли я поспешила к дому своему? Нет, дорогой, плохо ты знаешь старушку. Я срывать решила, когда поутру два остолопа, похожие на переодетых стражников, стали вокруг рыскать и насчет похорон Куранта да гиенской свадьбы справляться. Товара оставила на пару золотых монет. Шатры. Не прикупила того, что хотела. Но, как молвится, башка дороже волос. Ногти ломаются, зато пальцы не укорачиваются.

– Сколько? – повторил вопрос Лук.

Старуха вздохнула, шагнула к Луку, приподнялась на носках и выдохнула в ухо:

– Тысяча.

Курант охнул.

– Вот ведь, – всплеснула она руками, – все забываю, что слухач рядом. Другое плохо: не только я об этом слышала. Я, конечно, случайных людей не нанимаю, но и неслучайные слабину могут дать, когда о таких деньгах речь идет. А одно с другим сопоставить несложно. Когда сначала ищут ловкача-забавника, а потом циркача, это ж как зайца из горохового поля тянуть: уха два, а зверь-то один и тот же.

– Так то заяц, – стиснул губы Лук и посмотрел на Куранта, который стоял с потемневшим лицом посреди двора. – У него уши длинные.

– Вон твои уши. – Старуха мотнула подбородком в сторону скамьи. – Или ты их уши. Камень на шее. Глашатаи орали о награде во все горло. Даже на пристани было слышно. Правда, тебя, умелец, объявили почему-то другим именем: Киром Харти назвали, ну так и до Лука недолго додуматься. Придется тебе третье имя придумывать.

– Я готов уйти хоть теперь, – буркнул Лук.

– Поздно уже уходить, – вздохнула Арнуми. – Теперь уж если и уходить, то уходить надо шумно. Чтобы нужный человек узнал, что ты уходишь. А то ведь не будет нам покоя. Его и так не будет.

– Куда теперь, Арнуми? – спросил Курант, словно и не было последних слов старухи. – Если уж переждать у тебя не удастся, нам бы только на дорожку выйти, чтоб и в самом деле уйти подальше. А там уж растворимся как-нибудь.

– Ага, – кивнула старуха. – Ты растворишься, как же. Если ты никого не видишь, думаешь, и тебя не видно? Дорожек тут много, только куда ни пойдешь, на всякой на острое напороться можно. А ну-ка, молодцы, Харас, Лук, берите вот по этому мешку, а этот Нигнас возьмет. А вот и он.

Высокие и тяжелые ворота заскрипели, во дворе появился Нигнас, и через несколько минут небольшой отряд уже покидал деревенский трактир, гостеприимство которого так толком и не успел испытать.

Дорожка вывела на берег, к уже знакомой пристани. Силуэты стругов тонули в тумане. Кто-то топтался на палубе, судя по звукам, двигал мешки, прилаживал весла, но Нигнас повел отряд по узкой тропке вдоль воды. От покрытой росой травы сапоги тут же потемнели, но

выделки были хорошей – внутрь сырость не проникла. Лук шел сразу за Негой и время от времени ловил ее тревожные взгляды. В воздухе гудела мошкара, но на кожу не садилась, с берега потянуло ветерком, и туман медленно пополз к невидимому пока Дикому лесу. За спиной, в поселке, изредка гавкали собаки, в торчащих из воды островках тростника кричала неизвестная птица, плескалась рыба.

– Поспешим, – послышался впереди голос Нигнаса. Лук ускорил шаг, оглянулся, вспомнив, что он не побеспокоился о Куранте, но за спиной шагала Самана, которая кивнула приемному сыну. Курант шел за нею.

Под ногами вскоре зачавкало. Отряд спустился в низину, которая образовалась у врезавшегося в берег заливчика, и остановился. Нигнас стянул сапоги, закатал порты и, вполголоса проклиная холодный ил, полез в тростники. Проклятия продолжались и в тростниках, пока наконец Нигнас не появился вновь, вытягивая за собой сразу две узкие, собранные из просмоленных досок лодки.

– Ненавижу пиявок, – прошипел Нигнас, сбивая щелчками с ног присосавшихся тварей. – А их тут больше, чем рыбы.

– Быстрее, – поторопила брата Арнуми и тут же ухватила за нос одной из лодок. – Так, со мной пойдет Курант, Самана и... Харас. Плечи у гребца широкими должны быть. Остальные в лодку к Нигнасу. И чтобы ни слова на борту, если только с губ на ухо. Скоро струги мои вверх по течению пойдут, не хотела бы я, чтобы работники мои знали, куда я правлю. Так что тихо! Звуки на воде далеко разносятся. Кто чихнет или кашляет – утоплю!

Лук с сомнением посмотрел на пиявок, которые, упав на глинистую почву, медленно поползли к воде. Нельзя сказать, что на утопление в чистой воде он бы согласился, но уж, во всяком случае, недавние мысли о купании рассеялись как туман. Впрочем, туман еще не рассеялся, но часть глади Блестянки, которая хоть и была уже, чем Хапа даже до их слияния, но на половину лиги берега раскидывала, освободил.

Нигнас с рулевым веслом уселся на корме, Лала свернулась в комочек на носу длинной лодки, Нега присела с ней рядом, а Лук уже привычно пристроил на место весла и, повинаясь знаку Нигнаса, стал отгребать от берега. Второй лодкой правила Арнуми, а с веслами управлялся Харас, который с выражением досады на начинающем покрываться рыжей щетиной лице выглядывал Лалу. Лодки поплыли неожиданно легко и быстро, заскользили по водной глади, и Лук точно так же, как и в струге, почувствовал какую-то беззащитность, невозможность при необходимости не только защитить спутников, но даже постоять и за себя. Ни у кого из отряда не было ни лука, ни самострела. Берег между тем становился все дальше, Лук работал веслами, стараясь опускать их в воду без всплесков, и все ждал, что за излучиной Блестянки откроются причаленные струги и покажется бревенчатая громада крепости-трактира, но не дождался. Лодка вошла в туман, который здесь, за стремниной, оставался настолько плотным, что продолжал скрывать противоположный берег, напоминающий о себе только каким-то особенным, сырым и тяжелым, запахом. Вскоре, когда и сидевшие на носу девушки стали расплываться в сером мареве и до странности быстро проволгла одежда, Нигнас дал знак остановиться. Лук опустил весла, но лодка продолжала двигаться. Ее медленно несла течением река. «Так нас же сносит обратно к поселку», – забеспокоился Лук, но тут же рядом раздался легкий плеск, и из тумана показалась лодка Арнуми.

– Соединяйтесь бортами, – неожиданно тихо прошелестела старуха. – Да весла-то поднимите, загребите сейчас!

Лодки соединились. Довольный Харас нашел взглядом Лалу, толкнул Луку в плечо, отчего зыбкая конструкция едва вновь не распалась, но борта удержал вместе Нигнас.

– Тихо! – приложила ладонь к губам Арнуми и, неожиданно ловко перебежав на нос своей лодки, отправила назад сидевшую там Саману.

– Куда мы теперь? – прошептал Лук, продолжая, так же как и Харас, грести одним веслом. – Нас же на поселок сносит!

– Да мы уж ниже поселка, – негромко ответил Харас. – Как я понял, они на этих лодках на болота в Дикий лес ходят. За ягодой. Там у них и летние домики, кухни, там же и лучший лес. На косогоре за болотами поселок лесорубов. Но болота выше по течению. А мы, пользуясь туманом, хотим прошмыгнуть мимо поселка и укрыться тоже в Диком лесу, но ниже по течению. Там, где нас не будут искать. Или не должны искать. Вроде бы мало кто знает это укрытие.

Лук затаил дыхание.

– В Диком лесу? – Он ткнул пальцем в неразличимое в белом месиве нечто. – Да я слышал, что даже ловчие боятся в него заходить!

– Правда? – хмыкнул Харас. – Так нам того и надо!

Туман начал рассеиваться только через час вместе с первыми бликами солнца, которое выползло из-за горизонта точно над гладью Блестянки, может быть, даже над ее истоком. Луку не единожды казалось, что они вот-вот причалят к страшному берегу, и что мимо них проплывают корабли, наполненные ненавистными ловчими, и что где-то поблизости плещутся страшные рыбы вроде тех, которых, как он слышал, в том же Хурнае называют подводными слугами Пустоты. Но когда ему открылся простор Блестянки от берега до берега, он тут же забыл обо всех страхах. Дикий лес был рядом, пришлось бы идти до него пешком – Лук бы уложился в полсотни шагов, вот только разглядеть за этими шагами он ничего не мог. Над водой нависали плотные кусты, чуть выше курчавились кроны прибрежных деревьев, над ними еще какие-то кроны, и все вместе складывалось в зеленую стену, которая упиралась, кажется, в красноватое небо и делила Салпу на лес и все остальное.

– Арнуми! – вдруг услышал Лук дрогнувший голос Нигнаса.

Брат трактирщицы встал и, приложив одну руку к глазам, другой показывал на северо-восток. Лук прищурился. В отдалении, где-то в трех или четырех лигах, бушевал пожар. Темными клубами вставал дым, иногда взметались языки пламени. И еще один столб дыма виднелся чуть севернее, и еще один, и еще. И на юге тоже стоял дым. Не дым сторожевых башен, горела какая-то деревня.

– Ну вот, – стянула с головы платок Арнуми и нашла взглядом побледневшего Луку. – Если у посланников иши достанет ума, то теперь тебя, парень, будут искать вольные со всего берега. Давненько нас так не накрывало...

– А разве у них нет мечей и луков, чтобы защитить собственные дома? – подал голос Курант.

– Есть, – кивнула Арнуми и медленно опустилась на скамью. – Но вряд ли ловчие иши пойдут выкашивать все поселения вольных, а пока есть возможность уйти, отсидеться, спрятаться, многие предпочтут именно это. Ты не забыл, что все, кто живет между Хапой и Блестянкой, однажды уже предпочли бегство? Теперь это у них в крови.

– А если некуда будет бежать? – не унимался Курант.

– Тогда и поговорим, – закрыла глаза Арнуми и махнула рукой. – Нигнас, правь к берегу. Нас могут увидеть.

Лодки разошлись, Лук снова налег на весла, но глаз с вздымающихся на горизонте клубов дыма не спускал. Смотрел, пока над головой не зашелестели ветви и лодка не погрузилась в сумрак.

– Первый урок, – негромко заметил Нигнас, – в лесу слушать, но двигаться так, чтобы не слышать самого себя. Мы в чужом доме, парень.

Лук кивнул, разглядел на носу второй лодки Саману с вытаращенными глазами, оглянулся и сам. Раздвинув спадающие до воды зеленые пряди, лодки вошли в сумрачный коридор.

Зелень скрывала неширокую речушку, которая струила воды через россыпь водяных лилий и речной травы. Ветви деревьев сплетались над рекою зеленой галереей, внутри которой зудела мошкара.

– Вот. – Нигнас наклонился, сорвал пару желтых лилий, бросил Луку. – И девчонкам передай. Намажьте лицо пыльцой, иначе сожрет мошкара. Да не выбрасывай цветок, одного бутона на неделю хватит.

Желтое нутро лилии пахло гнилью. «И я бы не стал кусать такое, стань комаром», – подумал Лук, но лицо и руки намазал и тут же почувствовал облегчение. Только что лепившаяся на щеки мошкара теперь зудела, не причиняя вреда. Можно было посмотреть и по сторонам. Жаль только, что смотреть было не на что. Кустов вдоль потаенного притока Блестянки не наблюдалось, потому как те самые деревья, которые смыкали ветви над небольшим отрядом, когда-то и были кустами. Теперь они сплели не только ветви, но и корни, оставляя для собственных семян сомнительную судьбу унесенных течением к лучшей жизни ростков. Даже стволы деревьев теснились так, что, захоти Лук причалить лодку к одному из берегов, вряд ли бы он сумел протиснуться между побегов. Хотя кое-где виднелись узкие проходы, оставленные, вероятно, каким-то зверьем. В одном из таких лазов Лук даже разглядел морду кабана. Судя по всему, не пуганный человеком зверь чувствовал себя хозяином водопоя. Он смачно втягивал воду и с интересом косил взглядом на неожиданных лесных гостей.

Лодки скользили по спокойной воде легко, иногда весла задевали глянцевые листья тех же лилий, но в тине не путались, время от времени речную гладь тревожила рыба. Постепенно река становилась уже. Вместо двадцати шагов ширины в ней стало едва ли с десятков. Лук даже подумал, что еще через пару лиг, миновав с пяток узких притоков, он начнет задевать веслами сразу два берега. Вместе с тем и течение реки стало более сильным. Теперь грести приходилось в полную силу, не просто подгонять лодку, а удерживать ее на стремнине. Зеленый коридор над головой никуда не делся, но вознесся на невообразимую высоту. Теперь кроны смыкали не переросшие кусты, а огромные деревья, которые дробили гигантскими корнями глыбы известняка и в некоторых местах перегораживали ими течение, словно черными щупальцами. Лодка преодолевала их без труда, но Лук, слыша скрип днища, вздрагивал. Вдобавок брызги, попадавшие на руки при попытках перетянуть суденышко через неожиданные преграды, оказались неожиданно холодны.

– Речка с гор бежит, – заметил с кормы лодки Нигнас. – Тут все речки бегут с гор. Горы, конечно, так себе. Не Восточные Ребра и уж тем более не Челюсти, лесом поросли до перевала, но все ж таки горы.

Лук хотел что-то ответить, но услышал негромкий вскрик Неги и обернулся. Девчонка обнимала за плечи Лалу и смотрела вверх. Между известковых берегов, которые в этом месте русла достигали десятка локтей высоты, лежал толстый, замшелый ствол дерева. На нем стоял смуглый человек. Он был совершенно обнажен, разве только на поясе его красовалась сплетенная из разноцветных нитей или шнуров лента, к которой крепилась полоса ткани, прикрывающая естество незнакомца. Все остальное тело человека густо покрывала татуировка, включая щеки, лоб и наголо обритую голову. В одной руке у человека было короткое копье, в другой – длинный лук. На плече висел тул со стрелами. Лук прищурился. Судя по всему, человек был гигантом. Даже Харас был ниже этого молодца на голову.

– Кто это? – прошептал Лук, когда незнакомец остался за спиной. – Дикий охотник?

– Некуманза, – ответил Нигнас. – Дикий охотник – это кто-то вроде нас с тобой, тот, кто отваживается забредать в Дикий лес надолго. Иногда годами живет в нем. А это некуманза. Народ леса. В лесу много разных племен. Все они сами себя называют некуманза. Некоторые знают язык Текана. У этого черная татуировка, он неопасен, если его не задирать. Земля отсюда до перевала считается между некуманза ничьей, но мы здесь все равно гости. Не слишком

желанные, но терпимые. Тут можно строить дома, если не тревожить землю, ну то есть не устраивать фундамента, не выворачивать камни из земли.

– И почему же вы не строите? – спросил Лук.

– Тут нельзя жить, – сказал Нигнас. – Зимой приходят звери. Страшные звери. Если зима суровая и Блестянка замерзает, некоторые из них добираются и до поселка. А здесь они бывают и летом, но реже.

– А как же эти? – Лук показал на дикаря, который все еще стоял над потоком, уменьшаясь с каждым гребком.

– Эти привычные, – вздохнул Нигнас. – Но тоже боятся. Слышишь?

– Шум, – насторожился Лук. – Словно вода шумит.

– Приплыли, – кивнул Нигнас. – Дальше хода нет.

Деревья расступились, берега разбежались в стороны, образуя круглое, шириной в сотню шагов, озерцо, и Лук, оглянувшись, разглядел причину шума. Местность, которая чем дальше, тем больше напоминала покрытые густым лесом гиенские предгорья, здесь являла себя во всей красе. Затянутый густой травой и пронзенный толстыми корнями тысячелетних великанов горный склон прямо от озерца поднимался гигантскими ступенями вверх, чтобы в вышине скрыться в лесной чаще, из которой, разбиваясь на сотни и тысячи струй, по этим ступеням скатывался в озерцо водный поток. Вода у края озера кипела, в воздух взметались брызги, образуя мглистое облачко, шум закладывал уши, и даже Курант с гримасой на лице попытался прикрыть их ладонями.

– Теперь еще быстрее и еще ловчее! – приказала Арнуми.

Лодки были вытащены на правый берег и спрятаны в густом кустарнике в сотне шагов в стороне. Нигнас придирчиво осмотрел берег, втоптал в землю несколько сдвинутых камней, выудил из мешка кожаное ведро, наполнил его водой и, пятась, пролил за собой землю.

– Неужели кто-то последует за нами? – усомнился Харас, который не преминул вновь взять под опеку Лалу.

– Кто-нибудь да последует, – уверенно кивнул Нигнас. – Надеюсь, я знаю, кто это будет.

– Пошли, – махнула рукой Арнуми.

Идти пришлось недолго. Едва различимая в траве тропка, обходя серые, покрытые мхом валуны известняка и основания огромных деревьев, вела куда-то вверх, в сторону, петляла по склону, пока не развернулась к востоку, и шум водопада, который вроде бы стал затихать, начал усиливаться вновь. Правда, он уже не напоминал рев чудовища, нет, теперь в нем было что-то от шелеста и журчания. Но как бы ни петляла едва различимая тропа, она упорно заставляла путников подниматься вверх.

– Вот. – Арнуми остановилась у очередного поворота тропки, махнула рукой в сторону, поймала взгляд Лука. – Видишь, парень, вот ту дорожку?

Дорожку Лук разглядел. Конечно, ее нельзя было назвать даже и тропой, но полоса, на которой не было ни упавших сучьев, ни камней, среди валунов и стволов проглядывала. Уходила вдоль склона на запад, теряясь в зарослях.

– На гребень поднимается, – объяснила Арнуми и понизила голос. – Поднимается и так вдоль русла Блестянки и вдоль хребта идет к Хапе. В трех десятках лиг южнее Хилана спускается на берег. Там крохотный поселок, в котором дикие собираются. Сдают купцам меха, иногда дичь, кость, другое... по мелочи. Оттуда можно уйти.

– Я понял, – хрипло прошептал Лук, поймав испуганный взгляд Неги.

– Но не теперь, – строго сказала Арнуми и обернулась к Куранту, который только что приблизился, шествуя вслед за Саманой. – Обождать нам придется с половину дня. Сейчас

отойдем ближе к водопаду, там есть площадка, навес, дровишки приготовлены. Надо бы и перекусить. Время обеда уже скоро, а ведь и не позавтракали с утра.

– Кое-кто и не ложился спать, – с укоризной добавил Нигнас и зашагал в сторону шума воды.

– Поговори еще у меня, – проворчала Арнуми и подмигнула Лале, руку которой не выпускал из ладони Харас. – Кому горе-печаль, а кому и земля как хлеб. Намажь медом да ешь. И я бы присоседилась, да не люблю, когда на зубах хрустит.

Площадка открылась через пару сотен шагов. Навес был устроен из десятка жердей и огромных кусков коры, но за ветхостью вряд ли защитил бы даже от немудрящего дождика. Дрова лежали аккуратной поленицей, между валунов чернело давнее кострище. Водопад был уже совсем близко, шум воды не смолкал, на мокрых скалах курчавились пышные шапки лишайника. Лук подошел к вросшим в склон валунам, взглянул вниз. Озерцо сверху казалось мутной лужицей, из которой выбегала ленточка реки, чтобы через пару десятков шагов скрыться под кронами деревьев.

– Отличное место, – заметил подошедший Нигнас. – Пяток хороших лучников может сдерживать здесь и сотню воинов.

– Мы кого-то ждем здесь? – спросил Лук.

– Ждем, – кивнул Нигнас. И пробурчал, отходя к занимающемуся костру: – Радость и беду.

И радость, и беда пришли почти одновременно, но не сразу. На костре успела дойти сытная каша, за водой для которой Луку пришлось добираться по скользким камням до падающих сверху струй воды. Потом, пока котелок попухивал паром, Лук лежал на спине и смотрел в красное небо. Нега сидела рядом, но молчала. Известковые валуны были холодны, но с учетом пластов лишайника вполне могли заменить мягкое ложе. Лук время от времени поглядывал на хозяйку трактира, но не мог найти слова, которыми должен был повиниться перед старухой. Да и нужны ли были ей слова? Но молчание вокруг костра казалось тягостным, хотя народу на площадке осталось немного. Харас отошел вместе с Лалой присматривать за озером, Нигнас отправился в ближайшие заросли возобновить запас дров. Арнуми молчала, Самана молчала, Курант хмурился и гладил руку Саманы. Нега сжалась в комок и сидела, закрыв глаза. Лук нащупал на камне ладонь названной сестры, погладил ее точно так же, как гладил руку Саманы Курант.

– Прости меня.

Непонятно, что он хотел сказать, но само собой вымолвилось это.

– Из-за меня все. И с этим столбом, и с кузнецом тоже. Пошли бы в слободку, ничего бы не было. Да и если бы я сдержался, тоже ничего бы не было.

– А я бы вот не сдержалась, – заметила она негромко, но по чуть приметному движению головы Лук понял: Курант все слышит. – Насчет столба не скажу, а у кузнеца и я бы не сдержалась. И уши бы отрезала тоже. Знать бы еще, кому резать. Я-то вовсе несмышленной была, когда меня Курант подобрал. Родителей нет, кто они – неизвестно. Копалась на помойках, бултыхалась в узкой речушке. Сама, правда, этого не помню. И родителей не помню. Ничего не помню. Ты уходить решил?

– Да, – кивнул Лук. – Вся беда из-за меня, так что мне ее и уводить. Дорожку Арнуми показала, по ней и пойду. Если я правильно понимаю, пусть и по горам, но вряд ли придется пройти больше сотни лиг. Что это для бродяги? А там выберусь в какой-нибудь город, повторю шутку со щитом, отвлеку погоню. Да и должок еще есть. Второй ловчий и Далугаеш живы пока. А там, может, и еще кто-то отыщется.

– Куранту скажешь? – безжизненным голосом прошелестела Нега.

– Он все слышит, – пожал плечами Лук.

– А вот и радость моя! – воскликнула вдруг Арнуми, всплеснула руками, и Лук увидел невысокого белобрысого паренька-мужичка, который вышел то ли из-за дерева, то ли из-за камня, но ни звуком, ни движением не выдал себя, покуда появившийся из-за кустов с охапкой дров Нигнас не похлопал его по плечу. Одет мужичок был во что-то серое или зеленое, что сливалось цветом с лишайниками и подлесной травой, в руках имел длинный лук со снятой тетивой, за плечами тул со стрелами, за поясом топор, а в руке странное короткое копье с длинным наконечником и стальной поперечиной под ним. Но самым примечательным оказалось выражение его лица. На нем играла счастливая улыбка.

– Это же сын мой, – запричитала Арнуми, обнимая мужичка и замусоливая ему щеки поцелуями. – Намувай! Солнце мое! Что ж ты совсем забыл о матери?

– Да где ж забыл? – с той же самой улыбкой поклонился незнакомцам парень. – Помню. А как позвала, так я сразу и здесь. Как велено. Кого вести надо, куда?

– Пошли, Намувай, отойдем в сторону, все тебе расскажу, – потянула сына за руку Арнуми. – Нигнас, нечего уши топырить, пошли с нами. А вы тут сами договоритесь между собой.

– А что тут говорить, – обронил глухие слова Курант и сжал пальцы Саманы. – Давай, жена, собирай сына в дорогу. Посмотри, что ему пригодится в пути. Развяжи кошель, помоги монетой. Видишь, и проводник уже есть. А я пока прикину, куда ему идти, где укрыться.

– А мы как же? – опешила женщина. – Может быть, вместе? Неужели будем вот так на камнях сидеть? Да и как же...

– Слушай меня, – повторил Курант. – На камнях мы сидеть не будем. Но, так или иначе, беду от здешних мест отвести надо. А отвести ее – это и в самом деле значит, что Луку придется показаться где-то там, за Хапой. Но на это у него ума, я думаю, хватит. Впрочем, на этот счет у Арнуми свои соображения есть. А мы отсидимся. Крыша над головой найдется и здесь, не бойся, навесом этим не обойдемся, но не время сейчас тайные тропы показывать, а об этом месте в поселке многие знают. Ждет Арнуми, должен вестничек появиться из поселка. Только высматривать надо, кто появится. Есть по этому поводу у старушки некоторые предположения.

Предположения Арнуми оправдались. Известия о беде принес ее приказчик – Паш. Харас прибежал с вестью, что в озерцо вошла лодка, и какой-то вольный выбрался из нее, а через полчаса тот и сам поднялся к стоянке. Невысокий, чуть шупловатый круглолицый вольный, потирая перемотанную кровавой тряпкой руку, присел у костра, жадно забросил в рот порцию каши и, то и дело поглядывая на Лука, поведал горькую весть. Ловчие вошли в поселок на рассвете, почти сразу зажгли трактир, а потом запыхали и прочие дома. Стариков, женщин и детей убивали на месте, оставили только десять парней из тех, кто еще безус, но крепок. Объявили им, чтобы те бежали по окрестным деревням и сообщали, что ищет иша Текана нескольких человек, среди которых слепой старик, баба с голубыми глазами, девчонка с черными, рыжий здоровяк-переросток да белоголовый мальчишка со шрамом на лбу. Вот за мальчишку обещана награда в тысячу золотых. И если где-то он появится, но вести о том припозднятся, то жители той деревни будут убиты, а их дома сожжены.

– Самому-то как удалось бежать? – с подозрением пробурчал Нигнас, в то время как Арнуми качалась как заведенная из стороны в сторону с мертвым лицом. – Чем руку поранил?

– Стрелой, – огрызнулся Паш. – Лежал в кустах, слушал, да унюхали меня ловчие. Еле успел до реки сорваться, прыгнул в лодку, да все одно стрелой взяли. Но за одним человеком на этот берег не полезут.

– Полежут не полежут, а рисковать не будем, – вдруг словно очнулась Арнуми. – Намувай! Слышишь, что Паш сказал? Бери вот этого парня и води его по хребту к поселку. Найдешь

лодку и отправишь на тот берег. Пусть сам разбирается, мы через него уже и так претерпели в достатке. Ну что стоишь, Лук? Обнимай отца, мать и топай. Время дорого. А мы тут переждем.

Лук неуверенно поднялся. Только что твердил себе, что уходить надо, и вот уже кажется, что лучше было бы переждать. Харас подал ему собранный Саманой мешок. Нигнас протянул небольшой топор. На поясе висел меч. За поясом нож. Сапоги сидели на ногах крепко, куртка была по росту, холщовые штаны выкроены из неброского, но прочного конопляного полотна. Вот только Нега почему-то смотрела на брата с тревогой, но без слез. А вот Самана глаза слезами залила. Куранту плакать было нечем, да и не плакал он никогда.

– Увидимся еще, – твердо сказал Харас.

Лала зарыдала в голос.

– Ну ладно, – пробормотал Лук, поклонился семье, Арнуми, Нигнасу, коснулся ладони Куранта, поправил мешок и зашагал по узкой дорожке вслед за Намуваям.

Нега догнала путешественников через пару лиг. На спине у нее висел мешок.

– Все срослось, – прошептала она удивленному Луку, оглядываясь. – Едва вы ушли, Паш сбежал. Не в том смысле, что скрылся вдруг, а вспомнил что-то, поискать ему кого-то стало надо в полях, во временном балаганчике. Арнуми сказала, что послан он сюда, точно послан. И повязка в крови, а рука работает так, словно и раны никакой нет, да и глазки у него больно суетливые. Арнуми уверена, что врал он, за тобой он послан. И Курант говорит, что врал. Только ты за них не волнуйся. Они тут же с места снялись и прямо под струями водопада дальше пошли в неприметное место. Никто о нем не знает.

– Это точно, – расплылся в улыбке Намувай, рассматривая девчушку, у которой и мешок имелся за плечами, и пара крисов торчала за поясом.

– А уляжется тут немного, все вернутся в Текан, – продолжила тараторить девчонка. – Курант говорит, что хватит уже колесить от ярмарки к ярмарке, пора уж и отдых себе дать. А то, что этот Паш побежал доносить про тебя, Лук, это даже хорошо. Он ведь скажет ловчим, что мы на поселок диких пошли, значит, Куранту и всем нашим большая беда грозить не будет. Арнуми говорит, что и нам беда не грозит, Намувай что-то придумает, они все уже обговорили. Так что мы...

– Мы? – не понял Лук. – Что значит «мы»?

– Я с тобой, – поправила мешок на плечах Нега, покосилась на Намувая, который продолжал тянуть улыбку от уха до уха. – А ты как думал? Самана велела, чтобы я за тобой присматривала. Ну вот я и здесь. И нечего хмуриться и лоб чесать. Без присмотра тебя никак нельзя отпускать было. Да и кто из нас с Курантом разговаривал, кто назубок все курантовские укрытия помнит? Да ты посмотри на проводника, он с самого начала все знал.

Глава 7

Намувай

Троица выбралась на гребень только к вечеру второго дня. Весь первый день Намувай с интересом оглядывался, словно ждал, когда его спутники попросят пощады, ведь путь был нелегким. Конечно, старые, покрытые лесом горы не могли сравниться даже с предгорьями Западных ребер, куда Курант забредал довольно часто, но предложенная тропа для легкой прогулки никак не подходила. Каменные осыпи сменялись колючими зарослями, сползшие со склонов буреломы перемежались внезапными провалами, но приемные дети Куранта, закаленные ежедневными упражнениями и нагрузками, не жаловались и держались даже лучше самого Намувая, что вызвало его искреннее изумление. Под вечер он даже махнул рукой и, не стирая с лица, как понял Лук, всегдашнюю улыбку, признался, что привал сделать следовало уже давно, но он так долго надеялся на мольбу об отдыхе со стороны спутников, что в итоге взмолился сам. Впрочем, место для стоянки Намувай выбрал хорошее. Подняться они успели довольно высоко, мошкары почти не было, зато среди камней обнаружился тонкий ручеек, в котором удалось не только набрать воды, но и немного поплескаться, смывая пот и возвращая свежесть. Предложение Неги приготовить что-нибудь на ужин Намувай решительно отверг, сам развел костерок, извлек из собственного мешка небольшой котелок и изобразил что-то вроде сладкой каши, потому как кроме зерна отправил в варево ложку меда и две горсти ягоды, которую собрал тут же, попутно объясняя Неге, как отличить съедобную ягоду от ядовитой. Лук думал, что, расположившись на пластах собранного мха, им удастся перекинуться несколькими словами с сыном Арнуми, но тот уснул мгновенно. А почти сразу за ним засопела, уткнувшись в плечо Лука, и Нега. Незаметно уснул и он сам, успев подумать, что никак вот такой неохораняемый сон не соответствует увещаниям Куранта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.